

**Язык
Коммуникация
Общество**

Язык. Коммуникация. Общество

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный экономический университет» (СПбГЭУ).
Журнал издается с 2023 г., выходит четыре раза в год.

Языки: русский, английский.

Редакция журнала: 191023, г. Санкт-Петербург, Москательный пер., д. 4. E-mail: ics_journal@unecon.ru.
Сайт: <https://unecon.ru/nauka/izdaniya/>.

Редакционная коллегия

Главный редактор:

А.Д. Кривоносов, д-р филол. наук, проф.,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет, СПб., Россия

Заместители главного редактора:

И.В. Кононова, д-р филол. наук, доц., **А.А. Пруцких**, канд. филол. наук, доц.,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет, СПб., Россия

Ч. Байчун, д-р филос. наук, проф. (Китай), **Р.А. Бурханов**, д-р филос. наук, проф., **И.И. Волкова**, д-р филол. наук, доц.,
Е.А. Гончарова, д-р филол. наук, проф., **Е.Н. Ежова**, д-р филол. наук, проф., **В.И. Ивченков**, д-р филол. наук, проф. (Белоруссия),
Л.А. Капитанова, д-р филол. наук, проф., **В.И. Карасик**, д-р филол. наук, проф., **Е.Ю. Кармалова**, д-р филол. наук, доц.,
Х.Н. Кафтанджиев, д-р филол. наук, проф. (Болгария), **К.В. Киуру**, д-р филол. наук, проф., **Т.А. Клепикова**, д-р филол. наук, доц.,
Л.А. Кочетова, д-р филол. наук, проф., **Т.Ю. Лебедева**, д-р филол. наук, проф. (Франция), **О.В. Магировская**, д-р филол. наук,
доц., **О.Д. Маслбоева**, канд. филос. наук, доц., **Г.С. Мельник**, д-р полит. наук, проф., **Е.А. Нильсен**, д-р филол. наук, проф.,
В.Н. Степанов, д-р филол. наук, проф., **Ю.Г. Тимралиева**, д-р филол. наук, доц., **С.Л. Фокин**, д-р филол. наук, доц., **Г.В. Хомелев**,
д-р филос. наук, проф., **М.Г. Шилина**, д-р филол. наук, доц., **Л.В. Шиповалова**, д-р филос. наук, проф.

Ответственный секретарь:

Е.Г. Сулова, канд. филол. наук, доц.,
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет, СПб., Россия

Технический секретарь:

А.Ю. Бомбин, ассистент,
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет, СПб., Россия

Язык. Коммуникация. Общество: Электронный научный журнал. 2023. №3 (3). 119 с.

О журнале:

Электронный научный журнал «Язык. Коммуникация. Общество» (Санкт-Петербургский государственный экономический университет) основан в 2022 году с целью расширения единого научного и образовательного пространства. Журнал представляет результаты научных исследований российских и зарубежных ученых по социогуманитарным проблемам развития общества и публикует научно-исследовательские статьи и критические научные рецензии на русском и английском языках в области трех научных дисциплин: философия (научные специальности 5.7.1 «Онтология и теория познания»; 5.7.2 «История философии»); лингвистика (научные специальности 5.9.6 «Языки народов зарубежных стран (германские языки)»; 5.9.8. «Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика»); коммуникативистика (научная специальность 5.9.9. «Медиакоммуникации и журналистика»).

Цель журнала:

создать информационную площадку, которая может обеспечить научное сообщество результатами анализа теоретических и эмпирических проблем в области философии, лингвистики, рекламы, связей с общественностью и медиакоммуникаций.

Задачи журнала:

— публикация оригинальных результатов научных исследований по вопросам философии, лингвистики, коммуникативистики, полученных широким кругом авторов из российских и зарубежных научных организаций;
— осуществление научной коммуникации между российскими и зарубежными специалистами по лингвистике, коммуникациям, философии, работающим в различных научных организациях;
— интеграция возможностей мультидисциплинарного подхода к социогуманитарным исследованиям.

© СПбГЭУ, 2023

Language. Communication. Society

Founder and publisher: Saint Petersburg State University of Economics (SPbSUE).

The magazine has been published since 2023 and is published four times a year.

Languages: Russian, English.

Editorial address: 191023, St. Petersburg, Moskatelny lane, 4.
E-mail: ics_journal@unecon.ru.
Сайт: <https://unecon.ru/nauka/izdaniya/>.

The editorial board

Editor-in-Chief:

Alexey D. Krivonosov, Doctor of Philology, Professor,
St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia.

Deputy Editors-in-Chief:

Inna V. Kononova, Doctor of Philology, Associate Professor, **Andrei A. Prutsikh**, Candidate of Philology, Associate Professor,
St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

Zhang Baichun, Dr. philos. science, Prof. (China), **Raphael A. Burkhanov**, Dr. philos. science, Prof., **Irina I. Volkova**, Dr. philol. science, Assoc. Prof., **Elena A. Goncharova**, Dr. philol. science, Prof., **Elena N. Yezhova**, Dr. philol. science, Prof., **Viktor I. Ivchenkov**, Dr. philol. science, Prof. (Belarus), **Ludmila A. Capitanova**, Dr. philol. science, Prof., **Vladimir I. Karasik**, Dr. philol. science, Prof., **Elena Yu. Karmalova**, Dr. philol. science, Assoc. Prof., **Hristo N. Kaffandzhiev**, Dr. philol. science, Prof. (Bulgaria), **Konstantin V. Kiuru**, Dr. philol. science, Prof., **Tatyana A. Klepikova**, Dr. philol. science, Assoc. Prof., **Larisa A. Kochetova**, Dr. philol. science, prof., **Tatyana Yu. Lebedeva**, Dr. philol. science, Prof. (France), **Oksana V. Magirovskaya**, Dr. philol. science, Assoc. Prof., **Olga D. Masloboeva**, Cand. philos. science, Assoc. Prof., **Galina S. Melnik**, Dr. polit. science, Prof., **Elena A. Nilsen**, Dr. philol. science, Prof., **Valentin N. Stepanov**, Dr. philol. science, Prof., **Julia G. Timralieva**, Dr. philol. science, Assoc. Prof., **Sergey L. Fokin**, Dr. philol. science, Assoc. Prof., **Gennady V. Khomelev**, Dr. philos. science, Assoc. Prof., **Marina G. Shilina**, Dr. philol. science, Assoc. Prof., **Lada V. Shipovalova**, Dr. philos. science, Prof.

Executive Secretary:

Ekaterina G. Suslova, Can. philol. science,
Assoc. Prof., St. Petersburg State University of
Economics, St. Petersburg, Russia

Technical Secretary:

Andrei Yu. Bombin, assistant,
St. Petersburg State University of Economics,
St. Petersburg, Russia

Language. Communication. Society: Digital scientific journal. 2023. 3 (3): 119 p.

About the journal:

Digital scientific journal "Language. Communication. The Society" (St. Petersburg State University of Economics) was founded in 2022 with the aim of expanding the unified scientific and educational space. The journal presents the results of scientific research by Russian and foreign scientists on socio-humanitarian problems of society development and publishes research articles and critical scientific reviews in Russian and English in the field of three scientific disciplines: philosophy (scientific specialties 5.7.1 "Ontology and theory of knowledge"; 5.7.2 "History of Philosophy"); linguistics (scientific specialties 5.9.6 "Languages of peoples of foreign countries (Germanic languages); 5.9.8. "Theoretical, applied and comparative linguistics"); communication studies (scientific specialty 5.9.9. "Media communications and journalism").

Purpose of the journal:

to create an information platform that can provide the scientific community with the results of the analysis of theoretical and empirical problems in the field of philosophy, linguistics, advertising, public relations and media communications.

Mission of the journal:

- publication of original research results on philosophy, linguistics, and communication studies obtained by a wide range of authors from Russian and foreign scientific organizations;
- implementation of scientific communication between Russian and foreign specialists in linguistics, communications, philosophy working in various scientific organizations;
- integration of the possibilities of a multidisciplinary approach to socio-humanitarian research.

© SPbSUE, 2023

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

Раздел 1. ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ.....	5
Верезубова Е.Е., Фрейдсон О.А. Африканизмы во французском языке и французский язык в Африке: к вопросу о взаимном проникновении языков-культур	5
Нильсен Е.А., Окулова Е.А. Диахроническое исследование репрезентации концепта JOY в английском языке с применением методов корпусной лингвистики	16
Konnova M.N., Westerbeek A.G.M. Metaphor research: from Aristotle to neuroscience	27
Раздел 2. МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА	41
Кармалова Е.Ю., Евсеева Т.М. Медийная реклама как вид коммуникационного продвижения	41
Киуру К.В. Дидактическая модель выпускной квалификационной работы по направлению	51
Мисонжников Б.Я., Мельник Г.С. Религиозный экстремизм в медиатекстах: природа и социальные последствия	60
Раздел 3. ФИЛОСОФИЯ	73
Маслобоева О.Д. Манкуртизм современной цивилизации и задачи образовательного процесса	73
Рябов А.А. Что разумно, то действительно, и что действительно, то разумно: история, смыслы и судьба одной фундаментальной идеи философии	88
Саифназаров И., Умаржанов С. Учение Фахридина Ал-Рази о бытии	107
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	118

Раздел 1. ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 81'373.43

Везубова Екатерина Евгеньевна¹✉, Фрейдсон Ольга Александровна²

^{1,2}Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

¹c_vezubova@mail.ru, AuthorID: 610520, ORCID: 0000-0003-4915-7992

²olga-freidson@mail.ru, AuthorID: 380513, ORCID: 0000-0002-1933-492X

АФРИКАНИЗМЫ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ И ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК В АФРИКЕ: К ВОПРОСУ О ВЗАИМНОМ ПРОНИКНОВЕНИИ ЯЗЫКОВ-КУЛЬТУР

Настоящая статья посвящена исследованию роли африканизмов в стандартном варианте французского языка. В настоящее время большинство говорящих на французском языке проживает в Африке, и со временем эта тенденция только усиливается. Французский язык для жителей Африки не всегда является родным. В первую очередь для них это язык образования, документации, делового и межэтнического общения. Однако сегодня он также является языком разговорным, со свойственными ему спонтанностью и эмоциональностью, вбирая элементы африканских языков и культур. Такая неоднозначная позиция французского языка не может не отразиться на словообразовании. Поскольку специфика использования наиболее продуктивных словообразовательных моделей отражает языковые тенденции и культурные особенности, словообразовательный анализ африканизмов позволяет осветить лингвокультурологические аспекты французского языка в Африке, с одной стороны, и роль африканизмов во французском языке Франции – с другой. Методом сплошной выборки из современных словарей африканизмов, толковых словарей французского языка, а также списков неологизмов за последние пять лет нами был составлен корпус лексем, которые пришли в стандартный французский язык из французского языка Африки. Благодаря проведенному морфологическому, этимологическому и сопоставительному анализу были выявлены основные словообразовательные тенденции африканизмов, принятых в стандартном французском языке, и специфика их употребления. Особо отметим активное образование простых глагольных форм, свойственное французскому языку Африки, упрощение грамматики, использование большого количества сленговых слов. Слова, пришедшие из французского языка Африки, относятся по большей части к лексике повседневного общения, отражают культурные традиции народов (религиозные обряды, семейные традиции). Заимствованные кальки устойчивых выражений из разных африканских языков свидетельствуют об особой роли тела человека в национальных культурах и межличностных отношениях. Большое количество необычных для стандартного французского языка метафорических переосмыслений и сленговых слов придает новую особенность и эмоциональность речи.

Ключевые слова: африканизмы, стандартный французский язык, неологизмы, словообразование, верлан, лексиколура.

Везубова Е. Е., Фрейдсон О. А. Африканизмы во французском языке и французский язык в Африке: к вопросу о взаимном проникновении языков-культур // Язык. Коммуникация. Общество: Электронный научный журнал. 2023. № 3 (3). С. 5-15.

Vezubova Ekaterina Evguenievna¹✉, Freidson Olga Alexandrovna²

^{1,2}Saint Petersburg State University of Economics, Saint-Petersburg, Russia

¹c_vezubova@mail.ru, AuthorID: 610520, ORCID: 0000-0003-4915-7992

²olga-freidson@mail.ru, AuthorID: 380513, ORCID: 0000-0002-1933-492X

AFRICANISMS IN FRENCH AND FRENCH IN AFRICA: TO THE QUESTION OF MUTUAL PENETRATION OF LANGUAGES AND CULTURES

This article is devoted to the study of the role of the Africanisms in the standard language of France. Currently, the majority of the French language speakers live in Africa, and this trend is only increasing over time. The French language was not always native to the Africans. First of all, it was the language of education, documentation, business and interethnic communication for them. However, today it is also a spoken language, with its inherent spontaneity and emotionality, and at the same time it absorbs elements of African languages and cultures. This ambiguous position of the French language cannot but affect word formation. As soon as the specificity of the usage of the most productive word-formation models reflects not only the linguistic trends, but also the cultural peculiarity expressed in the language, the word-formation analysis of the Africanisms makes it possible to highlight the cultural aspects of the French language in Africa, on the one hand, and the Africanisms in the French language of France, on the other. While using the continuous sampling method for the evaluation of modern dictionaries of the Africanisms, explanatory dictionaries of the French language, as well as the lists of neologisms over the past five years, we have compiled a corpus of lexemes that came into the standard French from the African French. By means of the morphological, etymological and comparative analysis of these lexical units, we have identified the main word-forming tendencies of Africanisms adopted in standard French and the specificity of their use. Of special note is the active formation of simple verb forms, the characteristic of the French language of Africa, the simplification of grammar, the use of a large number of slang words. The words that came from the French language of Africa are mostly related to the vocabulary of everyday communication, reflect the cultural traditions of peoples (religious rites, family traditions). Borrowed calques of set expressions from different African languages testify to the special role of the human body in national cultures and interpersonal relationships. A large number of metaphorical reinterpretations and slang words unusual for the standard French language gives new imagery and emotionality to speech.

Keywords: Africanisms, standard French, neologisms, word formation, verlan, lexical culture.

Verezubova E. E., Freidson O. A. Africanisms in french and french in Africa: to the question of mutual penetration of languages and cultures. Language. Communication. Society: Digital scientific journal. 2023. 3 (3): 5-15.

Постановка проблемы. Французский язык сегодня – это не только язык Франции, но также многих стран, образующих пространство франкофонии. Особый вес среди стран франкофонии в последнее время приобретают страны Африки. 22 страны используют французский язык как официальный либо как язык образования, как первый иностранный язык или как средство международного общения. По оценкам Международной Организации Франкофонии (OIF), к 2050 году в Африке может быть около 85% франкоязычных жителей (по сравнению с 12% в Европе). Общее же число франкоговорящих в мире может увеличиться с 274 до 700 миллионов человек, что сделает французский язык вторым языком, на котором говорят в мире, после китайского [Khaled (ed.), 2022: 26].

В Африке сосуществует огромное количество местных языков. Например, в Кот-д'Ивуаре около 70 языков, в Гвинее 30 народностей, проживающих на ее территории, говорят на различных языках [Клоков, 1996: 9]. К моменту освобождения народов Африки от колониальной зависимости многие местные языки оставались без

письменности и являлись малоразвитыми, поскольку европейцы не ставили целью развитие этих языков. Политика ориентировалась на дискриминацию любых форм самовыражения, и языки африканских народов не являлись исключением.

Сегодня для многих стран Африки характерно двуязычие или даже многоязычие, при этом привилегированное положение занимает язык бывшего европейского колонизатора (французский, английский, испанский). Государства, в которых преобладающим является один или два автохтонных языка, немногочисленны [Клоков, 1996: 10]. Почему же государства, желавшие освободиться от подчинения другой стране, не отказались от языка завоевателей в пользу собственных языков? Здесь не все однозначно. Чтобы оставаться «на плаву», иметь возможность развиваться, страны Африки были вынуждены прибегнуть к европейским языкам. В эпоху научно-технической революции (первые 17 африканских стран приобрели независимость в 1960 году) местные языки не могли стать средством овладения технологиями и новыми организациями производства. Таким образом, для бывших французских колоний французский язык стал необходимым условием межэтнического и международного общения.

Достаточно быстро французский язык в молодых государствах приобретает статус официального языка или вспомогательного языка в сфере публичного общения, языка образования, науки, современного производства, СМИ [Багана, Лангнер, 2019: 16]. Кроме того, для жителей Африки европейский язык – это возможность получить образование, построить карьеру, посетить другие страны. Отмечается, что интеллектуалы в официальных сферах общения стремятся соблюдать литературную норму, принятую во французской метрополии («le bon usage») [Clément Vigirimana, 2019: 45], поскольку это важно для продвижения по социальной лестнице. С другой стороны, во Францию проникает «африканизированный» разговорный вариант французского языка, распространение которого происходит через СМИ, песни, рэп, форумы Интернет-общения.

Поскольку в бывших колониях существует большое количество языков, французский язык сосуществует с местными языками и имеет свои отличительные особенности в каждой местности. Французский язык в Африке – это язык, развивающийся в многоязычной и многокультурной ситуации.

Такое разнообразие приводит к возникновению спора, во-первых, о единстве французского языка: в исследованиях зачастую можно встретить множественное число: «les français de l’Afrique» (французские языки Африки) [Bordal Steien, Van den Avenne, 2019]. Во-вторых, возникает вопрос, является ли французский язык родным для африканского населения [Багана, 2021]. По мнению исследователей, сегодня жители Африки определяют свою идентичность не только принадлежностью к какой-либо этнической группе, но и по использованию того или иного европейского языка [Багана, 2021: 30]. Например, франкоговорящие африканцы противопоставляют себя англо-или

испаноговорящим, то есть французский язык для них – отличительная черта их национального самоопределения [Багана, 2021], [De Féral, 1994], [Manessy, 1978].

Франкоговорящий житель Африки – не пассивный потребитель французского языка, которому его обучили в школе. Он старается формулировать его по-своему, когда в этом есть необходимость. Изменения, которые возникают во французском языке из-за его использования в новой языковой ситуации, а также в отличных культурных условиях, в целом имеют общие черты во всех франкоязычных странах Африки.

Таким образом, некоторые лексические единицы могут не только приобретать дополнительные значения, но и вовсе иметь отличное значение в африканском и стандартном варианте французского языка.

В лексико-семантическом плане образование африканской лексики предназначено для выражения местных реалий. Изменение смысла из-за перевода, сужения, расширения значения или метафорическое использование широко распространено. К причинам речевых преобразований можно отнести, например, такие явления, как отсутствие языковой формы для обозначения объекта, несоответствие между значением слова и общественным сознанием новых носителей языка, влияние местного языка.

Приспособление французского языка к миру Африки происходит при помощи уже существующих в нем слов или создания неологизмов на собственной лексической основе.

В Африке приветствуется правильное использование литературного французского языка, однако в основном идет ориентация на местную норму употребления, а не европейскую. Тенденция говорить на африканский манер особенно прослеживается у студентов и школьников.

Нередко можно встретить французские слова в высказываниях на африканских языках. Иногда это даже отпечатывается в структуре фраз или в рассуждениях. Этот феномен связан с обилием взаимопроникновений языков-культур, которые проявляются в разных формах: переводах, аналогиях, кальках между африканскими языками и французским. Наиболее поддающимися влиянию языками являются те, которые используются большим количеством людей и межнациональные языки, например, волоф или бамбара.

В последнее время широкое распространение получили «словари франкофонии» [Dictionnaire des francophones], в которых фиксируются региональные особенности французского языка за пределами Франции, и которые позволяют наиболее полно представить разнообразие французского языка в разных уголках мира.

Методика исследования. В данном исследовании мы ставим задачу изучить взаимное проникновение французской и африканской языков-культур на уровне словообразовательного потенциала и семантики языковых единиц. В качестве языкового материала был отобран корпус африканизмов, которые получили широкое распространение

во французском языке на территории Франции. Некоторые из них вошли в наиболее авторитетные ежегодно обновляемые французские словари Le Petit Robert [Le Robert] и Le Petit Larousse [Larousse], которые ежегодно включают языковые единицы, отражающие общую «лексикультуру», разделяемую всеми носителями французского языка [Верезубова, Фрейдсон, 2018: 67].

Следовательно, лексемы «taxieur» (таксист), «alphabète» (грамотный человек), «boucantier» (любитель выставлять напоказ свое богатство), «(s')ambiancer» (быть заводиной (веселиться)), вошедшие в Le Petit Larousse [Larousse] в 2020 году, или «brouteur» (интернет-мошенник) и «go» (подружка, девушка), которые принял в свои ряды Le Petit Robert [Le Robert] в 2023 году, можно считать «окончательно французскими». Бернар Серкиглини, научный консультант словаря Le Petit Larousse illustré, считает, что задачей словаря является создание «словаря мирового французского языка» (dictionnaire du français mondial): «... мы проявляем верность духу Ларусса, который, начиная с 1905 года, чтобы зафиксировать реальный язык своего времени, включал в словарь регионализмы» (*перевод наш – Е. В., О. Ф.*) [Serquiglini, 2016: 34].

Большинство африканских заимствований, активно используемых французами, остается пока за пределами словарей Robert и Larousse, списки африканизмов можно найти как на сайтах, посвященных вопросам развития французского языка, так и во многих методических материалах, предназначенных для тех, кто изучает французский язык как иностранный (раздел Langue française на сайте TV5monde). Следует отметить, что использование африканизмов характерно для разговорного варианта французского языка: они придают ему красочность и эмоциональность, проникая во все сферы повседневной жизни французов через СМИ, фильмы, рэп, и на сегодняшний день овладение французским языком без знания этих единиц становится неполным.

Методом сплошной выборки из словарей франкофонии, толковых французских словарей и списков неологизмов за последние 5 лет, нами было отобрано 134 неологизма (лексических единиц и устойчивых выражений), которые пришли из французского языка Африки в стандартный французский.

При анализе африканизмов использовались сравнительно-сопоставительные методы, методы семантического и словообразовательного анализа, которые позволили нам классифицировать имеющиеся во французском языке лексемы африканского происхождения по типу словообразования и семантическим особенностям, дать оценку их роли в обогащении и обеспечении жизнеспособности современного французского языка.

Результаты и обсуждение. Под *африканизмами* мы понимаем лексические единицы, отдельные значения слов или устойчивые выражения, свойственные французскому языку в Африке.

По типу словообразования можно выделить семантические, морфологические африканизмы и африканизмы – заимствования. *Семантические африканизмы* – это

лексические единицы стандартного французского языка отдельные значения которых отличаются от общепринятых. Например, слово *acide* (*кислота* во французском Франции) на французском Африки обозначает *яд*; *vacciner* (*прививать* стандартный французский) – *делать насечки на теле* (африканизм), *quittance* (*квитанция* стандартный французский) – *уход, оставление какого-то места* (африканизм).

Развитие семантического значения может происходить под влиянием культурных традиций. Так, существительное *carême* (Великий пост в христианской религии) в африканском французском стало обозначать *рамадан* (пост у мусульман). Существительное *dot* и образованный от него глагол *doter* именуют *калым / платит калым* (выкуп, который семья жениха отдает семье невесты). Интересно отметить расширение значения у слова *frère*, который в африканском французском именует любого родственника мужского рода, принадлежащего к одному поколению.

Новые значения слова могут возникать в результате потребностей к номинации новых понятий, а также для более выразительного обозначения предмета или явления реальной действительности. Очень часто стремление к экспрессии выражается через ухудшение значения нейтральных лексических единиц. Эта специфика активно проявляется в африканизмах: *intellectuel* (*интеллектуал* – стандартный французский) в африканском варианте французского называет как человека, который учился в школе, так и *фальсификатора*, подделывающего письменные документы, счета; *démocrate* (*демократ* – стандартный французский) – *проститутка* в африканском французском; *politicien* (*политик* – стандартный французский) – *лгун* (африканизм). Интересно отметить ухудшение значения выражения *à l'africaine* (*по-африкански* в стандартном французском). В африканском французском это выражение приобретает новые значения: *тайно, в обход, с опозданием*.

Улучшение значений встречается намного реже: *à l'ivoirienne* – *по-ивуарийски* (стандартный французский) приобретает значение *мудро и взвешенно, по обычаям жителей Кот-д'Ивуар*.

Говоря о семантическом словообразовании, нельзя также не затронуть метафорический и метонимический перенос и конверсию. Среди африканизмов можно встретить лексемы, образованные с помощью субстантивации, в основе которых лежит метонимический перенос: *contre-soleil* (дословно «против солнца» – солнечные очки). Еще более интересными являются случаи, в которых для обозначения человека используются характерные для него выражения: например, *je-le-connaiss* (дословно «я это знаю» – всезнайка, хвастун), *s'en fout la peur* (дословно: «мне наплевать на страх» – смельчак, храбрец).

Африканизмы также часто основаны на метафоре: восприятие сходства, живое и непосредственное, приводит к образованию новых эмоционально-оценочных единиц, как отдельных лексем, так и устойчивых выражений: *avoir des boules* (дословно: «иметь

шарики» – два значения – «быть креативным» (т.е. иметь бурную фантазию) и «сердиться»), *conduire dans des tablettes de chocolat* (дословно: «ехать по шоколадным плиткам» – ехать по размытой дороге (подобно тому, как плитка шоколада тает от жары)), *aller au pas de caméléon* (дословно: двигаться шагами хамелеона – то есть двигаться медленно), *becqueter* (нападать на кого-нибудь, «заклевать»), *pluie* («дождь» – стипендия в студенческом арго – можно предположить, что для жаркой Африки дождь – большая радость, как и стипендия для студентов). Таким образом, анализ семантического словообразования африканизмов позволяет убедиться в глубоком взаимном проникновении и обогащении языков-культур, когда французский язык становится не просто языком Франции, а языком франкофонии. Поскольку образы понятны и близки французам, они с легкостью заимствуют эти выражения.

Морфологические африканизмы представляют собой лексические единицы, образованные путем аффиксальной деривации, словосложения, аббревиации или обратной деривации. Морфологическое словообразование является самым продуктивным способом создания новых лексических единиц в стандартном французском [Верезубова, Фрейдсон, 2018: 71]. Африканский французский не стал исключением.

Аффиксальная деривация является наиболее продуктивным способом словообразования. При этом отметим, что префиксация мало продуктивна и представлена в основном префиксами *é-*, *dé(s)-*, *anti-*: *écabosser / décabosser* (снимать плоды с какао-деревя) от французского стандартного *cabosses* – плод какао; *déscolariser* – забирать (документы) ребенка из школы, прекращать обучение ребенка в школе; *démarabouter* – снимать порчу; *antipoison* – противоядие; *fétiche antisorcier* – фетиш против колдовства.

Суффиксальное словообразование, напротив, очень продуктивно и имеет свои специфические особенности. В первую очередь, выделяется многочисленная группа глаголов первой группы, созданных от основы существительного: все происходит так, как будто каждому существительному, которое способно участвовать в каком-либо процессе, соответствует глагол [Willy, 2006: 694]. Бернар Серкиглини [Serquiglini, 2016] отмечает, что первая группа глаголов во французском языке имеет простую и правильную морфологию, позволяющую простое словотворчество: глагол на *-er* позволяет избегать перифраз. В африканизмах это свойство широко используется: *enceinter* (вместо *rendre enceinte* – сделать беременной), *réciproquer* (вместо *adresser en retour des vœux, des félicitations* – отправить ответные поздравления), *siester* (*faire la sieste* – устраивать сиесту), *amourer* (*faire l'amour* – заниматься любовью). Таким образом, наблюдается тенденция к замещению свойственных французскому языку аналитических конструкций простыми глаголами. Особенно следует отметить глагол *gréver* (бастовать), который появился во французском языке благодаря африканской неологии и сосуществует сегодня с аналитическим глаголом *faire grève*. Причем интересно, что *grève* – это, можно сказать, «визитная карточка» Франции, и во французском языке уже давно существует

образованная суффиксальным способом лексема *gréviste* (участник забастовки). Подобная свобода и легкость в словообразовании освобождает французский язык от «смирительной рубашки нормы языка» [Serquiglini, 2016], которая сдерживает его «несанкционированное» развитие при помощи целого ряда институций на территории Франции. В африканском французском свобода выражения проявляется в гораздо большей степени. В отличие от стандартного французского, в котором присутствуют многочисленные исключения из правил, существующие в силу традиций, нормы, частотности, в африканском варианте норма ослабляется, пользователи стремятся рационализировать его функционирование по доминирующим моделям [Willy, 2006: 694].

Суффиксальное глагольное словообразование «на африканский манер» может сопровождаться метафорическим или метонимическим переносом значения. Таковы, например, глаголы, изначально используемые в школьном арго *girafer* (от *giraffe* – вытягивать шею, как жираф, чтобы списать у соседа), *caïmanter* (от *caïman* – работать, учиться по ночам, поскольку кайман охотится ночью). или *camembérer* (сильно и неприятно пахнуть, от *camembert* – название сыра, известного своим сильным запахом).

Интересно обстоит дело с глаголом *centpatter*, который обозначает «прогуливаться» и, видимо, происходит от сложного слова *cent-pattes* (дословно: «столапка»). Однако во французском языке существует *mille-pattes* (дословно: «тысячелапка»), а «стоножка» (*centipede*) – слово английское. Здесь мы становимся свидетелями взаимодействия и взаимозаменяемости элементов сложных слов.

Кроме того, глагольное образование возможно не только от одного существительного, но и от целого выражения. Например, от устойчивого выражения *mot-à-mot* (дословно) образован глагол *motamoter* (говорить что-либо, не понимая смысла). Таким образом, африканская креативность обогащает французский язык, добавляя эмоциональную и образную составляющую в его разговорный вариант.

Займствования в африканском французском также довольно распространенное явление. На французский язык в данном регионе накладывает отпечаток как английский, португальский и особенно арабский адстраты, так и многочисленные африканские языки. Так, во французский язык из лингала (один из языков в Демократической Республике Конго) пришли слова *takouta* (денежная монета в Конго) с расширенным значением *деньги*, *matiti* (заросли кустарника) с переносным значением *трусобы*. Интересно судьба слова *matabiche* (*чаевые, подарок*). Данное заимствование быстро ассимилировалось в языке, став основой для нового глагола первой группы *matabicher* (*подкупать кого-то*). Из языка волоф пришло слово *bereft* (*покинутый*), из языка мандинго *balafon* (*ксилофон*). Отметим также выражение *babtou fragile* (*неженка, слабак*), неологизм 2023 года, зафиксированный словарем Le Petit Robert [Le Robert Dico]. Слово

babtou является «верланизированным»¹ вариантом *toubab*, происходящим в свою очередь от волофского *tubaab* – уничижительное именование европейца. Через верлан также пришло во французский стандартный *tchoin* (*проститутка*) – вариант иворийской лексемы *pouchi*.

Помимо заимствований отдельных лексем, из африканских языков и, соответственно, африканских культур в французский приходит много калек устойчивых выражений. Например, *couper les lèvres* (*купить чье-то молчание*, дословно: *обрезать губы*), *avoir deux bouches* (*лгать*, дословно: *иметь два рта*), *attraper son coeur* (*сохранять контроль над собой*, дословно: *поймать свое сердце*), *avoir le ventre amer* (*злословить*, быть злым, дословно: *иметь горький живот*), *donner le chemin / la route* (*позволить посетителю уйти*, дословно: *дать дорогу*). Отметим, что среди калек выделяется достаточное количество выражений с названием частей тела в качестве одного из компонентов. В этом проявляется так называемая «телесность» африканских культур, особая значимость человеческого тела.

Языки адстраты регулярно вносят свой вклад в развитие французского языка в Африке, а через его посредничество и стандартного французского языка. Так, в издание словаря *Le Petit Robert [Le Robert Dico]* было включено слово *go* (*девушка*), пришедшее из Западной Африки, которое, в свою очередь, является измененным заимствованием из английского: *girl*. Лексема *bidane*, пришедшая из французского Северной Африки, происходит из арабского, и обозначает *белого европейца*. Еще один арабизм в молодежном сленге *bsahtek* (дословно с арабского *здоровье*), как и лексема *mashallah* (дословно с арабского «*По воли Аллаха*»), употребляются, чтобы поддержать кого-то, дать хорошую оценку: *Класс! Bravo! Поздравляю!* Арабское слово *zoudj* легко в основу французского неологизма *zouz* (*девушка*).

Заключение. Распространившись в Африке и принятый местным населением, французский язык сегодня существует в различных вариантах: от родного языка до языка официального общения. При этом жители Африки осознают себя франкофонами, а потому свободно и по своему усмотрению обращаются с французским языком, «приспосабливают» его к своей лингвокультуре. «Африканизированные» слова, в свою очередь, «возвращаются» в стандартный французский язык на территории Франции, подобно тому, как в XVIII-XIX вв. во французский язык массово возвращались слова, «окунувшиеся» в английский.

Проведенное исследование показало, что африканизмы, вливающиеся в стандартный французский язык, относятся в большинстве своем к повседневной лексике. Зачастую это сленговые слова, обозначающие взаимоотношения, деньги, женщин, жилище, характеризующие человека (в основном отрицательно).

¹ Верлан – разновидность французского сленга, в котором переставляются слоги в словах.

Сохраняя основные словообразовательные тенденции стандартного французского языка (аффиксальное словообразование), африканизмы создают свои правила образования слов путем упрощения грамматики, облегчения словообразовательных моделей, нетипичных для стандартного варианта французского языка. Все это позволяет создать яркие, самобытные, образные лексические единицы, которые быстро распространяются в разговорном французском языке.

Список источников

Багана Ж. Контактная лингвистика: взаимодействие языков и билингвизм: монография. / под ред. Баганы Ж., Хапилиной Е. В. 3-е изд., стер. Москва: Флинта, 2021. 126 с.

Клоков В. Т. Словарь французского языка в Африке. Лингвострановедческие особенности. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та. 1996. 431 с.

Лексикографическая традиция Франции и современные тенденции французского языка (на примере новых лексем, включенных в словарь Le Petit Robert в 2015 – 2018 гг.) // Вып. 9 / под ред. С. Л. Фокина, Е. Е. Везезубовой. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2018. С. 64 – 80.

Словарь современной фразеологии французского языка Африки / под ред. Москва: Флинта. 2019. 434 с.

Bigirimana C. (2019) Le français d'aujourd'hui, une langue aux multiples facettes. *Synergies Portugal*, 7 :37-56. Дата обращения 27.05.2023. URL: <https://gerflint.fr/Base/Portugal7/bigirimana.pdf>.

Cerquiglini B. (2016) Enrichissez-vous: parlez francophone! *Tresor des expressions et mots*. Paris : Larousse.

Bordal Steien, G. & Van den Avenne, C. (2019). Présentation : les français d'Afrique. En Afrique. Hors d'Afrique. *Langue française*, 202 : 5-10. Дата обращения 26.05.2023. URL : <https://doi.org/10.3917/lf.202.0005>

De Féral C. (1994) Le français en Afrique noire, faits d'appropriation. *Langue française*, 104: 3–5. Дата обращения 13.05.2023. URL: www.persee.fr/doc/lfr_0023-8368_1994_num_104_1_5737.

Dictionnaire des francophones. Дата обращения 13.05.2023. URL: <https://www.dictionnairedesfrancophones.org/>.

Khaled N. (ed.) (2022) *La langue française dans le monde*. Paris : Gallimard. Дата обращения 20.05.2023. URL: https://www.francophonie.org/sites/default/files/2023-03/Rapport-La-langue-francaise-dans-le-monde_VF-2022.pdf

Larousse. Dictionnaire de la langue française. Дата обращения 10.05.2023. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais>

Le Robert. Dictionnaire de la langue française. Дата обращения 10.05.2023. URL: <https://dictionnaire.lerobert.com>.

Manessy G. (1978). Le français d'Afrique noire, français créole ou créole français ? : *Langue Française*, 37 : 91–105. Date of application 27.05.2023. URL : <http://www.jstor.org/stable/41557837>.

Willy B. (2006) Néologie et africanité. *Revue belge de philologie et d'histoire*, 84 (3). Langues et littératures modernes – Moderne taal en litterkunde : 687 – 695.

References

Bagana, J. (2021) Kontaknaya lingvistika: vzaimodeystviye yazykov i bilingvizm: monografiya [Contact linguistics: interaction of languages and bilingualism: monograph]. Bagana J., Halipina E. V. (eds). Moscow: Flinta: 126. (In Russ.)

Bagana, J., Langner, A. N. (ed.) (2019) Slovar' sovremennoj frazeologii francuzskogo yazyka Afriki [Dictionary of Modern African French Phraseology]. Moscow, Flinta: 434. (In Russ.)

Bigirimana, C. (2019) Le français d'aujourd'hui, une langue aux multiples facettes. *Synergies Portugal*, 7 : 37-56. Date of access: 27.05.2023. URL: <https://gerflint.fr/Base/Portugal7/bigirimana.pdf>.

Bordal Steien, G. & Van den Avenne, C. (2019). Présentation : les français d'Afrique. En Afrique. Hors d'Afrique. *Langue française*, 202 : 5-10. Date of access: 26.05.2023. <https://doi.org/10.3917/lf.202.0005>.

Cerquiglini, B. (2016) Enrichissez-vous: parlez francophone! *Tresor des expressions et mots*. Paris : Larousse.

Dictionnaire des francophones. Date of access: 13.05.2023. URL: <https://www.dictionnairedesfrancophones.org/>.

De Féral, C. (1994) Le français en Afrique noire, faits d'appropriation. *Langue française*, 104: 3–5. Date of access: 13.05.2023. URL: www.persee.fr/doc/lfr_0023-8368_1994_num_104_1_5737.

Khaled, N. (ed.) (2022) *La langue française dans le monde*. Paris : Gallimard. Date of access: 20.05.2023. URL: https://www.francophonie.org/sites/default/files/2023-03/Rapport-La-langue-francaise-dans-le-monde_VF-2022.pdf.

Klokov, V. T. (1996) Slovar' francuzskogo yazyka v Afrike. Lingvostranovedcheskie osobennosti [Dictionary of French in Africa. Linguistic and cultural features]. Saratov: Saratov St. Univ. Publ.: 431 (In Russ.)

Larousse. Dictionnaire de la langue française. Date of access: 10.05.2023. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais>.

Le Robert. Dictionnaire de la langue française. Date of access: 10.05.2023. URL: <https://dictionnaire.lerobert.com>.

Manessy, G. (1978). Le français d'Afrique noire, français créole ou créole français ? *Langue Française*, 37 : 91–105. Date of access: 27.05.2023. URL : <http://www.jstor.org/stable/41557837>.

Verezubova E. E., Freidson, O. A. (2018) Leksikograficheskaya tradiciya Francii i sovremennye tendencii francuzskogo yazyka (na primere novyh leksem, vklyuchennyh v slovar' Le Petit Robert v 2015 – 2018 gg.)

[Lexicographic tradition of France and modern trends in the French language (on the example of new lexemes included in the Le Petit Robert dictionary in 2015-2018)]. Fokin S. L., Verezubova E. E. (eds) *Romanskij kollegium* [Roman Collegium], 9. Saint Petersburg: Saint Petersburg St. Univ. of Econ. Publ.: 64 – 80. (In Russ.)

Willy B. (2006) Néologie et africanité. *Revue belge de philologie et d'histoire*. Tome 84, fasc. 3. Langues et littératures modernes – Moderne taal en litterkunde : 687 – 695.

© Вerezубова Е.Е., Фрейдсон О.А., 2023

Вerezубова Екатерина Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и перевода Санкт-Петербургского государственного экономического университета. Контактные данные: 191023, Россия, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 30-32 (Russia, St. Petersburg, nab. Griboyedov Canal, 30-32). Email: c_verezubova@mail.ru.

Фрейдсон Ольга Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и перевода Санкт-Петербургского государственного экономического университета. Контактные данные: 191023, Россия, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 30-32 (Russia, St. Petersburg, nab. Griboyedov Canal, 30-32). Email: olga-freidson@mail.ru.

Статья поступила в редакцию: 15.06.2023.

УДК 811

Нильсен Евгения Александровна¹✉, Окулова Елизавета Алексеевна²^{1,2}Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия¹janenilsen@mail.ru, AuthorID: 396673, ORCID: 0000-0002-4424-0706²lizagrem@mail.ru, AuthorID: 1104500, ORCID: 0009-0001-2794-0882

ДИАХРОНИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА JOY В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ С ПРИМЕНЕНИЕМ МЕТОДОВ КОРПУСНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Данная работа посвящена исследованию эволюции экспликации концепта JOY (РАДОСТЬ) со среднеанглийского периода и до современного английского языка. Работа основана на положениях диахронической концептологии, лингвоконцептологии, а также на результатах исследований оязыковлени эмоциональных концептов. Актуальность настоящего исследования обусловлена недостаточной разработанностью теоретических основ исследования эволюции экспликации концепта JOY в английском языке; междисциплинарным характером проводимого исследования; значимостью концептов эмоций для представителей любой культуры. Актуальность обусловлена также тем, что исследование проводится в области диахронической концептологии с применением методов корпусной лингвистики. Методологическую основу исследования составляют семантико-когнитивный, компонентный дефиниционный, этимологический и корпусные методы анализа (метод анализа коллокаций). Использование представленных методов обеспечивает интегративный междисциплинарный подход к описанию концепта JOY. Материалом исследования послужили статьи толковых словарей среднеанглийского (Middle English Dictionary) и современного английского языка (Oxford English Dictionary, Cambridge English Dictionary), а также данные корпусных баз данных (Corpus of Middle English, Corpus of Contemporary American English, British National Corpus) общим объемом в 1 100 000 300 текстов. В результате проведенного исследования были выявлены константные и ассоциативные признаки исследуемого концепта. Изучение развития состава ядра номинативного поля JOY показывают, что константным признаком концепта JOY является pleasure (удовольствие). Ассоциации меняются от божественного, небесного, к чему-то более реальному, материальному, приземленному. В современном английском концепт JOY находит отражение в антропоморфной метафоре. С течением времени появляется больше идиоматических выражений, позволяющих осмыслить рассматриваемый концепт.

Ключевые слова: концепт JOY, диахроническая концептология, лингвоконцептология, корпусная лингвистика, когнитивная лингвистика, эмоциональный концепт.

Нильсен Е. А., Окулова Е. А. Диахроническое исследование репрезентации концепта JOY в английском языке с применением методов корпусной лингвистики // Язык. Коммуникация. Общество: Электронный научный журнал. 2023. № 3 (3). С. 16-26.

Nilsen Evgeniia Alexandrovna¹✉, Okulova Elizaveta Alekseevna²^{1,2}Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia¹janenilsen@mail.ru, AuthorID: 396673, ORCID: 0000-0002-4424-0706²lizagrem@mail.ru, AuthorID: 1104500, ORCID: 0009-0001-2794-0882

DIACHRONIC STUDY OF THE JOY CONCEPT REPRESENTATION IN THE ENGLISH LANGUAGE BASED ON CORPUS LINGUISTICS METHODS

The article studies JOY concept explication evolution from the Middle English to the Modern English. The research is based on the provisions of diachronic conceptology, linguoconceptology, as well as on the results of emotional concepts representation researches. The present research is relevant due to the insufficient development of the theoretical foundations of the study of JOY concept evolution in the English language; the interdisciplinary feature of the research; the significance of the emotional concepts for any culture. Moreover, the present research is carried out within the framework of diachronic conceptology using corpus linguistics methods. The methodological basis of the study consists of semantic-cognitive, component definitional, etymological and corpus analysis methods (collocation analysis method). The use of the presented methods provides an integrative interdisciplinary approach to the JOY concept description. The research material is articles from explanatory dictionaries of Middle English (Middle English Dictionary) and Modern English (Oxford English Dictionary, Cambridge English Dictionary), as well as data from corpus databases (Corpus of Middle English, Corpus of Contemporary American English, British National Corpus) with a total volume of 1,100,000 300 texts. As a result, constant and associative features of the studied concept have been identified. The research of changes in the composition of the nominative field core show that the constant feature of the JOY concept is pleasure. Associations change from something divine, heavenly, to something more real, material, mundane. In Modern English, the JOY concept is reflected through an anthropomorphic metaphor. In the course of time, there appear more idiomatic expressions that make it possible to comprehend the concept under study.

Keywords: JOY concept, diachronic conceptology, linguoconceptology, corpus linguistics, cognitive linguistics, emotional concept.

Nilsen E. A., Okulova E. A. Diachronic study of the JOY concept representation in the English language based on corpus linguistics methods. Language. Communication. Society: Digital scientific journal. 2023. 3 (3): 16-26.

Введение и постановка проблемы. В настоящее время существует множество подходов к исследованию и описанию концепта – основного понятия когнитивной лингвистики и когнитивной семантики. Большая часть последних исследований направлена на анализ структуры и состава номинативного поля концепта в синхронии. Такие исследования, несомненно, внесли огромный вклад в становление когнитивной науки в целом, однако со временем показали недостаточность объяснительного потенциала: какие из уже имеющихся концептуальных признаков появились и в какой период, а какие из них исчезли, образовав концептуальные лакуны. В связи с этим возникает необходимость в обращении к исторической перспективе, с чем и связано образование и развитие нового направления когнитивной лингвистики – диахронической концептологии.

Диахроническая концептология считается формирующимся направлением современной науки, основным принципом которого является исследование *эволюции* концепта как ментального образования. Предпосылками к становлению диахронического направления стали исследования Ю. С. Степанова, Е. С. Кубряковой, Р. А. Будагова и др. [Степанов, 2007; Кубрякова, 2012; Будагов, 2002]. Ученые, в настоящее время ведущие свою исследовательскую работу в данном направлении, - И. В. Кононова, Н. А. Красавский, Е. А. Нильсен, Т. С. Сорокина и др. [Кононова, 2010; Красавский, 2008; Нильсен, 2014; Сорокина, 2012].

В проведении диахронических исследований концептов большую роль играют описанные Е. С. Кубряковой семасиологический и ономасиологический подходы [Кубрякова, 2012: 33]. Семасиологический подход предполагает реконструкцию концепта и его структуры на основе различных лексикографических источников. Анализ и сравнение материала словарей различных исторических эпох предоставляет возможность для выяснения закономерностей развития лексических единиц, репрезентирующих исследуемый концепт, как в количественном, так и в качественном отношении. В дополнение к словарям эмпирическими источниками для исследования могут стать художественные и публицистические тексты различных эпох, а также тексты корпусных баз данных. Благодаря развитию корпусной лингвистики появляется возможность исследовать базу данных текстов за разные исторические периоды развития языка.

Главной особенностью ономасиологического подхода является исследование механизмов номинации концептов (какая языковая форма выбирается для номинации концепта) и принципов выбора мотивирующей основы (какие концепты и почему вербализуются в языке). Важнейший вопрос данного подхода, по мнению Е. С. Кубряковой, состоит в определении того, какая часть знаний об объекте именуется первой: переработанная или перерабатываемая сознанием [Кубрякова, 2012: 35].

В. Г. Кузнецов выделяет диахроническую сопоставительную концептологию, определяя ее как сочетание двух направлений исследований: диахронической и сопоставительной концептологии [Кузнецов, 2007: 26]. Предмет диахронической концептологии - это установление когнитивных оснований структурирования и категоризации действительности человеком в определенный исторический период. Предмет сопоставительной концептологии гораздо сложнее, так как он включает в себя установление структурных различий концептов, характера изменений компонентов концептов в определенный промежуток времени, а также выявление закономерностей этих изменений в концептуальном и языковом планах.

В рамках диахронической концептологии Э. В. Будаев выделяет два направления: диахроническое и ретроспективное. Целью диахронического, или сопоставительного, направления является исследование изменений концепта на протяжении нескольких исторических периодов и дальнейшая фиксация (описание) этих изменений. Исследование концепта в рамках ретроспективного направления выполняется в конкретный культурно и исторически значимый период, без выявления и сопоставления временных закономерностей [Будаев, 2011: 218].

Диахроническая концептология, как и любое направление, объектом которого является концепт, оперирует понятиями концептуализации и категоризации. Процессы концептуализации и категоризации средствами языка – динамический аспект языковой познавательной активности, важной частью которой является языковая интерпретация [Болдырев, 2011: 13]. Именно язык является средством репрезентации концептуальных

признаков концепта. Совокупность языковых средств, с помощью которых вербализируется концепт, составляет его номинативное поле. Описание семантики единиц номинативного поля позволяет представить содержание концепта в том виде, в котором он отражен и зафиксирован в языке, а исследования семантики языковых единиц в диахронии помогает выявить изменения состава номинативного поля. Описанное в настоящей статье исследование, выполненное в рамках семасиологического подхода, направлено на анализ и описание диахронических изменений экспликации концепта JOY с периода среднеанглийского до современного английского языка. Исследование проводится с применением методов корпусной лингвистики, а именно анализа коллокаций, что позволяет выявить ассоциативный слой исследуемого концепта как за среднеанглийский, так и за современный период развития английского языка.

Методология исследования. Для построения номинативного поля концепта JOY в диахронии за основу была взята модель семантико-когнитивного анализа, описанная З. Д. Поповой и И. А. Стерниным, однако переработанная в соответствии с целями и задачами настоящего исследования, а именно с применением методов корпусной лингвистики: метода количественного анализа (анализа коллокаций) и метода качественного анализа (интерпретация результатов исследования) [Попова, Стернин, 2007: 113]. Данный метод основывается на представлении структуры концепта как поля, состоящего из ядра, ближней, дальней и крайней периферий. Идея данного подхода состоит в том, что концепты, выраженные в языке различными средствами (лексическими единицами, фразеологизмами, паремиями, грамматическими средствами и т. д.), целесообразнее всего исследовать через язык, проникая, таким образом, в состав их номинативного поля. На первом этапе определяется ядро концепта на основе словарных дефиниций основного лексического репрезентанта концепта в среднеанглийский и новоанглийский (современный) периоды развития английского языка (на материале толковых словарей английского языка Middle English Dictionary [Middle Dictionary: URL], Oxford English Dictionary [Murray, 1989] и Cambridge English Dictionary [Cambridge Dictionary: URL]).

На втором этапе с применением методов корпусной лингвистики на основе текстов корпуса среднеанглийского языка Corpus of Middle English Prose and Verse [Middle English Corpus: URL] и корпусов современного английского языка Corpus of Contemporary American English и British National Corpus [COCA: URL; BNC: URL]) определяется периферия номинативного поля концепта в диахронии. Для каждого концепта был произведен поиск по следующим сочетаниям: 1) основной лексический репрезентант концепта + глагол; 2) глагол + основной лексический репрезентант; 3) основной лексический репрезентант + существительное; 4) прилагательное + основной лексический репрезентант. Эмоция *joy* – это определенное состояние; у семантики номинаций эмоций имеются параметрические характеристики (времени, меры степени, веса и др.). Рассматриваемые словосочетания с основным лексическим репрезентантом концепта

помогают выявить данные параметры и отследить их изменения в диахронии, что, тем самым, помогает выявить ассоциативный слой концепта JOY. При отборе данных из корпуса важно учитывать нерелевантные сочетания, например, употребление лексемы в качестве нарицательного имени (названия компании) и др.

Полученные в ходе анализа результаты исследования. В качестве основной лексемы-репрезентанта концепта JOY в среднеанглийский период была взята лексема *joy / joi(e)*, т. к. именно эта лексема в словаре среднеанглийского языка выступает в качестве номинации радости. Лексема *joy* обозначается в словаре как чувство или состояние радости/счастья: «*Joi(e) n. - a feeling of happiness or pleasure; a state of happiness or well-being*» [Middle Dictionary: URL]. По данным этимологического словаря лексема *joy* впервые появилась в среднеанглийский период в XIII веке [Etymology Dictionary: URL]. Лексема была заимствована из французского языка в форме слова *joie* («восторг; наслаждение; блаженство; радость»), заимствованная, в свою очередь, из латинского языка (*gaudia*, лат.: «удовольствие; наслаждение») [Etymology Dictionary: URL]. Однако в английском языке семантика данной лексической единицы претерпела некоторые изменения. В среднеанглийском языке основное значение *joie (joy)* – это «чувство счастья; состояние счастья, благополучия» [Middle Dictionary: URL]. Позднее данную лексему использовали в обращении к Богу и в молитвах: 1) *praise to God*; 2) *the glory or majesty of God* [Middle Dictionary: URL].

Как показывает исследование, в состав ядра номинативного поля концепта JOY в среднеанглийский период входили следующие компоненты: *happiness (счастье)*, *pleasure (удовольствие / наслаждение)*, *well-being (благополучие)*, *praise to God (хвала к Богу)*.

В корпусе методом сплошной выборки были отобраны все сочетания лексемы *joie (joy)*, относящиеся к перечисленным выше 4 типам словосочетаний (с глаголами, существительными, прилагательными), и сведены в единую таблицу, представленную ниже (Табл. 1). Всего в корпусе было найдено 453 упоминания лексемы. При отборе данных были учтены повторы.

Таблица 1. Корпусный анализ за среднеанглийский период

Диапазон	Сочетания (количество сочетаний)
Более 30	Gret (37)
10 – 30	Blysse (14), Make (12)
Менее 10	Murpe (6), suche, be full of, weep for (5), gladnes, heven (4), grace (3), have (3), give (2), bounty, gud (god) (2), endless, pere, true (1), paradys, glory, hope, comforth, honoure, pleasure, peace, felicite, welfare (1)

В ходе анализа полученных данных следует учитывать, что корпус среднеанглийского языка содержит гораздо меньшее количество текстов, чем корпус современного английского, и дает небольшую выборку, но тем не менее помогает сформировать некое

представление о компонентах концепта, характерных для того периода. Интересно отметить тот факт, что поиск по сочетанию *joy + verb* не дал результатов, поэтому можно предположить, что в среднеанглийский период лексема *joy* не употреблялась в роли подлежащего, и, соответственно, эмоция радости метафорически не осмыслялась в роли субъекта действия.

Самое большое количество словосочетаний с *joy*, выявленных в корпусе среднеанглийского языка, - это сочетания *joy* с прилагательным *gret* (*great* – *большой, великий*), что говорит о том, что одним из важных параметрических признаков лексем *joy* является параметр размера. Также лексема сочетается с прилагательными *чистый* (*pure* – *чистый*), *бесконечный* (*endless* – параметр времени) или *истинный* (*true*). Относительно часто встречается выражение *be full of joy* (*быть полным радости*). Можно предположить, что эмоция радости метафоризируется через контейнерную метафору (метафору вместимости). Лексема *joy* часто можно обнаруживать в сочетании с *blysse* (*bliss* – *блаженство, счастье*), *mirþe* (*mirth* – *веселье, радость*), *raune* (*pain* – *боль*), *gladnes* (*gladness* – *радость*), *heven* (*heaven* – *небеса*), *grace* (*милость, милосердие*), *bounty* (*щедрость*), *gud* (*god* – *Бог*), *paradys* (*paradise* – *рай*), *glory* (*слава*), *hope* (*надежда*), *comfort* (*comfort* – *комфорт*), *honoure* (*honor* – *честь*), *pleasure* (*удовольствие*), *peace* (*мир*), *felicite* (*felicity* – *удача*), *welfare* (*процветание, благополучие*).

Анализируя сочетания *joy* с глаголами, можно предположить, что эмоция радости в среднеанглийский период осмыслялась как то, что можно *сделать* (*make*), *найти* (*suche* – *search*), *плакать от* / *либо плакать* (*молить*) о чем-то (часто употребляется в обращении к Богу (*weep for*)); радость также можно *иметь* (*have*) или *давать* (*give*). В целом, лексема *joy* достаточно часто встречается в контексте обращения к Богу, вероятно, эмоция радости ассоциировалась с милостью и дарами Божьими.

Основной лексемой-репрезентантом концепта JOY в современном английском языке является лексема *joy*, представленная в словаре следующим определением: 1) *pleasure; extreme gladness*; 2) *thing causing joy*; 3) *satisfaction, success* [Murray, 1989]. Таким образом, в состав ядра номинативного поля концепта JOY в современном английском языке входят следующие компоненты: *pleasure* (*удовольствие*), *extreme gladness* (*сильная радость*), *thing causing joy* (*предмет, приносящий радость*), *satisfaction* (*удовлетворение*), *success* (*успех*). Как видно из словарной статьи, состав компонентов концепта претерпел некоторые изменения: добавились такие компоненты, как *satisfaction* (*удовлетворение*) и *success* (*успех*), *thing* (*предмет*), и исчезли компоненты *happiness* (*счастье*), *well-being* (*благополучие*) и *praise to God* (*хвала к Богу*).

Корпусы текстов современного английского языка являются самыми объемными и оснащенными различными инструментами для поиска и анализа языка. Один из наиболее объемных корпусов – корпус американского английского языка Corpus of Contemporary American English [COCA: URL]. В исследовании также использованы

примеры, взятые из корпуса английского языка British National Corpus [BNC: URL].

Всего лексема *joy* упоминается в 37403 контекстах. В Таблицах 2, 3, 4, 5 приведены самые частотные сочетания по каждому типу (Табл. 2, 3, 4, 5).

Всего было выявлено 1313 словосочетаний глаголов с лексемой *joy* (уникальных – 395). Исходя из анализа полученных данных, можно предположить, что в современном английском языке эксплицируются представления о том, что кто-то или что-то может принести (*bring*) радость в нашу жизнь, также радость можно найти (*find*), получить (*take*) («*I no longer take joy in my chosen profession*» [COCA: URL]) и почувствовать (*feel*).

Таблица 2. Примеры сочетаний глаголов с лексемой *joy*

Количество упоминаний	Примеры
Более 300	Bring joy (341)
200 – 300	Find joy (288)
100 – 200	Take joy (131), feel joy (114)

Было выявлено 858 словосочетаний лексемы *joy* с глаголами (489 уникальных), что составляет наименьшее количество среди всех сочетаний с лексемой *joy*. Такое количество указывает то, что радость не так часто осмысливается через антропоморфную метафору. Отметим также, что в среднеанглийском языке подобных сочетаний обнаружено не было. Чаще всего радость приходит (*come*) в результате выполнения каких-либо действий («*The real joy comes from trying things, learning more about painting, and making discoveries*» [BNC: URL]). Сочетания с глаголом *to know* (*знать*) встречаются только в идиоматическом выражении «*joy knows no bounds*» («радость не знает границ»), что может говорить о том, что интенсивность или количество эмоции радости не имеет пределов.

Таблица 3. Примеры сочетаний лексемы *joy* с глаголами

Количество упоминаний	Примеры
Более 60	Joy comes (65)
Более 20	Joy knows (24)
10 – 20	Joy goes (19); joy fills (15); joy sets, makes, runs (10)

Было выявлено 7109 словосочетаний лексемы *joy* с существительными. Чаще всего лексема *joy* сочетается с существительными *pride* (*гордость*), *tears* (*слезы*) и *life* (*жизнь*). Частотность варианта «слезы» связана с тем, что в английском языке есть выражение «*tears of joy*», эквивалентное русскому «слезы радости» («*He knew that it was tears of joy*» [COCA: URL]). Слезы, как правило, считаются реакцией организма, возникающей, когда человек испытывает отрицательные, негативные эмоции. Однако слезы, в первую очередь, - это реакция организма на стресс, и радость для людей тоже является стрессом. Частотность сочетания с *pride* объясняется наличием в английском языке

идиомы «*be your pride and joy*», имеющей значение «*to be something or someone that is very important to you and that gives you a lot of pleasure*» [Cambridge Dictionary: URL]. Таким образом, радость метафорически переосмысливается через призму ценности и важности, т. е. быть чей-либо радостью означает «быть ценным и важным».

Таблица 4. Примеры сочетаний лексемы joy с существительными

Количество упоминаний	Примеры
Более 400	Pride (469), tears (435), life (411)
200 – 400	Peace (369), love (337), sorrow (293), happiness (265)
100 – 200	Pain, (157); bundle (145), ride (141), sense (141), laughter (118), relief (116), hope (114)

Следующие достаточно частотные сочетания – это сочетания со словами «мир», «любовь», «страдание» и «счастье». Интерес вызывает сочетание с *sorrow* (страдание), ведь радость – эмоция положительная. Чаще всего эти лексемы употребляются вместе, когда необходимо показать полноту ощущаемых эмоций («*There is a ton of honesty, vulnerability, joy and sorrow*»; «*I understood the joy and sorrow he expressed, even if I couldn't catch every word*» [COCA: URL]). Также данное сочетание употребляется не только для выражения эмоций или чувств, но и для описания важных составляющих нашей жизни, наших радостей и горестей («*Ritta was dealing with both sorrow and joy in her family life*» [BNC: URL]).

Реже, но также встречаются сочетания с *pain* (боль), часто для того, чтобы показать контраст ситуации («*She understands, acutely, both sides of the coin, love and joy opposite pain and loss*» [COCA: URL]); с *laugh* (смех), *relief* (облегчение) и *hope* (надежда). Наличие таких сочетаний легко объяснить, поскольку эмоция радости сопровождается положительными реакциями: смехом или облегчением. Сочетания с существительным *ride* (езда) встречаются в выражении *joy ride*, которое в английском языке имеет следующее значение: «быстрое и опасное вождение для удовольствия», часто на украденном автомобиле [Cambridge Dictionary: URL].

Было выявлено почти 5000 контекстов употребления прилагательных с лексемой *joy* (1198 уникальных сочетаний), среди которых более 800 сочетаний с прилагательным *great* (великий) и его формами (сравнительной и превосходной степенью). Параметр размера для счастья остается ведущим и в современном английском языке, однако лексема *joy* сочетается и с прилагательным *little* (маленький), что может говорить о том, что радости может быть не только много, но и мало. JOY как высоко абстрактный концепт осмысливается через конкретное и осязаемое. Так, в частотных сочетаниях обнаруживаются такие прилагательные, как *pure, sheer* (чистый), *real* (настоящий, реальный), *simple* (простой).

Таблица 5. Примеры сочетаний прилагательных с лексемой joy

Количество упоминаний	Примеры
Более 800	Great (944)
100 – 400	Pure (332), sheer (193), real (142), simple (108)
50 – 100	Little, true (83), only (59), absolute (58)

Выводы и перспективы дальнейшей исследовательской работы. В результате проведенного исследования экспликации концепта JOY со среднеанглийского периода до современного периода развития английского языка сформированы выводы и выдвинуты следующие предположения о характере диахронического развития концепта.

1) Со среднеанглийского по современный английский период изменяется состав номинативного поля исследуемого концепта. Ядро концепта JOY в среднеанглийский период составляли такие компоненты, как *happiness* (счастье), *pleasure* (удовольствие / наслаждение), *well-being* (благосостояние), *praise to God* (хвала к Богу). Ядро концепта JOY в современный период составляют компоненты *pleasure* (удовольствие), *extreme gladness* (сильная радость), *thing causing joy* (предмет, приносящий радость), *satisfaction* (удовлетворение), *success* (успех).

2) Корпусный анализ, проведенный для выявления ассоциативных признаков концепта JOY, показал следующие результаты. В среднеанглийский период концепт JOY чаще всего ассоциируется с *blysse* (*bliss* – блаженство, счастье), *mirþe* (*mirth* – веселье, радость), *gladnes* (*gladness* – радость), *heven* (*heaven* – небеса), *grace* (милость, милосердие). Выявленные параметрические характеристики основной лексики-репрезентанта дают основание предположить, что концепт JOY осмыслялся через размер - *great* (большой, великий), качество - *pure* (чистый), *true* (истинный), длительность - *endless* (бесконечный). Также JOY осмысляется как то, что можно сделать (*make*), найти (*suche* – *search*), плакать от / либо плакать (молить) о чем-то (часто употребляется в обращении к Богу (*weep for*)), иметь (*have*) или давать (*give*); а также через метафору вместилища (*be full of joy*).

3) В современном английском языке концепт JOY чаще всего ассоциируется с *tears* (слезы), *life* (жизнь), *peace* (мир), *love* (любовь), *happiness* (счастье). В выражении *be your pride and joy* концепт осмыляется метафорически: радость = человек, который ее приносит. Выявленные параметрические характеристики основной лексики-репрезентанта дают основание предположить, что концепт JOY осмыляется через размер - *great* (большой, великий), *little* (маленький), качество - *pure*, *sheer* (чистый), *simple* (простой), соотношение к реальности - *real* (настоящий, реальный). Также концепт осмыляется как то, что можно принести (*bring*) радость в нашу жизнь, также радость можно найти (*find*), получить (*take*); а также через антропоморфную метафору: JOY *comes*, *goes*

(приходит), *knows* (знает), *fills* (наполняет).

4) Изменения в составе ядра номинативного поля показывают, что константным признаком концепта JOY является *pleasure*. Ассоциации меняются в сторону от божественного, небесного, к чему-то более реальному, материальному, приземленному. В современном английском языке концепт JOY находит отражение в антропоморфной метафоре. Появляется больше идиоматических выражений, позволяющих осмыслить такой сложный, абстрактный концепт эмоции, как JOY.

Таким образом, исследование концепта в диахронии в сочетании с методами корпусной лингвистики дает гораздо более полное описание концепта и позволяет выявить не просто состав его номинативного поля, но и его константные (постоянные) и ассоциативные (движущиеся, меняющиеся) признаки. Исследования, проведенные в рамках диахронической концептологии в сочетании с методами корпусной лингвистики, обладают большим потенциалом, так как дают возможность исследовать сложную структуру концептов в динамике их развития.

Список источников

Болдырев Н. Н. Интерпретирующая функция языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 11–16.

Будагов Р. А. О слове современник в «Истории моего современника В.Г. Короленко». М.: Добросвет, 2002. 302 с.

Будаев Э. В. Сопоставительная политическая метафорология: монография. Нижний Тагил: НТГСПА, 2011. 330 с.

Кононова И. В. Структура и языковая репрезентация британской национальной морально-этической концептосферы: в синхронии и диахронии: дисс. ... д-ра филологических наук: 10.02.04. Санкт-Петербург, 2010. 361 с.

Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Научн. ред. В.И. Карасик. Москва: Гнозис, 2008. 374 с.

Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М.: Знак, 2012. 208 с.

Кузнецов В. Г. Предмет и задачи диахронической сопоставительной концептологии (на примере морально-ценностных концептов) // Вопросы когнитивной лингвистики. №2. 2007. С. 26–34.

Нильсен Е. А. Языковая объективация темпорального сознания: опыт диахронической концептологии (на материале английского языка): монография. Петропавловск-Камчатский: Изд-во КамГУ им. Витуса Беринга, 2014. 296 с.

Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Золотая серия. Лучшие работы ведущих российских специалистов. М.: АСТ, Восток-Запад, 2007. 315 с.

Сорокина Т. С. Диахроническая концептология: некоторые методики исследования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. № 660. С. 9–21.

Степанов Ю. С. Тонкая пленка цивилизации. М.: Языки славянских культур, 2007. 248 с.

Bosworth-Toller Anglo-Saxon Dictionary. Date of access: 07.06.2023. URL: <https://bosworthtoller.com/>.

British National Corpus. Date of access: 07.06.2023. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/>.

Cambridge Dictionary. Date of access: 07.06.2023. URL: <https://dictionary.cambridge.org/>.

Corpus of Contemporary American English. Date of access: 07.06.2023. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/>.

Middle English Dictionary. Date of access: 07.06.2023. URL:

<http://quod.lib.umich.edu/cgi/c/collsize/collsize?summ=all>.

Middle English Prose and Verse. Date of access: 07.06.2023. URL: <https://quod.lib.umich.edu/c/cme/>.

Murray J. (1989) The Oxford English Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 1–20: 4340.

Online Etymology Dictionary. Date of access: 07.06.2023. URL: <https://www.etymonline.com/>.

References

Boldyrev, N. N. (2011.) Interpretiruyushchaya funktsiya yazyka [Interpretative function of the language]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of

Chelyabinsk State University], 33 (248). *Filologiya. Iskusstvovedeniye*, 60: 11–16. (In Russ.)

Bosworth-Toller Anglo-Saxon Dictionary. Date of access:

07.06.2023. URL: <https://bosworthtoller.com/>.

British National Corpus. Date of access: 07.06.2023. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/>.

Budagov, R. A. (2002). O slove sovremennik v «Istorii moyego sovremennika V.G. Korolenko» [About the word contemporary in “The history of my contemporary”]. Moscow, Dobrosvet, 302. (In Russ.)

Budayev, E. V. (2011) *Sopostavitel'naya politicheskaya metaforologiya: monografiya* [Comparative political metaphorology: the monograph]. Nizhniy Tagil: NTGSPA: 330. (In Russ.)

Cambridge Dictionary. Date of access: 07.06.2023. URL: <https://dictionary.cambridge.org/>.

Corpus of Contemporary American English. Date of access: 07.06.2023. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/>.

Kononova, I. V. (2010) *Struktura i yazykovaya reprezentatsiya britanskoy natsional'noy moral'no-eticheskoy kontseptosfery : v sinkhronii i diakhronii* [Structure and linguistic representation of the British national moral and ethical conceptsphere : in synchrony and diachrony] : dissertatsiya ... doktora filologicheskikh nauk : 10.02.04. Sankt-Peterburg: 361. (In Russ.)

Krasavskiy, N. A. (2008) *Emotsional'n-yye kontsepty v nemetskoj i russkoj lingvokul'turakh* [Emotional concepts in German and Russian linguocultures: Monograph]: Monografiya. Nauchn. red.: V. I. Karasik. Moskva, Gnozis: 374. (In Russ.)

Kubryakova, Y. S. (2012) *V poiskakh sushchnosti yazyka: Kognitivn-yye issledovaniya* [In search of the essence of language: Cognitive research]. Moscow, Znak:208. (In Russ.)

Kuznetsov, V. G. (2007) *Predmet i zadachi diakhronicheskoy sopostavitel'noy kontseptologii (na primere moral'no-tsennostnykh kontseptov)* [The subject and tasks of

diachronic comparative conceptology (on the example of moral and value concepts)]. *Voprosy kognitivnoy lingvistik* [Questions of cognitive linguistics], 2: 26-34.

Middle English Dictionary. Date of access: 07.06.2023. URL:

<http://quod.lib.umich.edu/cgi/c/collsize/collsize?summ=all>.

Middle English Prose and Verse. Date of access: 07.06.2023. URL: <https://quod.lib.umich.edu/c/cme/>.

Murray J. (1989) *The Oxford English Dictionary*. Oxford: Oxford University Press, 1-20: 4340.

Nil'sen, YE. A. (2014.) *Yazykovaya ob'yektivatsiya temporal'nogo soznaniya: opyt diakhronicheskoy kontseptologii (na materiale angliyskogo yazyka)* [Linguistic objectification of temporal consciousness: the experience of diachronic conceptology (based on the material of the English language): monograph]: monografiya. Petropavlovsk-Kamchatskiy: Izd-vo KaMGU im. Vitusa Beringa: 296. (In Russ.)

Online Etymology Dictionary. Date of access: 07.06.2023. URL: <https://www.etymonline.com/>.

Popova, Z. D., Sternin, Z. D. (2007) *Kognitivnaya lingvistika* [A. Cognitive linguistics]. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. Zolotaya seriya. Luchshiyе raboty vedushchikh rossiyskikh spetsialistov. Moscpw, AST, Vostok-Zapad:315. (In Russ.)

Sorokina, T. S. (2012) *Diakhronicheskaya kontseptologiya: nekotorye metodiki issledovaniya* [Diachronic conceptology: some research methods]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of Moscow State University], 660: 9-21. (In Russ.)

Stepanov, YU. S. (2014) *Tonkaya plenka tsivilizatsii* [The thin film of civilization]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur:248. (In Russ.)

© Нильсен Е.А., Окулова О.А., 2023

Нильсен Евгения Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии и перевода Санкт-Петербургского государственного экономического университета. Контактные данные: 191023, Россия, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 30-32 (Russia, St. Petersburg, nab. Griboyedov Canal, 30-32). Email: janenilsen@mail.ru.

Окулова Елизавета Алексеевна – ассистент кафедры английской филологии и перевода Санкт-Петербургского государственного экономического университета. Контактные данные: 191023, Россия, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 30-32 (Russia, St. Petersburg, nab. Griboyedov Canal, 30-32). Email: lizagrem@mail.ru.

Статья поступила в редакцию: 25.06.2023.

УДК 81'373.612.2

Konnova Maria Nikolaevna¹✉, Westerbeek Anika Grite Maria²^{1,2}Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia¹mkonnova@kantiana.ru, AuthorID: 622666, ORCID: 0000-0001-8808-6424²anikawesterbeek@gmail.com

METAPHOR RESEARCH: FROM ARISTOTLE TO NEUROSCIENCE

Metaphor, a pervasive and almost unavoidable phenomenon in most fields of human life, has generated long and abiding scientific interest for more than two millennia. A brief overview of metaphor theories is given with a particular emphasis on differences and similarities in their treatment of production and perception of figurative language. We start from Aristotle who, by likening metaphor to an implicit simile, laid the foundations of rhetorical tradition of metaphor interpretation that dominated philosophical and linguistic treatises until early XX century. Leaving aside stylistic handling of metaphor as a pure embellishment of literary, mostly poetic pieces, we proceed with metaphor research of the XX century when scientific attention shifted from superficial linguistic manifestations of figurative thought to its deeper, i.e. cognitive, foundations. This point is illustrated by several influential theories. We discuss I.A. Richards' Interaction Theory of Metaphor and its continuation in M. Black's Substitution View. We go on to examine basic premises of G. Lakoff and M. Johnson's Conceptual Metaphor Theory and its numerous modifications, all united by their emphasis on conceptual system rather than language: the Conceptual Integration Theory (the Blending Theory) by G. Fauconnier and M. Turner, the Primary Metaphor Hypothesis by J. Grady, the Categorization View of the Metaphor presented by S. Glucksberg and B. Keysar, the Career of Metaphor Hypothesis by B.F. Bowdle and D. Gentner, the Deliberate Metaphor Theory Metaphor by G. Steen. We end our overview with considering the tenets of neurolinguistic approaches to metaphor research, namely the Network Theory and its alternative, the Graded Salience Hypothesis. All of the viewpoints and methodologies discussed, while looking at metaphor from a different perspective, each contribute to a deeper understanding of this ubiquitous yet still inexplicable phenomenon of human language and thought.

Keywords: metaphor theory, conceptual system, language, Aristotle, I.A. Richards, G. Lakoff, neurolinguistics.

“

Konnova M.N., Westerbeek A.G.M. Metaphor research: from Aristotle to neuroscience. Language. Communication. Society: Digital scientific journal. 2023. 3 (3): 27-40.

Коннова Мария Николаевна¹✉, Вестербейк Аника Грите Мария²^{1,2}Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия¹mkonnova@kantiana.ru, AuthorID: 622666, ORCID: 0000-0001-8808-6424²anikawesterbeek@gmail.com

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ МЕТАФОРЫ: ОТ АРИСТОТЕЛЯ ДО НЕЙРОЛИНГВИСТИКИ

Метафора, как универсальное свойство естественного языка и фундаментальный мыслительный механизм, является традиционным объектом анализа гуманитарных дисциплин. Намечаются истоки научного похода к изучению метафоры, восходящие к трудам Аристотеля и его предшественников.

Внимание уделяется исследованиям последнего столетия, когда метафора оказалась в центре не только гуманитарных, но и естественно-научных, в частности, нейрофизиологических исследований, как явление, постижение природы которого способно пролить свет на сложнейшие процессы функционирования человеческого сознания. Рассматриваются ведущие тенденции когнитивного изучения метафоры, основы которого были заложены философами А. Ричардсом и М. Блэком, и затем углублены и расширены Дж. Лакоффом и М. Джонсоном. Излагаются подходы, возникшие на основе предложенной ими теории концептуальной метафоры: теория концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера, гипотеза первичной метафоры Дж. Грейди, теория категоризации С. Глюксберга и Б. Кейсара, теория карьеры метафор Б.Ф. Боудла и Д. Гентнера, гипотеза преднамеренной метафоры Дж. Стина. Обзор завершается описанием основных положений нейрональной теории метафоры, теории грубого семантического кодирования, сетевой модели состояний семантической памяти. Представленный в настоящей статье краткий анализ нейролингвистических механизмов обработки и порождения метафорической речи свидетельствует о том, что нейронаука, несомненно, открывает новые перспективы исследования образного мышления и способствует более глубокому уяснению его природы.

Ключевые слова: теория метафоры, концептуальная система, язык и мышление, Аристотель, А. Ричардс, Дж. Лакофф, нейролингвистика.

Коннова М.Н., Вестербейк А.Г.М. Теоретические подходы к исследованию метафоры: от Аристотеля до нейролингвистики // Язык. Коммуникация. Общество: Электронный научный журнал. 2023. № 3 (3). С. 27-40.

Introduction. Metaphorical thinking is ubiquitous in most spheres of human activity, both in day-to-day life, and in various fields of specialized knowledge and practice. Its manifestations can take the shape of physical objects, e.g., calendars as visual representations of special metaphors of time. It is visible in human behaviour, e.g., in the habit of leaning slightly forward when talking about the future and backwards when talking about the past as a physical display of “the future is ahead/ the past is behind” metaphors. It is conveyed by linguistic expressions, e.g., *time flies, passes, flows*. An average native English speaker employs in their speech approximately 5 metaphors per minute, accumulating up to 300 metaphors per hour, and exceeding 1,000 metaphors per day (considering about 4 hours of speaking time a day) [Dong, 2004]. A corpus-based study on metaphor in academic texts, conversation, fiction and news items, too, displays the pervasiveness of metaphor. Every seventh lexical unit shows a relation to metaphor although figuratively employed words are unevenly scattered across registers: academic texts indicate the highest metaphor density with as much as 18.6%, news items come in second with 16.4%, surprisingly followed by fiction with 11.7% and lastly conversation with only 7.7% [Müller et al., 2021; Steen et al., 2010]. Pervasiveness of metaphor allows the latter to generate a considerable and abiding interest which has provided metaphor with a rarely long-standing research record. Our aim in the present paper is to provide a brief overview of metaphor research evolution across time, starting from Aristotle’s description of metaphor as a covert comparison up to the most recent findings in neurolinguistics.

The Comparison View on metaphor. The Greek term *metaphora* literally means

“carrying something from one place to another, transference”. The word first occurs in Isocrates’ “Evagoras”, where the author claims to banish metaphors from his prose [Kennedy, 2007: 199]. In “Poetics” Aristotle defines metaphor as “a movement [*epiphora*] of an alien [*allogrios*] name either from genus to species or from species to genus or from species to species or by analogy” (Poetics, XXI, 7). In “The Rhetoric” Aristotle equated metaphor to an implicit or condensed simile: “A simile is also a metaphor; for there is little difference: when the poet says, ‘He rushed as a lion,’ it is a simile, but ‘The lion rushed’ [with lion referring to a man] would be metaphor; since both are brave, he used a metaphor [i.e., a simile] and spoke of Achilles as a lion. [Similes] should be brought in like metaphors; for they are metaphors, differing in the form of expression” (The Rhetoric, III, 1406b) [Aristotle, 2007: 205]. A metaphor constructed “X is a Y” is perceived as an elliptic comparison of the form “X is like a Y” which is on the basis of common features of the two constituents compared within it. A covert comparison based on analogy, metaphor has as the premise for its application and understanding the perception of the similarities of components [McGlone, 2007; Ashworth, 2007]. On Aristotle’s account, both metaphor and simile are figurative comparisons, differing only in their manner of grammatical expression and the degree of conciseness [Fogelin, 2011: 28].

There is a certain discrepancy between metaphor and comparison regarding the extent to which the utterance may be true. Because a comparison is based on similarity, the utterance is about both concepts mentioned and implies full accordance between them. Metaphor, however, only focuses on one concept, be it with the help of the second, and does not require unquestionable agreement between the two. Similarly, metaphor is asymmetric in nature, in contrast to the symmetric nature of comparison or simile. Comparison implies, provided that “X is like a Y”, vice versa, Y must be like an X. This principle, by no means, extends to metaphor [Cornell, 1991; for treatment of the Aristotelian theory, see Levin, 1982; Kirby, 1997; Marcos, 1997].

Interaction Theory of Metaphor and the Substitution View. After a long period of quiescence, I.A. Richards brought about a turn in the perception of metaphor. Rather than understanding metaphor on solely a lexical and stylistic level, Richards asserts that “metaphor is the omnipresent principle of language can be shown by mere observation. We cannot get through three sentences of ordinary fluid discourse without it ...” [Richards, 1936: 61]. In “The Philosophy of Rhetoric”, Richards denoted the two fundamental constituents of metaphor previously often called “the original idea” and “the borrowed one” as the “tenor” and “vehicle”. The tenor is the subject matter, whereas the vehicle is the object, whose elements are assigned to the tenor. The meaning of the metaphor, the shared properties, is denoted as the “ground”. So, in the metaphor “leg of the table”, the *table* is the tenor, the human *leg* the vehicle. The ground is their common function of carrying something or someone [Richards, 1936; see also West, 2007].

Richards observes metaphor does not necessarily consist of only two parts. He speaks of the secondary vehicle which serves as a sophistication of the tenor by ascribing additional attributes. Richards remarks the term “ground” needs to be applied with consideration, proceeding from the assumption the ground implies a commonality between the tenor and vehicle. Metaphor, however, does not always exemplify a similarity between its two constituents, as he points out in the example “*daring wound*”. On this ground Richards claims it oftentimes is the difference between the tenor and vehicle that assemble the metaphor, not the similarity [Cornell, 1991].

Elaborating on Richards’ work, M. Black speaks of the Interaction View, which claims metaphor transcends the level of language, and is, in fact, an interaction between two conceptual systems [Black, 1962; Black, 1979]. In support of this theory, Black introduces three new terms: primary subject, subsidiary or secondary subject, and commonplace. The interaction of metaphor takes place between the two subjects. This way associations, inferences and literal meanings of the secondary subject are conveyed onto the primary subject, creating a commonplace. The secondary subject acts as a certain sieve or filter through which the primary subject is understood. It directs the focus and determines the perception, highlighting certain features and overshadowing, or perhaps even completely neglecting, others. Black clarifies “the maker of the metaphorical statement selects, emphasizes, suppresses, and organizes features of the primary subject by applying to it statements isomorphic with the members of the secondary subject’s implicative complex” [Black, 1977]. Thus, the interaction is not a simple binding of two words or phrases based on their similarity, the interaction itself produces, or at least identifies, the common properties between the two concepts and consequently redefines one of them. The new meaning, making of connotations and attributes at the very least, is impossible without this interaction. This notion brings another function of metaphor to light, namely that of creating and allocating new meanings to concepts. The creative function of metaphor is strengthened by its “non-reductionistic” nature that does not allow its interpretation to be reduced to its literal meaning [Surovtsev, Syrov, 2015; Waggoner, 1990; Youguo, 2013].

The Substitution View, initiated by M. Black, assumes metaphor to be a way of saying what could be said literally. Accordingly, the metaphor “He felt on top of the world” may be substituted by “He felt extremely happy”. Approaching metaphor as a mere subject of language, perhaps abundant and atypical language, diverging from the “normal”, literal language, the Substitution View considers metaphor to be purely aesthetical [Boyd, 1998].

This approach, however, does not provide a solution for one of the problems already mentioned with regard to the Comparison View: the ignorance of metaphor’s unique character in its ability to convey meaning additional to or beyond the literal one. As E. Cornell Way puts it: “... metaphors are *generative*; it is difficult to capture the entire web of associations and implications that result from a metaphor in a single literal paraphrase or even a set of literal

phrases” [Cornell, 1991: 36]. This gives rise to the question what the actual use of metaphor then is. Considering the same thought can be uttered in a literal, often more clear and concise way, it is illogical to assume speakers would prefer this devious and somewhat inconvenient way [Trčková, 2014].

Conceptual Metaphor Theory, the foundations of which were laid in Lakoff and Johnson's pioneering book “Metaphors We Live By” (1980), has provided powerful tools to analyze various aspects of figurative language and thought. This theory states that the metaphor an omnipresent phenomenon is in our conceptual system, involving not only language, but also thought and action. The making and understanding of metaphorical language are conveyed by metaphorical similarities that structure our mental representations of complicated concepts. According to G. Lakoff and M. Johnson, “the essence of metaphor is understanding and experiencing one kind of thing in terms of another” [Lakoff, Johnson, 2010: 5].

Conceptual metaphor itself is understood metaphorically – as a “mapping” from a more concrete and better structured source domain (e.g., SPACE) to a more abstract and less experientially grounded target domain (e.g., TIME). The mapping that represents the structural identity between two domains takes the form A (target domain) is B (source domain), e.g., TIME IS A LANDSCAPE WE MOVE THROUGH. Metaphor is thus viewed as a mode of conceptual representation rather than solely a linguistic phenomenon. As Lakoff claims, “The metaphor is not just a matter of language, but of thought and reason. The language is secondary. The mapping is primary, in that it sanctions the use of source domain language and inference patterns for target domain concepts. The mapping is conventional, that is, it is a fixed part of our conceptual system” [Lakoff, 1998: 208]. Viewing metaphors as specific mental mappings across two conceptual domains – a source domain and a target domain – Lakoff and other conceptual metaphor theorists stress that a cross-domain mapping deals in relational structures and inferences and not just single elements. The resulting fixed set of ontological correspondences between entities in two conceptual domains enables speakers to perceive one mental space in terms of another. Another relevant feature of CMT is the systematicity of metaphors. Metaphoric expressions are viewed not as a set of random and disconnected linguistic units but as realizations of a common cognitive scheme. Linguistic metaphors, both novel and conventional, are reflections of underlying conceptual mappings [Lakoff, 1998; Evans, 2005; Kimmel, 2010; Kövecses, 2008].

The **Conceptual Integration Theory**, also known as the Blending Theory, was developed by G. Fauconnier and M. Turner in the 1990s. This theory does not concentrate on metaphor per se, rather, its main focus lays on cognition, of which metaphor and “cross-space mappings” are part [Fauconnier, Turner, 1998]. Far from rejecting Lakoff's and Johnson's “two-domain” model, Fauconnier and Turner view it as a convenient and practical model for the study of traditional conceptual metaphors. Nonetheless, it is considered to belong to a

broader, a more generative, model of conceptual projection, namely the “many-space” model. According to Fauconnier and Turner, their model is able to give a more detailed account of cognitive studies and metaphor in particular [Turner, Fauconnier, 1995]. In their argumentation in favour of the Blending Theory, the authors point out the differences with the Conceptual Metaphor Theory. Where the Conceptual Metaphor Theory makes use of the term “conceptual domain”, the Blending Theory reasons in “mental spaces”. Several conceptual domains usually constitute a mental space. Fauconnier defines “mental space” as “... a (relatively small) conceptual packet built up for purposes of local understanding and action” [Fauconnier, Turner, 1998: 184]. Mental spaces are created and may alter at the moment of speech and thought. The “many-space” model, also referred to as the “conceptual integration network”, presupposes the cooperation of at least four mental spaces. Two “input” spaces, a generic space and a blended space, to be exact. The input spaces may be seen as the equivalent of the source and target domain. The generic space is, as the name suggests, made up out of the features the two input spaces share in common. Finally, the blended space is, conversely, the overlaying of what the inputs do not share, that what is fused, or “blended”, into one space [Fauconnier, Turner, 2003: 62].

Detractors of the Conceptual Integration Theory object to its deficient specification, which hinders empirical testing of the theory and thus undermines its falsifiability. Secondly, there is the issue of computability. It is yet to prove how the “many-space” model may be translated to a computer model that would give results in line with the model. Finally, many cognitive theorists claim the Blending Theory is a theory too complex to explain simple instances of conceptual integration. According to them, the four-space model is round-about for straightforward cases of conceptual integration [Ritchie, 2004].

In an attempt to complete and enhance the Conceptual Metaphor Theory J. Grady introduced the **Primary Metaphor Hypothesis** which identifies plausible motivations which underlie conceptual metaphors. Grady’s hypothesis proceeds from the assumption that metaphor comes into being due to a tight and repeated correlation of (two) bodily experiences. R. Gibbs characterizes primary metaphor as a metaphorical mapping for which there is a direct and experimental basis [cf. Gibbs, 2006; Gibbs, 2019]. The Primary Metaphor Hypothesis refers to the metaphor basis as “primary scene”. An image schema, introduced by Lakoff and Johnson, is considered to be more generic and therefore substantial structure, while a primary scene is viewed as having a very specific structure founded on distinct experiences. The primary scene is a cognitive representation built on shared “schematic structures”. However, according to Grady, this generally does not involve an image of any kind. Considering that in his theory the source concepts are derived from sensory stimuli, and the target concepts are formed by the responses on that sensory input, only the source concepts may have image contents, while the target concepts have a more subjective nature, tethered to internal states. The metaphor basis is an experimental correlation between the primary scenes of both

domains, thus based on co-occurrence [Costa Lima, 2006; Cornelissen, Kafouros, 2008].

Furthermore, with his hypothesis Grady presupposes “primary” or “primitive” metaphors lay the basis for conceptual metaphors. They are the building blocks of complex metaphors, which occur through “blending” of the primary ones. Primary metaphors themselves are further indivisible. They can be used as such because they are characterized by a single interface between the source and target domain. Complex metaphors, on the other hand, are marked by multiple source domains and multiple interfaces. This notion is vividly displayed by the complex metaphor “glass ceiling” which is constituted of two primary metaphors: GOOD IS UP and SEEING IS KNOWING. The combination of the two develop the meaning of the expression “glass ceiling”, namely the limitation of upward motion due to an inconspicuous object [Cornelissen, Kafouros, 2008].

Grady distinguishes between so-called “correlation-based” metaphors and “resemblance” metaphors. The difference between the two types of metaphor lies in the nature of their emergence. The primary metaphor is the minimal unit of the correlation-based metaphor. These metaphors emerge through the concurrence of several sensory-motor experiences during early childhood. Thus, a correlation is developed between two notions through physical experience. This makes for primary metaphor to be automatically acquired and ingrained into the subconscious. At the root of conceptualization lies the process of conceptual blending or, as referred to by the Blending Theory, “counterpart connections”. After all, metaphoric conceptualization is underpinned by a correspondence between two separate conceptual representations [Grady, 2005; Ortiz, 2011].

Though fundamental, primary metaphor cannot provide an explanation for all conceptual metaphors, for some do not find their origin in a physical-experimental basis. Resemblance metaphor occurs on the ground of physical or conceptual common features, shared by the two domains. Grady claims resemblance metaphors are based on the perception of common aspects. A crucial remark Grady makes, is that the resemblance metaphor, by no means, infers a literal comparison between the two domains. There merely exists a metaphorical association based on (the perception of) shared features of the two domains [Grady, 1997: 222].

The Categorization View of the Metaphor presented by S. Glucksberg [Glucksberg, Keysar 1990] suggests that “an entity is assigned to a category that is exemplified by or typical of another entity also belonging to that category” [Kövecses, 2018: 116]. B.F. Bowdle and D. Gentner partly agree with the Categorization View in that they use this particular theory of metaphor as a base, when adopting it to create their **Career of Metaphor Hypothesis**. This hypothesis fuses the Comparison and Categorization View, and states that there exists a recurring contrast between novel and conventional metaphors, due to which they should be treated differently. Novel metaphors consist of “domain-specific” base concepts, not yet affiliated with “domain-general” categories. Simply put, the base concept merely possesses a

literal meaning, but no linked figurative (metaphorical) meaning. It is for this reason that novel metaphors are understood as comparisons. Conversely, conventional metaphors are polysemous, since, over time and due to frequent use (i.e., through the process of conventionalization), they have acquired both a literal meaning and a semantically kindred metaphorical meaning. Consequently, conventional metaphors may be understood either as comparisons (horizontal alignment), or as categorization (vertical alignment), when referring the target concept to a superordinate figurative category, determined by the base concept. This depends on whether the target concept is mapped onto the primary or secondary meaning respectively. Novel and conventional metaphors call for different linguistic realizations and thus mental processes. It is pointed out the former are commonly expressed in the form of simile, i.e., A is like B, while the latter may also be expressed in form customary for metaphor, i.e., A is B. It is important to make the distinction between comparison and categorization because they differ in the specificity of their projection. Comparison projections are very confined in that only the properties related to the aligned system will be reflected onto the target concept. Categorization, by contrast, presupposes a more wholesome projection of the base concept on the target concept, meaning that every single property of the base concept is reflected in the target concept. In other words, in case of comparison the target attributes are projected into the base attributes, after which an overlap is determined between the two. Categorization, on the other hand, implies the target concept is part of the category of the base concept [Bowdle, Gentner, 2005; Gokcesu, 2009].

The Deliberate Metaphor Theory. According to G. Steen, studies on metaphor in language and thought have shown to be contradictory, implying that the bulk of metaphors in language is, in fact, not perceived metaphorically. Such a paradox can easily be fixed by taking into consideration one key feature of the metaphor in communication, namely whether it is produced and received as deliberate or nondeliberate. With his Deliberate Metaphor Theory, Steen proposes a three-dimensional discourse-analytical framework, for “when metaphor is studied as part of actual language use, or events of discourse, it does not only manifest a linguistic form and a conceptual structure, but also a communicative function” [Steen, 2008: 221]. As for the relevance of the deliberate metaphor for this 3D model, Steen claims that both metaphors in language and metaphors in thought can serve as either deliberate or nondeliberate metaphors in communication. Thus, the linguistic and conceptual potential for metaphorical mapping will continue to be constant, whereas their communicative purpose is variable, depending on the presence or absence of the intention to employ a metaphorical expression. Logically, the deliberate metaphor is perceived metaphorically (by comparison), contrary to the nondeliberate metaphor, which is commonly considered not to be perceived metaphorically (by categorization).

Deliberate metaphors are defined as the cross-domain mappings that require the clear usage of another domain, a source domain, to assess the target domain. This has the effect of

altering the addressee's point of view on the tenor, by forcing them to consider it from the perspective of a different domain, functioning as the vehicle or conceptual source. The principal distinction between the two types of metaphor proposed by Steen is the following. The deliberate metaphor is considered to be a conscious and purposeful discourse strategy directed at inducing a communicative, in particular, a rhetorical effect through intentionally changing the perspective from the stance of a different conceptual domain. The nondeliberate metaphor does not have any intentional aim of any kind. Summing up, Steen has identified three dimensions of metaphor, which are all of equal importance and value. These are "metaphor naming", "framing" and "changing". Their interaction and interdependence remain to be determined, but surely provide an excellent starting point for further (empirical) research [Steen, 2008; Steen, 2011; Steen, 2017; Gibbs, 2011].

Metaphor Theories in Neurolinguistics. At present there exists the general belief that the metaphorical system, being based on the conceptual system, has a foundation in neurology. From a neurological vantage point, metaphor can be studied in two ways: how and where in the brain metaphorical language is processed and how (and where) it is produced. A brief overview of both approaches will be given.

The Neural Theory of Metaphor evens the neural circuit to the metaphor, which is substantiated the following way. At the core of the Neural Theory of Metaphor stands the assumption that the (two) areas of the brain, which are responsible for the source and target domains, work concurrently when both the source and the target domain are activated. Paramount to this notion is the "Hebbian principle". In order to give a neuropsychological explanation of memory and learning in general, psychologist D. Hebb put forward the idea that if neighboring neurons are located closely enough to one another for one neuron to excite the other and if this is done frequently and consistently, the efficiency of the first one is increased because of their connection. Thus, one neuron needs to fire the other neuron for a(n) (efficient) connection to be established. Though somewhat inaccurately, this principle is often reduced to the mnemonic phrase "Neurons that fire together, wire together". Consequently, the neural mapping circuits, which connect the two domains, comprise the metaphor mapping and thus the metaphor itself [Lakoff, 2008; Keysers, Gazzola, 2014].

With regard to the exact areas of the brain in charge of metaphor comprehension, multiple studies have been carried out yielding different results. These studies are generally comparative studies executed by means of functional magnetic resonance imaging (fMRI) and performed on both healthy adults and adults with brain activity diverging from the norm, such as patients suffering from schizophrenia, autism disorder, Alzheimer's disease, or brain injury. The vast majority of the studies concentrate on the opposition of literal and figural language in connection to hemispheric specialization [Coulson, Lai, 2016].

The brain regions involved in figurative language processing are thought to handle different aspects of this process. Taking into account the fact that metaphorical language is

intelligible in its literal form, it is necessary to deduce its figurative meaning in order to understand the utterance. It is commonly accepted within the field of metaphor comprehension that the literal meaning needs to be processed and rejected first, so as to give rise to the identification and processing of the figurative meaning. The Parallel Hypothesis, however, states that both the literal and figural meanings are processed simultaneously [Benedek, 2014].

Conventionally, literal and figural language are thought to be processed qualitatively differently, hence the intrinsic difference between literal and figural language. In this context, the exact contribution of the right cerebral hemisphere is paramount. For a long time, it has namely been commonly accepted that the right hemisphere of the brain plays a distinctive, though not exclusive, role in non-literal language comprehension. This led to the emergence of the Right Hemisphere Theory. More and more research on the topic based on neuroimaging has been unable to provide consistent evidence to support this theory. The brain regions, which are activated during figurative speech processing, have principally been identified in the frontal, temporal and parietal lobes of the left cerebral hemisphere through fMRI scanning. To be precise, these are the left inferior frontal gyrus, the left middle and superior temporal gyri, the left inferior parietal cortex, and the parahippocampal gyri.

Some research does show involvement of the right hemisphere during metaphor comprehension. This involvement, however, is generally attributed to “meaning salience”, entailing differentiation in familiarity and difficulty, rather than the figurativeness of metaphorical language. The Coarse Semantic Coding Theory developed by M. Beeman, supposes a difference in the specialization of laterality in connection to semantic processing [Beeman, 1998; Kounios, Beeman, 2014]. The theory puts forward the idea that the left cerebral hemisphere is exclusively responsible for the processing of “fine” or close semantic relationships, whereas the right cerebral hemisphere has no particular specialization and takes on the processing of both “fine” and “coarse” or remote semantic relationships. Consequently, the right hemisphere can be said to be concerned with the processing of metaphors as these usually entail remote semantic relationships. The following example is provided in support of this theory. In the literal sentence “All his money is from the lottery” the words “money” and “lottery” have many semantic attributes in common with each other. The words “respect” and “gem”, on the other hand, in the metaphorical sentence “Respect is a precious gem”, do not possess as many common semantic attributes [Schmidt, Seger, 2009].

Apart from figurativeness, another possible explanation for the involvement of the right hemisphere in metaphor processing according to the Coarse Semantic Coding Theory can be the degree to which one is familiar with a metaphor. It has been proposed familiar metaphors are inclined to show close semantic relationships between its constituent nouns, as opposed to unfamiliar metaphors. The speaker’s experience and frame of reference might account for this observation, for they might have previously formed associations between the two key words in the utterance. It should also be considered, semantically close words are more often put in

relation to one another, establishing familiarity over a course of time. This becomes clear by the comparison of the examples “Babies are angles” and “Dictionaries are microscopes of words”. The former exemplifies a conventional metaphor, in which the key concepts have overlapping semantics and are easily associated with each other, whereas the latter exemplifies a novel metaphor, with key concepts remote from one another and (therefore) containing not as much overlapping semantic relationships.

This assumption about the role of metaphor familiarity stands perfectly in line with most studies, which reflect the tendency for greater brain activity in the left cerebral hemisphere for processing conventional metaphors, whereas the right cerebral hemisphere is more involved in processing novel metaphors. The distinct brain regions responsible are presumably the following: the bilateral inferior frontal and middle frontal gyri and various temporal regions. Researchers M. Faust and Y. N. Kenett claim **the Network Theory** provides an explanation for this notion the following way. The left cerebral hemisphere is said to express “semantic rigidity”, denoting networks of nodes in which every single node connects to another small group of nodes. Conversely, the right cerebral hemisphere is said to express “semantic chaos”, characterized by tightly interrelated networks facilitating quick links between semantically distant concepts to be made. Ultimately, the rigid networks of the left hemisphere enable the meaning of conventional metaphor to be retrieved quickly, and contrarily, the fast networks of the right hemisphere allow for the understanding of novel metaphors. Alternatively, the **Graded Salience Hypothesis** would also account for this particular hemispheric specialization, claiming the right cerebral hemisphere engages in non-salient, i.e., novel metaphor, figurative language processing, whereas the left cerebral hemisphere engages in salient, i.e., conventional metaphor, figurative language processing [Kenett, Faust, 2014; Giora, 1997].

When turning to metaphor production, the difference between conventional metaphors and novel metaphors is also observed. Much like metaphor comprehension, the production of conventional and novel metaphors calls for similar cognitive processes. This way, conventional metaphors require lexical proficiency. At the same time, the making of novel metaphors entails executive functions, such as verbal fluency and fluid intelligence. One of the processes associated with verbal fluency, namely that of semantic cue, is very similar to the attributive category required for metaphor comprehension.

Unfortunately, up to this point, metaphor production, or creative cognition, has not been investigated much and neurological research is therefore still relatively scarce. Nevertheless, several tendencies have been identified. So far, it has been established metaphor production entails multiple brain systems responsible for executive control, semantic integration, and self-generated thought. The brain systems involved in cognitive control and self-generated thought have been named the executive control network and the default network, respectively. Together the networks are thought to give rise to creative idea generation and assessment. The exact interplay between these networks, however, has not been determined yet and is still

under research [Beaty, Silvia, Benedek, 2017]. An fMRI experiment on novel metaphor production carried out by M. Benedek, R. Beaty et al, has shown activation of multiple brain regions, most noteworthy of which is the left angular gyrus. The left angular gyrus has been proven to be involved in a number of semantic processes, metaphor processing among others, and is therefore considered a “supramodal association area”, which “... may extract and relate shared semantic information between remotely associated concepts during metaphor processing” [Beaty, Silvia, Benedek, 2017: 164].

Conclusion. Metaphor theories overviewed above each focus upon a particular aspect of metaphor production and/ or perception, offering an insight into linguistic, philosophical, pragmatic, conceptual nature of this multifaceted phenomenon. Metaphor research, having started with Aristotle’s definition of it as a condensed simile, has proceeded uninterrupted for more than two millennia. Metaphor gained particular attention in XX century when the research focus shifted from linguistic “surface” to its deeper, cognitive, foundations. I.A. Richards was the first to lay the groundworks of modern metaphor analysis with his Interaction Theory of Metaphor, later to be elaborated by M. Black in his Substitution View. Conceptual Metaphor Theory introduced by G. Lakoff and M. Johnson’s 1980 pioneering book “Metaphors We Live By” has so far been the most influential metaphor research framework. It was soon followed by numerous revised and modified versions, all dealing with conceptual system rather than language: the Conceptual Integration Theory (the Blending Theory) by G. Fauconnier and M. Turner, the Primary Metaphor Hypothesis by J. Grady, the Categorization View of the Metaphor presented by S. Glucksberg and B. Keysar, the Career of Metaphor Hypothesis by B.F. Bowdle and D. Gentner, the Deliberate Metaphor Theory Metaphor by G. Steen. Among the latest findings are the Network Theory and its alternative, the Graded Salience Hypothesis, both dealing with neurolinguistic aspects of metaphor. All of the above mentioned theories, while shedding light on metaphor itself, also provide valuable details about changing philosophical, scientific and technological tendencies in the study of language as a means of communication and a mirror of culture.

References

- Aristotle (2007) On rhetoric: a theory of civic discourse. Oxford: Oxford University Press.
- Ashworth, E. (2007) Metaphor and the Logicians from Aristotle to Cajetan. *The Many Roots of Medieval Logic: The Aristotelian and the Non-Aristotelian Traditions*. The Netherlands: Brill, 2007: 181–197.
- Beaty, R. E., Silvia, P. J., Benedek, M. (2017). Brain networks underlying novel metaphor production. *Brain and Cognition*, 111: 163–170.
- Beeman, M. (1998) Coarse semantic coding and discourse comprehension. *Right hemisphere language comprehension: Perspectives from cognitive neuroscience*. New York, Psychology Press: 255–284.
- Benedek, M. (2014). Creating metaphors: The neural basis of figurative language production. *NeuroImage*, 90: 99–106.
- Black, M. (1962) Models and Metaphors: Studies in Language and Philosophy. Ithaca: Cornell University Press.
- Black, M. (1977) More about Metaphor. *Dialectica*, 31 (3/ 4): 431–57.
- Black, M. (1979) How Metaphors Work: A Reply to Donald Davidson. *Critical Inquiry*, 6 (1): 131–143.
- Bowdle, B. F., Gentner, D. (2005). The Career of Metaphor. *Psychological Review*, 112 (1): 193–216.
- Boyd, R. (1998) Metaphor and theory change: What is “metaphor” a metaphor for. *Metaphor and Thought*. Ortony A. (Ed.): 481–532.

- Cornelissen, J. P., Kafouros, M. (2008). The Emergent Organization: Primary and Complex Metaphors in Theorizing about Organizations. *Organization Studies*, 29 (7): 957–978.
- Cornell, W.E. (1991). Knowledge, Representation and Metaphor. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers.
- Costa Lima, P. L. (2006). About Primary Metaphors. *D.E.L.T.A.*, 22: 109–122.
- Coulson, S., Lai, V. T. (2016). Editorial: The Metaphorical Brain. *Frontiers in Human Neuroscience*, 9: 1–3.
- Dong, Y. R. (2004). Don't Keep Them in the Dark! Teaching Metaphors to English Language Learners. *The English Journal*, 93 (4): 29–35.
- Evans, V. (2005) The Meaning of Time: Polysemy, the Lexicon and Conceptual Structure. *Journal of Linguistics*, 41, 1: 33–75.
- Fauconnier, G., Turner, M. (1998). Conceptual Integration Networks. *Cognitive Science*, 22 (2): 133–187.
- Fauconnier, G., Turner, M. (2003). Conceptual Blending, Form and Meaning. *Recherches en Communication, Sémiotique cognitive – Cognitive Semiotics*, 19: 57–86.
- Fogelin, R. J. (2011) Figuratively Speaking. New York: Oxford University Press.
- Gibbs, R. (2006) Metaphor Interpretation as Embodied Simulation. *Mind & Language*, 21: 434–458.
- Gibbs, R. (2011) Advancing the debate on deliberate metaphor. *Metaphor and the Social World*, 1: 67–69.
- Gibbs, R. (2019) Metaphor as Dynamical–Ecological Performance. *Metaphor and Symbol*, 34 (1): 33–44.
- Giora, R. (1997) Understanding figurative and literal language: The graded salience hypothesis. *Cognitive Linguistics*, 8–3: 183–206.
- Glucksberg, S., Keysar, B. (1990). Understanding metaphorical comparisons: Beyond similarity. *Psychological Review*, 97 (1): 3–18.
- Gokcesu, B. S. (2009). Comparison, Categorization, and Metaphor Comprehension. *Proceedings of the Annual Meeting of the Cognitive Science Society*, 31: 567–572.
- Grady, J. (1997). Foundations of meaning: primary metaphors and primary scenes. Berkeley, California: University of California at Berkeley.
- Grady, J. (2005). Primary metaphors as inputs to conceptual integration. *Journal of Pragmatics*, 37: 1595–1614.
- Kenett, Y.N., Faust M. (2014) Rigidity, chaos and integration: hemispheric interaction and individual differences in metaphor comprehension. *Frontiers in Human Neuroscience*, 8. Available at: <https://doi.org/10.3389/fnhum.2014.00511> (date of access: 1.02.2023).
- Kennedy G.A. (2007) Aristotle. On rhetoric: a theory of civic discourse. Translated with introduction, notes, and appendices by George A. Kennedy. New York; Oxford: Oxford University Press, 2007.
- Keysers, C., Gazzola, V. (2014). Hebbian learning and predictive mirror neurons for actions, sensations and emotions. *Philosophical Transactions of the Royal Society*, 369: 1–11.
- Kimmel, M. (2010) Why we mix metaphors (and mix them well): Discourse coherence, conceptual metaphor, and beyond. *Journal of Pragmatics*, 42: 97–115.
- Kirby, J. (1997) Aristotle on Metaphor. *American Journal of Philology*, 4 (118): 517–554.
- Kounios, J., Beeman, M. (2014) The Cognitive Neuroscience of Insight. *Annual Review of Psychology*, 65: 71–93.
- Kövecses, Z. (2008) Conceptual metaphor theory. Some criticisms and alternative proposals. *Annual Review of Cognitive Linguistics*, 6: 168–184.
- Kövecses, Z. (2018). Ten Lectures on Figurative Meaning–Making: The Role of Body and Context. Leiden: Brill.
- Lakoff, G. (1998) The contemporary theory of metaphor. *Metaphor and Thought*. Cambridge University Press: 202–251.
- Lakoff, G. (2008). The neural theory of metaphor. *The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought*. R. Gibbs, Jr. (Ed.). Cambridge, Cambridge University Press: 17–38.
- Lakoff, G., Johnson, M. (2010). *Metaphors We Live By*. Chicago, University of Chicago Press.
- Levin, S. R. (1982) Aristotle's Theory of Metaphor. *Philosophy & Rhetoric*, 15, 1: 24–46.
- Marcos, A. (1997) The tension between Aristotle's theories and uses of metaphor. *Studies in History and Philosophy of Science*, 28, 1: PP. 123–139.
- McGlone, M. (2007). What is the explanatory value of a conceptual metaphor? *Language & Communication*, 27 (2): 109–126.
- Müller, N., Nagels, A., Kauschke, C. (2021). Metaphorical expressions originating from human senses: Psycholinguistic and affective norms for German metaphors for internal state terms (MIST database). *Behavior Research Methods*, 54 (3): 365–377.
- Ortiz, M. J. (2011). Primary metaphors and monomodal visual metaphors. *Journal of Pragmatics*, 43: 1568–1580.
- Richards, I. A. (1936) *The Philosophy of Rhetoric*. London, Oxford University Press.
- Ritchie, L. D. (2004). Lost in “Conceptual Space”: Metaphors of Conceptual Integration. *Metaphor and Symbol*, 19 (1): 31–50.
- Schmidt, G. L., Seger, C. A. (2009). Neural correlates of metaphor processing: The role of figurativeness, familiarity and difficulty. *Brain and Cognition*, 71 (3): 375–386.
- Steen, G. J., Dorst, A. G., Herrmann, J. B., Kaal, A. A., Krennmayr, T. (2010). Metaphor in usage. *Cognitive Linguistics*, 21(4): 765–796.
- Steen, G. (2008). The Paradox of Metaphor: Why We Need a Three–Dimensional Model of Metaphor. *Metaphor and Symbol*, 23 (4): 213–241.
- Steen, G. (2011). The contemporary theory of metaphor – now new and improved! *Review of Cognitive Linguistics*, 9 (1): 26–64.
- Steen, G. (2017) Deliberate Metaphor Theory: Basic assumptions, main tenets, urgent issues. *Intercultural Pragmatics*, 14 (1): 1–24.
- Surovtsev, V. A., Syrov, V. N. (2015). The Cognitive Role of Metaphors in Processes of Cultural Production. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 200: 130–134.
- Trčková, D. (2014) Representation of Natural Catastrophes in Newspaper Discourse. Brno, Masarykova univerzita.
- Turner, M., Fauconnier G. (1995). Conceptual Integration and Formal Expression. *Journal of Metaphor and Symbolic Activity*, 10 (3): 183–203.

Waggoner, J. E. (1990). Interaction Theories of Metaphor: Psychological Perspectives. *Metaphor and Symbolic Activity*, 5 (2): 91–108.

West, D. A. (2007) Richards' Theory of Metaphor: Between Protocognitivism and Poststructuralism. *Stylistics and Social Cognition*. Leiden, The Netherlands: Brill: 1–18.

Youguo, D. (2013). Study on The Essence of Metaphor. *International Academic Workshop on Social Science*: 560–562.

© Коннова М.Н., Вестербейк А.М.Г., 2023

Коннова Мария Николаевна – доктор филологических наук, профессор Высшей школы филологии и кросс-культурной коммуникации Балтийского федерального университета им. И. Канта. Контактные данные: 236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского 14 (Russia, Kaliningrad, Alexandra Nevskogo str. 14). E-mail: mkonnova@kantiana.ru.

Вестербейк Аника Грете Мария – магистрант Балтийского федерального университета им. И. Канта. Контактные данные: 236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского 14 (Russia, Kaliningrad, Alexandra Nevskogo str. 14). E-mail: anikawesterbeek@gmail.com.

Статья поступила в редакцию: 14.06.2023.

Раздел 2. МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 659

Кармалова Елена Юрьевна¹✉, Евсеева Татьяна Михайловна²

¹Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

²Рекламное агентство «Media insight», Санкт-Петербург, Россия

¹elen.ka05@mail.ru, AuthorID: 338652, ORCID: 0000-0001-6868-1605

МЕДИЙНАЯ РЕКЛАМА КАК ВИД КОММУНИКАЦИОННОГО ПРОДВИЖЕНИЯ

Статья посвящена определению границ понятия «медийная реклама», её особенностей, функций и задач. В наше время одним из популярных и эффективных форматов цифровой рекламы является медийная реклама. Это обусловлено визуальными приемами, которые медийная реклама использует для привлечения внимания и повышения узнаваемости бренда через Интернет. Впервые медийная Интернет-реклама в России появилась в 1998 г. на платформе «Яндекс» в формате небольших баннеров. В публикации дана типология Интернет-рекламы, в основе которой разделение на медийную, контекстную, вирусную и таргетированную. В качестве основных особенностей медийной рекламы обозначены большой бюджет, фото-, видео- и аудиоформаты, основной целью является повышение узнаваемости бренда, работа с широкой аудиторией, что может быть нацелено на долгосрочный результат. В статье названы основные тенденции развития рынка современной медийной рекламы в России как с точки зрения бюджетов, так и форматно. Не затрагивая профессиональных технологических подробностей, а с опорой на приведенное для использования сегментирования целевой аудитории исследование дается пример использования медийной рекламы для продвижения компании. В результате аудита бренда «Домовой», а также определения новых сегментов целевой аудитории после его ребрендинга были спланированы и реализованы три тестовые медийные рекламные кампании. Их эффективность оценена по заранее определенным метрикам, таким как Post-click и post-view конверсии, CTR, VTR.

Ключевые слова: Интернет-реклама, медийная реклама, программатик-платформы, рекламная кампания, RTB-аукцион.

Кармалова Е.Ю., Евсеева Т.М. Медийная реклама как вид коммуникационного продвижения // Язык. Коммуникация. Общество: Электронный научный журнал. 2023. № 3 (3). С. 41-50.

Karmalova Elena Yurievna¹✉, Evseeva Tatyana Mikhailovna²

¹ Saint-Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

²Advertising agency «Media insight», St. Petersburg, Russia

¹elen.ka05@mail.ru, AuthorID: 338652, ORCID: 0000-0001-6868-1605

MEDIA ADVERTISING AS A TYPE COMMUNICATION PROMOTION

The article is devoted to defining the boundaries of the concept of "media advertising", its features, functions and tasks. Display advertising is one of the most popular and effective digital advertising formats nowadays. This is due to the visual techniques that display advertising uses to grab attention and increase brand awareness over the Internet. For the first time media Internet advertising in Russia appeared in 1998 on the Yandex

platform in the format of small banners. The publication gives a typology of Internet advertising, which is based on the division into media, contextual, viral and targeted. The main features of media advertising are a large budget, photo, video and audio formats, the main goal is to increase brand awareness, work with a wide audience, can be aimed at long-term results. The article names the main trends in the development of the modern media advertising market in Russia, both in terms of budgets and format. Without touching on professional technological details, but based on the segmentation of the target audience given for use, an example of using display advertising for promotion is given. As a result of the Domovoy brand audit, as well as the identification of new segments of the target audience after its rebranding, 3 test media advertising campaigns were planned and implemented. Their performance is measured by predefined metrics such as post-click and post-view conversions, CTR, VTR.

Keywords: Internet advertising, display advertising, PROGRAMMATIC platforms, advertising campaign, RTB auction.

Karmalova E.Yu., Evseeva T.M. Media advertising as a type of communication promotion. Language. Communication. Society: Digital scientific journal. 2023. №. 3 (3): 41-50.

Постановка проблемы. Медийная реклама стала повсеместным явлением в современном цифровом мире, позволяя компаниям демонстрировать свои товары и услуги широкой онлайн-аудитории. Благодаря визуально привлекательным баннерам, видеороликам и другим рекламным форматам медийная реклама является мощным средством охвата потенциальных клиентов и привлечения внимания к бренду [Годин, 2019]. Актуальность темы данной работы обусловлена необходимостью постоянного изучения новейших способов продвижения брендов в Интернете. Проблемой исследования является недостаточная изученность медийной рекламы как вида коммуникационного продвижения компаний и брендов. Исследования представляют собой небольшие публикации в журналах, сборниках конференций, чаще всего студенческих. Так, в работе Е. С. Вяхирева медийная реклама рассматривается как современный и актуальный инструмент интернет-маркетинга [Вяхирев, 2016], в статье К. С. Зайцевой уделяется внимание сущности и перспективам развития программатик рекламы [Зайцева, 2019]. П. В. Курбатова рассматривает преимущества и недостатки медийной интернет рекламы [Курбатова, 2015]. А. М. А. Саркисян проводит исследование эффективности медийной рекламы в интернете [Саркисян, 2016].

Результаты исследования и обсуждение. Медийная реклама, также называемая дисплейной, – это общий термин, используемый для обозначения визуальной рекламы, показываемой через Интернет. Данный тип рекламы имеет различные форматы, включая баннерную рекламу, видеорекламу и интерактивную рекламу.

Дисплейная реклама часто ориентирована на определенную аудиторию, основанную на демографии, интересах и поведении. Такой таргетинг обычно осуществляется с помощью анализа данных и отслеживания, что позволяет рекламодателям охватить потребителей, которые с наибольшей вероятностью

заинтересуются их товарами или услугами.

Медийная реклама является популярной формой цифровой рекламы, поскольку она позволяет рекламодателям охватить максимально большую аудиторию. Она также предоставляет рекламодателям подробную аналитику и отчетность, которые могут помочь им оценить эффективность своих кампаний и принимать обоснованные решения о будущих местах размещения рекламы.

Задачи, которые стоят перед дисплейной рекламой, перекликаются с задачами, стоящими перед традиционной:

- поддержание имиджа, завоевание лояльности аудитории, повышение узнаваемости;
- привлечение внимания к определенному продукту или услуге;
- реклама конкретного торгового предложения, направленная на стимулирование покупки [Суходолов, 2018].

Стоит отметить, что главной задачей медийной рекламы является формирование благоприятного имиджа, повышение узнаваемости бренда, а затем уже реклама продукта. Это обусловлено форматами медийной рекламы: баннеры, видеоролики направлены на эмоциональное воздействие на аудиторию.

Также к основным возможностям медийной рекламы относят:

- использование разных типов устройств (компьютеры, мобильные, планшеты);
- разные форматы рекламы (видео, баннеры, аудио);
- различные варианты оплаты (СРМ, готовые пакеты, аукцион).

Медийная реклама может быть эффективным способом охвата большой аудитории и продвижения бренда, Перечислим лишь некоторые из основных преимуществ медийной рекламы: точность таргетинга; гибкость и интерактивность; связь с потенциальным клиентом выстраивается на уровне эмоций; возможность значительно увеличить посещаемость ресурса и/или объёмы продаж в кратчайшее время; доступность подробной статистики показов и переходов, позволяющая анализировать и своевременно корректировать стратегию.

Среди основных недостатков выделяют такие:

- высокие затраты на размещение медийной рекламы на популярных площадках;
- часто браузер блокирует показ рекламы;
- «баннерная слепота».

Покупка мест размещения рекламы может быть одним из наиболее сложных аспектов рекламы. С развитием информационных технологий и отслеживания данных рекламодатели все чаще стремятся платить за ощутимые результаты. Однако это не

всегда может быть осуществимо.

Существует два основных варианта приобретения медийной рекламы: фиксированные цены и аукционы. При использовании фиксированных цен рекламодатели обычно выбирают конкретные рекламные платформы и используют специализированные отчеты и программное обеспечение для планирования (например, MediaScore), чтобы помочь им в процессе принятия решений.

Аукционная модель рекламы не предполагает прямого выбора конкретных веб-сайтов для размещения рекламы. Вместо этого он предлагает возможности для таргетированной рекламы и оптимизации затрат с помощью рекламных сетей. Эта модель реализуется с помощью платформ торгов в режиме реального времени (RTB).

RTB-аукцион - это специализированные платформы, которые покупают и размещают рекламу через аукционы. Модель аукциона позволяет приобретать точно таргетированные баннеры через специализированные биржи по относительно низким ценам, в зависимости от уровня интереса рекламодателей, ориентированных на конкретную аудиторию.

Сочетание RTB, поведенческого таргетинга и персонализированного маркетингового профиля становится высокоэффективной системой привлечения трафика.

Медийная реклама чаще всего закупается с помощью programmatic-платформ. Programmatic – это автоматизированный способ закупки рекламы в Интернете в режиме реального времени. В то время как традиционный метод включает запросы предложений, тендеры и переговоры, programmatic закупка использует алгоритмическое программное обеспечение для покупки и продажи мест на онлайн-площадках [Карпиеня, 2018].

Это сложный способ размещения рекламы, который использует данные о трафике и таргетинг для увеличения конверсии, что приводит к повышению рентабельности инвестиций для маркетологов. Данный способ может принести отличные результаты как для малого и среднего бизнеса, так и для глобальных компаний. Стоит отметить, что programmatic осуществляется с помощью специальной платформы, а не напрямую у владельца сайта. Целью данного способа является автоматизация рекламного процесса, направленная на оптимизацию управления рекламой в Интернете.

Programmatic произвел революцию в индустрии цифровой рекламы, сделав покупку рекламы более эффективной и таргетированной. Это дает рекламодателям возможность оптимизировать кампании в режиме реального времени, охватывать нужную аудиторию и достигать поставленных целей.

Мир медийной рекламы предлагает широкий спектр форматов и инструментов для привлечения аудитории в цифровом пространстве. У специалистов есть множество возможностей для создания визуально привлекательных и результативных кампаний.

Понимая особенности, преимущества и лучшие практики каждого формата и используя корректные инструменты, рекламодатели могут эффективно донести свои сообщения, привлечь внимание пользователей и стимулировать желаемые действия.

Приведем некоторые статистические данные, связанные с современным состоянием медийной рекламы в России:

- 1) расходы на рекламу на рынке цифровой рекламы, по прогнозам, достигнут 5,2 млрд долларов в 2023 году;
- 2) крупнейшим сегментом рынка является поисковая реклама с объемом рынка в 2,6 млрд долларов в 2023 году;
- 3) на рынке цифровой рекламы в 2027 году 45,9% от общего объема расходов на рекламу будет приходиться на мобильные устройства;
- 4) на рынке цифровой рекламы в 2027 году 82,7% доходов от цифровой рекламы будет приходиться на programmatic-рекламу;
- 5) наиболее распространенные размеры объявлений для медийной рекламы в России – 240x400, 240x320 и 728x90 [Digital advertising].

«Домовой» – это сеть супермаркетов, специализирующаяся на товарах для обустройства интерьера, ведения домашнего хозяйства и мелкого ремонта. Сеть «Домовой» принадлежит АО «УК» «СТАРТ», который управляет двумя брендами: сеть «Домовой» - магазины товаров для дома, сеть магазинов «СТАРТ» - строительные магазины.

Модель ценообразования у сети «Домовой» определяется как high-low price. High-low price – это ценовая стратегия, при которой фирма полагается на рекламные акции для стимулирования покупок потребителей. Другими словами, это ценовая стратегия, при которой фирма изначально назначает высокую цену за продукт, а затем впоследствии снижает ее с помощью рекламных акций, уценок или распродаж без оформления. При использовании этой стратегии цена продукта колеблется между «высокой» и «низкой» в течение определенного периода времени.

В 2022 году началась глобальная перестройка логистики сети. Руководством было решено сократить товары высокого и среднего+ сегментов и соответственно расширить ассортимент среднего– и низкого сегментов. Изменения связаны с уходом европейских производителей с рынка, а также экономическим кризисом. Тем не менее, это дало прирост по следующим категориям: товары для сада и дачи (+23%), текстиль (+33%), посуда (+37%), зоотовары (+39%). Это объясняется тенденцией к импортозамещению в России – всё больше покупателей выбирают отечественных производителей, а также пришедших на российский рынок производителей из СНГ, КНР и Турции, на данный момент это является наиболее выгодной и доступной опцией на рынке [DIY & Household: ситуация на рынке в мае 2022 года].

Так как компания ориентирована на массового потребителя, мы определили

несколько базовых сегментов ее целевой аудитории, которые различаются демографическими, социальными и психографическими признаками.

1. Молодые люди (18-25 лет), которые входят в самостоятельную жизнь. В основном данная целевая группа переезжает в квартиру или общежитие и нуждается в обустройстве нового жилища. Молодые люди склонны к импульсивным покупкам, но при этом обращают большое внимание на дизайн, тренды, скидки и различные акции. Доход у данной группы низкий или средний. Образование, работа не имеют значения. Эта группа ведет активный образ жизни, думает о комфорте и уровне жизни, интересуются кулинарией и обустройством жилища.

2. «Миллениалы» (25-35 лет). Данная группа представляет собой мужчин и женщин, устроившихся в жизни, имеющих стабильный заработок и постоянное место жительства. Доход у такого пласта обычно средний. Описать паттерн поведения миллениалов можно следующим образом: частые покупки онлайн, а также покупки в проверенных магазинах недалеко от дома/работы. В основном это люди с высшим образованием, думающие о семье и детях, интересующиеся туризмом, кулинарией и обустройством жилища.

3. Семейные покупатели (35-55+ лет). В данной группе преобладают женщины (более 60%) с детьми. Люди, относящиеся к семейной группе, проводят много времени с семьей дома или на даче. Доход обычно средний или выше среднего. Входящие в группу мужчины интересуются ремонтом, недвижимостью, туризмом, обустройством квартиры или частного дома. Женщины интересуются кулинарией, интерьером, садоводством, красотой и здоровьем. Также в данную группу могут входить владельцы питомцев.

Следующим этапом является приведение целевой аудитории клиента к формату баинговой (закупочной). Это необходимо для того, чтобы в личном кабинете programmatic-платформы можно было вбить аудиторию наиболее подходящую и приближенную к реальной аудитории бренда «Домовой». Имеющуюся целевую аудиторию мы предоставляем поставщику для выгрузки аудиторных сегментов согласно площадке размещения, для согласования с клиентом.

Для определения баинговой целевой аудитории были использованы:

а) сегменты из стандартной таксономии. Это уже готовые аудиторные сегменты – программа подбирает подходящие под рекламную кампанию группы аудиторий: строительные гипермаркеты (покупатели и интересующиеся покупкой товаров для дома, сада и огорода), строительство и ремонт (пользователи, которые интересуются строительными работами, отделочными материалами, инструментами), обустройство дома и ремонт (пользователи, посещающие ресурсы, посвященные обустройству дома, квартиры, ремонтным работам), товары для дома и сада (пользователи, интересующиеся товарами для дома и сада), дизайн интерьера

(пользователи, посещающие ресурсы, посвященные дизайну интерьера) и т.д.

б) кастомные сегменты. Это аудитория, которая была подобрана конкретно под задачи рекламной кампании. Кастомные сегменты формируются путем сбора данных у различных платформ управления данными, банков, мобильных операторов и т. д. Это является одним из наиболее точных способов определения целевой аудитории, так как выделяются конкретные пользователи с интересами, наиболее точно совпадающими под запросы рекламной кампании.

В данном случае это следующие сегменты:

– ремонтируют частный дом. Сегмент, включивший в себя пользователей, обладающих поведенческими маркерами людей, заинтересованных или занимающихся ремонтом частных домов. Поведенческие маркеры: за неделю посещают не менее 5 страниц любой из тематик (дизайн интерьера, дизайн участка, пристройка, ремонт фасада, ремонт крыши);

– выбирают строительные материалы. Сегмент, включивший в себя пользователей, обладающих поведенческими маркерами людей, которые интересуются подбором строительных материалов. Поведенческие маркеры: за неделю посещают не менее 5 страниц любой из тематик (строительные материалы, отзывы, форумы о стройке и ремонте);

– конкуренты. Пользователи, которые за неделю не менее трех раз интересуются конкурентами: Leroy Merlin, ОБИ, Аксон и др.;

– электроинструмент. В сегмент попадают пользователи, которые за неделю посещают не менее 5 разных страниц, посвященных различным электроинструментам (дрель, шуруповерт, перфоратор сварочный аппарат, болгарка, шлифмашина, лобзик, реноватор);

в) Hybrid Places и Supergeo на посетителей строительных магазинов (в том числе конкурентов, таких как: Leroy Merlin, ОБИ, Аксон, Hoff, Максидом и др.), рынков. Гиперлокальный таргетинг – это таргетинг, позволяющий определить пользователей, находящихся на определенной заданной локации, которым будет направлено рекламное сообщение.

г) ретаргетинг + LAL (lookalike). Ретаргетинг – это метод онлайн-рекламы, позволяющий привлечь внимание предыдущих посетителей веб-сайта или приложения, часто путем показа рекламы или отправки электронных писем. Ретаргетинг дает возможность вернуть потенциальных клиентов, если они покинули ваш сайт без достижения маркетинговой цели. LAL (lookalike) — это та аудитория, которая имеет сходные характеристики с первоначальной целевой аудиторией. Характеристики LAL группы различаются в зависимости от параметров первоначальной аудитории. При правильном подходе таргетинг на схожую аудиторию обеспечивает высокие результаты рекламной кампании: клики, конверсии и другие ключевые показатели эффективности,

установленные в рамках рекламной кампании.

Анализ целевой аудитории показал, что в связи с рестайлингом и постановкой новых целей бренду необходимо сделать упор на молодую аудиторию и направить рекламную деятельность на молодежь (18-25) и миллениалов (25-35).

Ранее основными каналами распространения рекламы для компании являлись реклама на ТВ, интернет-реклама (контекстная и таргетированная), наружная реклама, реклама на радио и indoor-реклама.

В 2020 году в связи со сменой главы АО «УК» «СТАРТ», компании, которой принадлежит бренд «Домовой», сеть провела рестайлинг и поставила перед собой цель привлечь новую группу целевых аудитории – молодых людей [Брендбук компании «Домовой»].

Фирменными цветами бренда стали красный (#e40e2c Hex) и зеленый (#afd1b8 Hex). Компания также сменила фирменные графические элементы, фирменные паттерны, входную группу, фирменного персонажа, пакеты, карты лояльности, форму персонала и т. д. То есть компания провела полный рестайлинг, изменивший практически всё кроме логотипа. Новая визуальная идентификация компании более современная (необычное сочетание цветов) и минималистичная (плоские элементы, геометрия).

Основной целью рестайлинга является привлечение молодой аудитории. На данный момент ядро целевой аудитории – мужчины и женщины 35-55+ лет. Для привлечения молодой аудитории бренд перераспределил бюджет и выделил деньги на Интернет-рекламу, так как из всех каналов продвижения именно Интернет является наиболее релевантным для данной целевой аудитории. Стоит отметить, что медийная реклама в первую очередь направлена на повышение узнаваемости бренда, что является важной функцией для привлечения новой аудитории.

Бренд уже запускает таргетированную и контекстную рекламу, поэтому выбрал медийную рекламу как новый потенциальный вид продвижения.

Одной из причин использования медийной рекламы является также и невыполнение плана продаж в январе и марте 2023 года. Для закрытия стимулирования продаж бренд решил запустить рекламу на максимальном количестве каналов.

Третьей причиной использования нового вида продвижения является поиск замены СМС-рассылок – бренд хочет отойти от рассылок, так как этот способ можно считать устаревшим и потерявшим эффективность.

Результаты исследования. Таким образом, мы определили причину обращения бренда к новому, ранее не использованному виду продвижения. По результатам проведенных рекламных кампаний мы провели оценку эффективности посткампейн.

Портрет аудитории, переходившей на сайт бренда «Домовой»:

Пол – 37,9% мужской и 62,1% женский.

Возраст – 55 лет и старше 28,6%, 25-34 года 23,8%, 35-44 года 22,8%, 45-54 года 12,6% и др.

Можно заметить, что группа 35-55+ больше не составляет 60% от всей аудитории бренда, что является положительным результатом, т. к. основной целью компании «Домовой» на данный момент является привлечение молодой аудитории, а процент аудитории, на которую были нацелены рекламные кампании, составил 52,4%, что является большей частью пользователей, увидевших рекламу.

Мы можем сделать вывод, что медийные рекламные кампании, спланированные и реализованные нами, были эффективны и побудили клиента (сеть «Домовой») начать использовать данный вид продвижения и привлечь больше молодой аудитории. Обращение к такому виду цифровой рекламы, как медийная, для бренда было тестовым, и выводы будут сделаны по результатам проведенных кампаний.

Список источников

Вяхирев Е. С. Медийная реклама как современный и актуальный инструмент интернет-маркетинга // Интернет-маркетинг. 2016. № 5. С. 310–320.

Годин В. В., Терехова А. Е. Цифровая реклама как инструмент продвижения товара или услуги. Опыт реализации проектов // E-Management. 2019. № 3. С. 13–21.

Зайцева К. С. Программатик реклама: сущность и перспективы ее развития // Проблемы экономики и информационных технологий: сборник тезисов докладов 55-й юбилейной научной конференции аспирантов, магистрантов и студентов, Минск, 22 – 26 апреля 2019 г. / Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники. Минск, 2019. С. 67–68.

Карпиеня М. В. Анализ, преимущества, проблемы RTB. Тенденции в programmatic buying // Веб-программирование и интернет-технологии: тезисы докладов 4-й Международной научно-практической конференции. Минск, 2018. 138 с.

Курбатова П. В. Преимущества и недостатки медийной интернет рекламы // Образование и наука без

границ: социально-гуманитарные науки. 2015. № 2. С. 119–121.

Саркисян А. М. А. Исследование эффективности медийной рекламы в интернете // Реклама: теория и практика. 2016. № 1. С. 2–29.

Суходолов А. П., Тимофеев С. В. СМИ и виртуальная реальность: новые возможности и перспективы // Вопросы теории и практики журналистики. 2018. № 4. С. 567–580.

Брендбук компании «Домовой» // Behance.net: сайт. – URL: www.behance.net/gallery/139346965/Domovoy-rebranding-project (дата обращения: 11.06.2023).

Digital advertising – Russia // Statista.com: сайт. URL: <https://www.statista.com/outlook/dmo/digital-advertising/russia> (дата публикации: 24.11.2022).

DIY & Household: ситуация на рынке в мае 2022 года // Retail.ru: сайт. URL: <https://www.retail.ru/articles/diy-household-situatsiya-na-rynke-v-mae-2022-goda/> (дата публикации: 02.06.2022).

References

Brendbuk kompanii «Domovoy». Behance.net. URL: <https://www.behance.net/gallery/139346965/Domovoy-rebranding-project> (date of access: 11. 06. 2023) (In Russ.)

Digital advertising – Russia. Statista.com. URL: <https://www.statista.com/outlook/dmo/digital-advertising/russia> (date of access: 11. 06. 2023) (In Russ.)

DIY & Household: situatsiy na rynke v mae 2022 goda [DIY & Household: market situation in May 2022. Retail.ru. URL: <https://www.retail.ru/articles/diy-household-situatsiya-na-rynke-v-mae-2022-goda> (date of access: 11. 06. 2023) (In Russ.)

Godin, V. V. (2019) Tcifrovaya reklama kak instrument prodvigeniya tovara ili uslugi. Opyt realizacii proectov [Digital advertising as a tool for promoting a product or service. Experience in project implementation] E-

Management, 3: 13–21. (In Russ.)

Карпиеня, М. В. (2018) Analiz, preimusghestva, problemy RTB. Tendencii v programmatic buying [Analysis, advantages, problems of RTB. Trends in programmatic buying]. Veb-programmirovaniye I internet-tehnologii [Web programming and Internet technologies]. Minsk: 138. (In Russ.)

Kurbatova, P. V. (2015) Preimuschestva I nedostatki medijnoj internet reklamy [Advantages and disadvantages of media online advertising]. Obrazovaniye I nauka bez granic sotcialno-gumanitarnyey naiki [Education and Science without borders: Social and Humanitarian sciences], 2: 119–121. (In Russ.)

Sarkisyan A. M. A. (2016) Issledovaniye effektivnosti medijnioj reklamy v internete [Study of the effectiveness of

media advertising on the Internet]. *Reklama teoriya I praktika* [Advertising: theory and practice], 1: 2–29. (In Russ.)

Suhodolov A. P. (2018) SMI i virtualnaya realnost: novyey vos mognosti I perspektivy [Media and virtual reality: new opportunities and perspectives]. *Voprosy teorii I praktiki zhurnalistiki* [Questions of theory and practice of journalism], 4: 567–580. (In Russ.)

Vyzhirev E. S. (2016) Medijnaya reklama kak sovremennyj I aktualnyj instrument internet-marketinga [Media Advertising as a modern and actually tool of Internet

marketing]. *Internet-marketing*, 5: 310-320. (In Russ.)

Zaytseva K. S. (2019) Programmatik reklama: suschnost I perspektivy yeyo razvitiya [Programmatic advertising: the essence and prospects of its development]. *Problemy ekonomiki i informacionnyh tehnologij / Belorusskij gosudarstvennyj universitet informatiki I radioelektroniki* [Problems of economics and information technology]. Minsk: 67–68. (In Russ.)

© Кармалова Е.Ю., Евсеева Т.М., 2023

Кармалова Елена Юрьевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры коммуникационных технологий и связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 191023, Россия, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 30-32 (Russia, St. Petersburg, nab. Griboyedov Canal, 30-32). E-mail: elen-ka05@mail.ru.

Евсеева Татьяна Михайловна – стажер рекламного агентства «Медиа инсайт» (MEDIA INSIGHT), Санкт-Петербург.

Статья поступила в редакцию: 20.06.2023.

УДК 3.771 + 659.3

Киуру Константин ВалерьевичЧелябинский государственный университет, Челябинск, Россия
kkiuru@mail.ru, AuthorID: 216416, ORCID: 0000-0002-0786-9281

ДИДАКТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ВЫПУСКНОЙ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ РАБОТЫ ПО НАПРАВЛЕНИЮ «МЕДИАКОММУНИКАЦИИ»

Автор обращается к дидактическим аспектам выстраивания логики написания выпускной квалификационной работы по направлению «Медиакоммуникации». Проблема заключается в том, что выпускная квалификационная работа должна демонстрировать сформированность всех компетенций бакалавра, а это возможно только в том случае, если в качестве ВКР выступает медиакоммуникационный продукт: компьютерная игра, художественный или документальный фильм, анимационный фильм, мобильное приложение, клип, шоу на YouTube и т.д. Основными методами исследования стали сравнительный и описательный. Материалом анализа стали выпускные квалификационные работы студентов направления «Медиакоммуникации» факультета журналистики Челябинского государственного университета, защищенные в 2023 году. В статье в качестве дидактической модели представлена структура выпускной квалификационной работы, проиллюстрированная выдержками из текста защищенной ВКР.

Ключевые слова: медиакоммуникации, дидактика, выпускная квалификационная работа, дидактическая модель.

Материал подготовлен в рамках выполнения гранта Фонда перспективных научных исследований Челябинского государственного университета.

Киуру К.В. Дидактическая модель выпускной квалификационной работы по направлению «Медиакоммуникации» // Язык. Коммуникация. Общество: Электронный научный журнал. 2023. № 3 (3). С. 51-59.

Kiuru Konstantin ValerievichChelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia
kkiuru@mail.ru, AuthorID: 216416, ORCID: 0000-0002-0786-9281

DIDACTIC MODEL OF THE FINAL QUALIFYING WORK IN THE DIRECTION OF «MEDIA COMMUNICATION»

The author addresses the didactic aspects of building the logic of writing a final qualifying work in the direction of "Media communication". The problem is that the final qualifying work should demonstrate the formation of all bachelor's competencies, and this is possible only if the final qualifying work is a media communication product: a computer game, a feature or documentary film, an animated film, a mobile application, a clip, a show on YouTube, etc. The main research methods were comparative and descriptive. The material of the analysis was the final qualifying works of students of the direction "Media Communications" of the Faculty of Journalism of Chelyabinsk State University, defended in 2023. The article presents the structure of the final qualifying work as a didactic model, illustrated by excerpts from the text of the protected final qualifying work.

Keywords: media communications, didactics, final qualification work, didactic model.

The material was prepared as part of a grant from the Foundation for Advanced Scientific Research of Chelyabinsk State University.

Kiuru K.V. Didactic model of the final qualifying work in the direction of «Media communication». Language. Communication. Society: Digital scientific journal. 2023. 3 (3): 51-59.

Постановка проблемы. Вызовы современного информационного общества привели к трансформации сферы медиа. Наряду с устоявшимися сферами коммуникационной деятельности активно развивается новая – сфера медиакommunikаций.

Ранее мы уже писали о том, что эти коммуникационные сферы имеют разные цели и структурно диверсифицированы [Киуру, Кривоносов, 2022]. Журналистика существует, чтобы информировать аудиторию о каких-либо событиях, явлениях, фактах, персонах. Результатом становится сложившееся общественное мнение.

Реклама информирует потенциального потребителя о товаре или услуге. Результат – мотивация к покупке. В случае с PR-деятельностью мы говорим об информировании целевых групп общественности о деятельности базисного субъекта PR, результатом чего становится имидж и репутация.

Медиакommunikации информирует аудиторию через создание и распространение развлекательного, обучающего, игрового, художественного и другого контента.

В одной из наших работ мы предложили под медиакommunikациями понимать «процесс создания, обработки и трансляции, а также обмена информацией в индивидуальном, групповом, массовом формате по различным каналам массовых коммуникаций (преимущественно онлайн) с помощью различных коммуникативных средств – вербальных / невербальных, аудиальных, аудиовизуальных, визуальных» [Киуру, Кривоносов, 2018: 721].

Сфера медиакommunikаций является новой отраслью, объединяющей множество креативных индустрий: кинематограф, сериальное производство, видеопроизводство, телевидение и радиовещание, анимацию, рекламу и маркетинг, дизайн, графический дизайн, моду, архитектуру, ремесла, фотографию, программное обеспечение и компьютерные услуги, музыку, исполнительские и визуальные искусства, компьютерные игры, музеи, галереи, издательскую деятельность, сохранение культурного наследия.

Трансформационные процессы сферы медиа не могли не коснуться и сферы высшего образования. Во многих вузах появилось направление 42.03.05 «Медиакommunikации», следовательно, возник вопрос о том, как и чему учить будущих специалистов, способных производить медиакommunikационные продукты. А самый главный вопрос: что должно быть представлено в выпускной квалификационной работе?

Во время научных дискуссий с коллегами из разных университетов нам часто доводилось сталкиваться с разным пониманием медиакommunikаций. Для кого-то это

журналистика, для кого-то – реклама и PR. Под новым названием скрываются годами не менявшиеся представления о сфере медиа.

На факультете журналистики Челябинского государственного университета мы разработали новую образовательную модель подготовки выпускника по направлению 42.03.05 «Медиакоммуникации». Одной из особенностей этой модели является система проектных семинаров, на которых студенты индивидуально или в рабочей группе должны создать и презентовать аудиовизуальный медиакоммуникационный продукт, медийный теймент-продукт или просьюмерский продукт: сценарий короткометражного фильма, сериал, рекламный ролик, шоу на YouTube, Telegram-канал, художественный фильм. Такая модель позволяет сформировать у выпускников все профессиональные компетенции. Сформированность компетенций показывает выпускная квалификационная работа, представляющая собой проект по созданию медиакоммуникационного продукта: художественного фильма, компьютерной игры, виртуальной фотовыставки, прототипа мобильного приложения и т.д.

История вопроса. Проблема качества подготовки выпускной квалификационной работы давно находится в центре внимания преподавателей высшей школы. Как показывает анализ научной литературы по этой проблеме за последние пять лет, интерес ученых вызывали вопросы качества ВКР [Артемьева, Радионова, 2021], самостоятельной работы при подготовке выпускной квалификационной работы [Аюпова, 2022], создания серии художественных произведений при работе над выпускной квалификационной работой [Горин, 2019], методики работы военно-научных секций кафедр по формированию у курсантов профессиональных компетенций [Данилин, Кулюпин, Пашура, 2022], процедуры защиты выпускной квалификационной работы в лингвистическом вузе [Кабанова, Лисенкова, 2022], опытно-практический/экспериментальный раздел выпускной квалификационной работы музыканта-педагога [Мариупольская, 2020], совершенствование методики работы руководителя выпускной квалификационной работы курсанта [Ольховский, Лоскутов, 2020]. Как видим, вопросы дидактики ВКР по направлению 42.03.05 «Медиакоммуникации», равно как и по другим направлениям этой группы направлений подготовки, не поднимались. Этим обусловлена актуальность, теоретическая и практическая значимость нашего исследования.

Цель нашей статьи – разработать дидактическую модель выпускной квалификационной работы бакалавра по направлению 42.03.05 «Медиакоммуникации».

Материал и методика исследования. На примере выпускной квалификационной работы студента факультета журналистики ЧелГУ С. В. Линькова «Короткометражный фильм, снятый по оригинальному сценарию, как медиапродукт: производство и продвижение» [Линьков, 2023] рассмотрим дидактическую модель ВКР, иллюстрируя ее выдержками из анализируемой работы.

Результаты и обсуждение. Анализируемая работа состоит из двух разделов

«Введение» и «Заключение», двух глав, списка литературы и приложений.

Во «Введении» обоснована актуальность ВКР: «необходимость систематизации трендов современного кинопроизводства на всех этапах полного цикла: создания литературного сценария, съёмок и монтажа, а также продвижения фильма» [Линьков, 2023: 4]. Далее сформулирован объект исследования: «медиапроизводство в сфере кинематографа» [Линьков, 2023: 4] и предмет: «полный цикл создания медиапродукта (кинофильма): от идеи до продвижения» [Линьков, 2023: 4].

Далее указаны материалы исследования: «1 – оригинальные сценарии, фильмы на основе оригинальных сценариев, коммуникационные кампании по продвижению фильмов; 2 – оригинальный литературный сценарий и фильм, снятый на основе оригинального сценария, организованная коммуникационная кампания» [Линьков, 2023: 4].

Цель ВКР сформулирована следующим образом: «создание медиапродукта (короткометражного кинофильма), снятого на основе оригинального сценария, и организация его продвижения» [Линьков, 2023: 4].

В соответствии с целью автор ВКР формулирует задачи: «1) рассмотреть принципы драматургии, на основе которых разработать авторский алгоритм для написания литературного сценария для кинофильма; 2) систематизировать принципы визуализации для создания режиссёрского сценария; 3) систематизировать принципы кинопроизводства для этапа продакшна; 4) систематизировать принципы монтажа для этапа пост-продакшна; 5) выявить особенности продвижения кинофильма и организовать коммуникационную кампанию» [Линьков, 2023: 5].

Далее приводятся гипотеза, методы исследования, степень научной разработанности темы. Научная новизна работы сформулирована следующим образом: «введение в научный оборот и обоснование терминов «драматургический дизайн», «нарративный дизайн», а также уточнение понятий «кинодискурс» и «сторителлинг» в кинопроизводстве» [Линьков, 2023: 6].

Теоретическую значимость работы автор формулирует так: «создание теоретической основы для алгоритмизации процесса кинопроизводства» [Линьков, 2023: 6], практическую значимость – «технологизация творческого процесса создания медиапродукта» [Линьков, 2023: 6].

Далее приводятся данные об апробации работы. Согласно положению о ВКР на факультете журналистики ЧелГУ, выпускник может претендовать на оценку «отлично» на защите ВКР при наличии научных публикаций в объеме не менее 15000 знаков без пробелов.

В первой главе «Теоретические основы создания кинофильма как медиапродукта» рассмотрены основные категории киносемиотики и кинодискурса, основные категории драматургии литературных произведений и кино, процесс создания фильма, организация коммуникационной кампании по продвижению фильма. Таким образом, в

главе представлен теоретический базис, необходимый для понимания специфики драматургии кино, организации съемочного процесса и продвижения готового фильма.

Вторая глава содержит в себе описание проекта «Эмпатия – магия внутри»: производство и продвижение короткометражного художественного фильма». В первом параграфе представлены основные сведения о проекте.

Целью проекта является «съёмка фильма и организация коммуникационной кампании по его продвижению» [Линьков, 2023: 30]. Целевой аудиторией проекта являются «мужчины и женщины в возрасте от 17 до 40 лет, получающие или уже имеющие средне-специальное или высшее образование, имеющие интерес к жанровому кинематографу (драма, фантастика, психологическая драма), интересующиеся темой психологии» [Линьков, 2023: 30].

Задачи проекта:

- «1. Создание календарного плана реализации проекта;
2. Определение состава команды проекта;
3. Определение и поиск ресурсов для реализации проекта;
4. Определение бюджета проекта;
5. Поиск идеи для фильма;
6. Формулирование месседжа, замысла фильма определение его центрального конфликта, создание и проработка персонажей, определение общей канвы сюжета;
7. Написание логлайна, синопсиса и тритмента;
8. Написание сценария с репликами героев и описанием сцен;
9. Оформление сценария в американской сценарной записи с помощью программы «КИТ Сценарист»;
10. Подготовка экспликации характеров героев;
11. Локейшн-скаутинг;
12. Подготовка режиссёрской экспликации и режиссёрского сценария;
13. Проведение блокировки сцен, составление календарно-постановочного плана;
14. Подбор актёров;
15. Формирование съёмочной группы и подбор техники;
16. Организация съёмочного процесса и подготовка вызывных листов;
17. Монтаж снятого материала, создание чернового варианта фильма;
18. Обсуждение чернового варианта с участниками съёмок и внесение правок в монтаж;
19. Подготовка финального варианта фильма;
20. Организация закрытого показа и обсуждение фильма со зрителями;
21. Организация коммуникационной кампании» [Линьков, 2023: 30-31].

Далее в таблицах представлены календарный план реализации проекта, сведения о команде проекта, необходимых ресурсах (оборудование, электричество, связь,

транспорт) и бюджете проекта.

Во втором параграфе «Препродакшн фильма «Эмпатия – магия внутри» описан процесс поиска идеи и темы будущего фильма, авторский замысел, разработаны герой и конфликт. На основании этого сформулирован логлайн: «Это история о Саше, который не принимает свои способности испытывать эмпатию и пытается отрицать своё призвание – помогать людям, но происходящие события заставляют поверить в свой дар» [Линьков, 2023: 36], определен жанр – «психологическая драма и фантастика» [Линьков, 2023: 36].

Далее описывается конструкция сценария, построенная по трехактной структуре и имеющая поворотные точки [40].

Следующий этап работы над сценарием после этапа проработки героя и сюжета – написание синопсиса, т.е. краткое изложение истории. После синопсиса написан тритмент, или поэпизодный план (помещены в приложения).

Далее на этапе препродакшна был написан сценарий в американской сценарной записи с помощью программы «КИТ Сценарист» (помещен в приложения), разработана экспликация характера героя. Она служит объяснением для актёра образа того героя, которого предстоит ему играть. В ней отражены психологические особенности героя: его манера речи, особенности поведения, стиль одежды, взаимодействие с другими персонажами, образ жизни, мировоззрение и другие характеристики (помещена в приложения).

Следующим этапом работы было создание режиссёром единого художественного образа картины. С этой целью создается режиссёрская экспликация, она служит основой для технических заданий членам съёмочной группы: оператору, гаферу, композитору, актёрам, гримерам, костюмерам, декораторам, реквизиторами. Она включает в себя проработку художественного образа локаций, мизансцен, грима, костюмов, музыки и актёрской игры. Для поиска верного образа должны быть использованы референсы – другие короткометражные и полнометражные фильмы, сериалы, являющиеся обладателями премий кинофестивалей. Результатом работы над экспликацией является создание художественного образа фильма, необходимого для работы над раскадровкой.

На основании режиссёрской экспликации был написан режиссёрский сценарий, который включает в себя такие пункты как: номер сцены и кадра, хронометраж кадра, раскадровка, объект съёмки (НАТ. или ИНТ.), описание действия, диалог и звуки, информация по гриму, реквизиту и костюмам (помещен в приложения).

Для организации и оптимизации съёмочного процесса была проведена блокировка сцен: она необходима для группировки сцен по локации на одну или несколько съёмочных смен (помещена в приложения). На основе блокировки сцен составлен календарно-постановочный план, необходимый для организации и контроля съёмочного

процесса (помещен в приложения), сформированы вызывные листы для всех участников съемочного процесса (помещены в приложения).

Завершающий этап препродакшна – кастинг актеров на роли. В данном проекте кастинг проводился среди студентов Южно-Уральского государственного института искусств.

Третий параграф «Продакшн фильма «Эмпатия – магия внутри»» представляет собой описание съемочного процесса, разбитого на смены. В описании каждой смены указаны локация, актеры, занятые в снимаемых сценах, их актерские задачи.

Четвертый параграф «Постпродакшн фильма «Эмпатия – магия внутри»» содержит описание процесса монтажа фильма. Сначала формируется первоначальный монтажный ряд, в котором осуществляется сырой монтаж: обрезаются технические фрагменты, сводится звук с разных источников (накамерный микрофон, радиопетлички, микрофон-пушка). После указанных действий, если это необходимо, ставятся переходы между кадрами, для чего используются монтажные склейки и переходы.

После создания монтажного ряда начинается обработка кадров по цвету, свету и звуковое оформление (саундтреки подбирались со стоковых сайтов с целью недопущения нарушения авторских прав).

Пятый параграф «Продвижение фильма «Эмпатия – магия внутри»» содержит описание планирования и реализации коммуникационной кампании для продвижения готового медиакоммуникационного продукта.

Для формулировки проблемы, которую решает коммуникационная кампания, должны быть использованы социологические количественные и качественные методы исследования. В анализируемой ВКР были использованы методы опроса и фокус-группы, чтобы выявить интерес целевой аудитории фильма к теме психологии и ее отражению в кино.

Далее была определена идея проекта по продвижению фильма: «разработать коммуникационную кампанию и коммуникационные продукты, построенные на идее проявления эмпатии и чувств» [Линьков, 2023: 54]. Затем была сформулирована цель коммуникационной кампании: «сформировать интерес аудитории к фильму» [Линьков, 2023: 54], определены задачи кампании: «1) создать площадку для продвижения через социальную сеть ВКонтакте; 2) создать афишу/постер; 3) создать тизер и трейлер; 4) выпустить бэкстейджи; 5) провести опрос зрителей для оценки эффективности».

Далее в соответствии с задачами коммуникационной кампании были разработаны технологии реализации кампании, собрана команда реализации, составлен календарный план реализации кампании, рассчитан бюджет, составлен контент-план, определены планируемые показатели эффективности реализации коммуникационной кампании.

После реализации всех технологий была произведена оценка эффективности путем сопоставления запланированных показателей с полученными. Также был рассчитан

коэффициент вовлеченности по формуле $ER = (\text{среднее число реакций на пост} / \text{число подписчиков}) \times 100 \%$.

Еще одним критерием оценки эффективности послужили отзывы зрителей, полученные после закрытого показа фильма.

В разделе «Заключение» обобщены все положения, рассмотренные в ВКР, сделан вывод о достижении поставленных целей и задач.

В разделе «Библиографический список» приведены библиографические описания использованных для написания ВКР источников и референсов в количестве 51 единицы.

В разделе «Приложения» представлены рабочие документы, созданные на этапе препродакшна и продакшна, а также коммуникационные продукты, созданные в ходе реализации коммуникационной кампании по продвижению фильма.

Заключение. Таким образом, выпускная квалификационная работа по направлению 42.03.05 «Медиакоммуникации» должна демонстрировать сформированность всех видов компетенций бакалавра по данному направлению подготовки. Описанная в статье дидактическая модель ВКР может быть использована как методический материал для научных руководителей выпускных квалификационных работ.

Список источников

Артемяева Л. Ф., Радионова Н. А. Слагаемые качества выпускных квалификационных работ студентов направления подготовки (из опыта работы кафедры туризма и сервиса) // Оптимизация учебно-воспитательного процесса в образовательных организациях физической культуры. 2021. С. 91-93.

Аюпова Г. Ш. О положительном опыте моделирования информационно-обучающего пространства, актуализирующего самостоятельную работу слушателя при подготовке выпускной квалификационной работы // Полицейская деятельность. 2022. № 6. С. 41-48.

Горин В. В. К проблеме создания серии художественных произведений при работе над выпускной квалификационной работой студентов-дизайнеров // Аксиологические проблемы педагогики. 2019. № 10. С. 57-63.

Данилин Д. В., Кулюпин Е. Н., Папура Г. П. Выпускная квалификационная работа методики работы военно-научных секций кафедр по формированию у курсантов профессиональных компетенций // Вестник военного образования. 2022. № 2 (35). С. 35-38.

Кабанова И. Н., Лисенкова Н. Н. Процедура защиты выпускной квалификационной работы: специфика и опыт работы лингвистического вуза // Обучение, тестирование и оценка: Сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции. Нижний Новгород, 2022. С. 103-107.

Киуру К. В., Кривоносов А. Д. Медиакоммуникации: методологические основы // Российская психология: тренды и драйверы. Сборник научных трудов в честь профессора М. Г. Шилиной / под ред. А. Д. Кривоносова. Санкт-Петербург, 2021. С. 54-60.

Кривоносов А. Д., Киуру К. В. Парадигматика современной системы массовых коммуникаций в модели Г. Лассуэлла // Вопросы теории и практики журналистики. 2022. Т. 11, № 1. С. 27-40. DOI 10.17150/2308-6203.2022.11(1).27-40.

Линьков С. В. Короткометражный фильм, снятый по оригинальному сценарию, как медиапродукт: производство и продвижение: выпускная квалификационная работа : направление 42.03.05 «Медиакоммуникации». Челябинск, 2023. 151 с.

Мариупольская Т. Г. Научно-исследовательская работа будущего музыканта-педагога: опытно-практический/экспериментальный раздел выпускной квалификационной работы // Традиции и инновации в современном музыкальном образовании. Межвузовский сборник научно-методических трудов; Московский педагогический государственный университет, Институт изящных искусств. Москва, 2020. С. 171-174.

Ольховский Д. В., Лоскутов А. А. Обобщение педагогического опыта: совершенствование методики работы руководителя выпускной квалификационной работы курсанта // Современные проблемы науки и образования. 2020. № 1. С. 1.

References

Artem'eva, L. F., Radionova, N. A. (2021) Slogaemye kachestva vypusnykh kvalifikacionnyh rabot studentov napravleniya podgotovki (iz opyta raboty kafedry turizma i servisa) [The components of the quality of final qualifying works of students of the field of training (from the experience of the Department of Tourism and Service)]. *Optimizaciya uchebno-vospitatel'nogo processa v obrazovatel'nyh organizacijah fizicheskoj kul'tury* [Optimization of the educational process in educational organizations of physical culture]: 91-93. (In Russ.)

Ayupova, G. SH. (2022) O polozhitel'nom opyte modelirovaniya informacionno-obuchayushchego prostranstva, aktualiziruyushchego samostoyatel'nyuyu rabotu slushatelya pri podgotovke vypusknnoj kvalifikacionnoj raboty [About the positive experience of modeling the information and training space, actualizing the independent work of the listener in the preparation of the final qualifying work]. *Policejskaya deyatel'nost'* [Police activity], 6: 41-48 (In Russ.)

Gorin, V. V. (2019) K probleme sozdaniya serii hudozhestvennyh proizvedenij pri rabote nad vypusknnoj kvalifikacionnoj rabotoj studentov-dizajnerov [On the problem of creating a series of works of art when working on the final qualifying work of design students]. *Aksiologicheskie problemy pedagogiki* [Axiological problems of pedagogy], 10: 57-63. (In Russ.)

Danilin, D. V., Kulyupin, E. N., Pashura, G. P. (2022) Vypusknaya kvalifikacionnaya rabota metodiki raboty voenno-nauchnyh sekciy kafedr po formirovaniyu u kursantov professional'nyh kompetencij [Final qualification work of the methods of work of military scientific sections of departments on the formation of professional competencies among cadets]. *Vestnik voennogo obrazovaniya* [Bulletin of military education], 2 (35): 35-38. (In Russ.)

Kabanova, I. N., Lisenkova, N. N. (2022) Procedura zashchity vypusknnoj kvalifikacionnoj raboty: specifika i opyt raboty lingvisticheskogo vuza [The procedure for defending the final qualifying work: specifics and work experience of a linguistic university]. *Obuchenie, testirovanie i ocenka*

[Training, testing and evaluation. Collection of scientific articles based on the materials of the International Scientific and Practical Conference]: 103-107. (In Russ.)

Kiuru, K. V., Krivonosov, A. D. (2021) Mediakommunikacii: metodologicheskie osnovy [Media communications: methodological foundations]. *Rossijskaya piarologiya: trendy i drajvery. Sbornik nauchnyh trudov v chest' professora M. G. SHilinoj* [Russian PR science: trends and drivers]. Saint Petersburg: 54-60. (In Russ.)

Kiuru, K.V., Krivonosov, A.D. (2022) Paradigmatika sovremennoj sistemy massovyh kommunikacij v modeli G. Lassuella [Paradigmatics of the modern mass communication system in the model of G. Lasswell]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki* [Questions of theory and practice of journalism], 11 (1): 27-40. (In Russ.)

Lin'kov, S.V. (2023) Korotkometrazhnyj fil'm, snyatyj po original'nomu scenariyu, kak mediaprodukt: proizvodstvo i prodvizhenie: vypusknaya kvalifikacionnaya rabota : napravlenie 42.03.05 «Mediakommunikacii» [A short film shot according to the original script as a media product: production and promotion: final qualifying work : direction 42.03.05 "Media Communications"]: 151. (In Russ.)

Mariupol'skaya, T.G. (2020) Nauchno-issledovatel'skaya rabota budushchego muzykanta-pedagoga: opytно-prakticheskij/eksperimental'nyj razdel vypusknnoj kvalifikacionnoj raboty [Research work of the future musician-teacher: experimental/experimental section of the final qualifying work]. *Tradicii i innovacii v sovremenном muzykal'nom obrazovanii* [Traditions and innovations in modern music education]: 171-174. (In Russ.)

Ol'hovskij, D.V., Loskutov, A.A. (2020) Obobshchenie pedagogicheskogo opyta: sovershenstvovanie metodiki raboty rukovoditelya vypusknnoj kvalifikacionnoj raboty kursanta [Generalization of pedagogical experience: improvement of the methodology of the head of the final qualification work of the cadet]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education], 1: 11-13. (In Russ.)

© Киуру К.В., 2023

Киуру Константин Валерьевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории медиа, директор Высшей школы медиа, коммуникации и дизайна Челябинского государственного университета. Контактные данные: 454016 Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129 (Russia, Brat'yev Kashirinych st., 129). E-mail: kkiuru@mail.ru.

Статья поступила в редакцию: 20.06.2023.

УДК 659.3

Мисонжников Борис Яковлевич¹, Мельник Галина Сергеевна²✉
^{1,2}Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
¹b.misonzhnikov@spbu.ru, AuthorID: 385059, ORCID: 0000-0001-6120-9586
²g.melnik@spbu.ru, AuthorID: 381938, ORCID: 0000-0001-5653-8668

РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ В МЕДИАТЕКСТАХ: ПРИРОДА И СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Статья посвящена анализу проблемных аспектов радикализации религиозных догматов, причинам и способам их распространения в сетевых медиа, исследованию влияния на аудиторию. Критический обзор научной литературы по данной теме показал всплеск интереса сетевой аудитории к деятельности нетрадиционных религиозных движений, выявляющих их радикальные характеристики. Глобальный кризис и ситуация нестабильности XXI в. позволили многим зарубежным религиозным эмиссарам открыто и активно заниматься пропагандой культов, которые представляют собой серьезную общественную угрозу. Авторы обращают внимание на неразработанность подходов к анализу текстов экстремистской направленности и на необходимость применения феноменологической методологии к изучению религиозного экстремизма, стимулируемого в нередких случаях массмедиа. Основное внимание обращено на медиаэкстремизм как научную категорию. В основу исследования легли материалы социопсихологических экспертиз, выполненных по заказу Центра экспертиз СПбГУ. Применялись методы дискурс-анализа медиатекстов и судебных психолингвистических экспертиз. Базовыми для исследования стали проповеди на сетевых ресурсах (ролики на YouTube) схиигумена Сергея, духовника Среднеуральского женского монастыря. Выбор объекта исследования объясняется тем, что автор проповедей («священник») своим поведением, фактически подрывной политической деятельностью и порочной националистической идеологией, нанес огромный общественный, духовный и даже государственный ущерб. Авторы пришли к выводу: псевдорелигии, транслируемые в массмедиа, превращаются в мощный инструмент манипуляции. Но даже в рамках традиционных авраамических религий могут возникать деструктивные образования, действующие разрушительно в социальном, гуманитарном и духовном отношении. Отдельные СМИ выступают стимулятором этого процесса.

Ключевые слова: экстремистский дискурс, религия, радикализация, религиозные организации, экстремизм, сетевые медиа.

Мисонжников Б. Я., Мельник Г. С. Религиозный экстремизм в медиатекстах: природа и социальные последствия // Язык. Коммуникация. Общество: Электронный научный журнал. 2023. № 3 (3). С. 60-72.

Misonzhnikov Boris Yakovlevich¹, Melnik Galina Sergeevna²✉
^{1,2}St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
¹b.misonzhnikov@spbu.ru, AuthorID: 385059, ORCID: 0000-0001-6120-9586
²g.melnik@spbu.ru, AuthorID: 381938, ORCID: 0000-0001-5653-8668

RELIGIOUS EXTREMISM IN MEDIA TEXTS: NATURE AND SOCIAL CONSEQUENCES

The article is devoted to the analysis of problematic aspects of the radicalization of religious dogmas, the causes and methods of their dissemination in online media, the study of the impact on the audience. A critical review of the scientific literature on this topic showed a surge in the interest of the online audience in the

activities of non-traditional religious movements, revealing their radical characteristics. The global crisis and the situation of instability of the XXI century allowed many foreign religious emissaries to openly and actively engage in the propaganda of cults that pose a serious public threat. The authors draw attention to the lack of development of approaches to the analysis of extremist texts and the need to apply a phenomenological methodology to the study of religious extremism, stimulated in frequent cases by the mass media. The main attention is paid to media extremism as a scientific category. The research is based on the materials of sociopsychological examinations commissioned by the Center of Expertise of St. Petersburg State University. The methods of discourse analysis of media texts and forensic psycholinguistic examinations were used. The basic ones for the study were the sermons on network resources (YouTube videos) of the hieromartyr Sergius, the confessor of the Sredneural'sky Convent. The choice of the research object is explained by the fact that the author of the sermons (the "priest") caused enormous social, spiritual and even state damage by his behavior, actually subversive political activity and vicious nationalist ideology. The authors came to the conclusion: pseudo-religions broadcast in the mass media turn into a powerful tool of manipulation. But even within the framework of traditional Abrahamic religions, destructive formations can arise that act destructively in social, humanitarian and spiritual terms. Separate mass media act as a stimulator of this process.

Keywords: extremist discourse, religion, radicalization, religious organizations, extremism, network media.

Misonzhnikov B Ya., Melnik G. S. Religious extremism in media texts: nature and social consequences. Language. Communication. Society: Digital scientific journal. 2023. 3 (3): 60-72.

Постановка проблемы. В концептуализации мира личности первостепенное значение имеет религиозное сознание, в котором отражаются черты религиозной группы и ее образа. В религиозном сознании личности интегрируются когнитивные, аффективные и регулирующие компоненты, а также находит отражение личный и социальный опыт человека. Психологи исходят из того, что вероисповедание является фундаментальной человеческой функцией. В своих исследованиях когнитивных процессов они приходят к выводу, что религиозная заинтересованность связана с экзистенциальным выбором человека. Так, О. С. Климков говорит о «возможности для плодотворного взаимодействия религии и психоанализа в важнейшем деле заботы о душе человека... Поиск путей к истинному бытию, к раскрытию индивидуальности каждого из нас является актуальной задачей и для психоанализа, и для религии [Климков, 2017: 126].

Философы считают, что религиозному сознанию присущи «религиозная вера, чувственные формы, созданные воображением образы, символичность, аллегоричность, диалогичность, сильная эмоциональная насыщенность, соединение адекватного действительности содержания с неадекватным. Вера, чувственные формы, воображение, символичность, аллегоричность, диалогичность, эмоции, заблуждения являются принадлежностью сознания как генетически обусловленной способности человека и находят выражение в различных областях духовного освоения мира, а не исключительно в религиозном сознании» [Яблоков, 2018: 47].

Политологи обращают внимание, в частности, на экстремистские проявления в области религии и считают, что «основания проблемы зачастую ускользают от

рассмотрения, для эффективного исследования проблемы необходимо применение феноменологической методологии, рассматривающей основания социальной феноменальности экстремизма». [Плотников, 2015: 145]. Основную причину экстремистских проявлений и неосознанного вовлечения населения в экстремистскую деятельность видят в дефиците адекватных теоретических и идеологических ориентиров и недостаточном внимании массмедиа к проблемам религиозного просвещения.

В России, начиная с 80-х гг., наблюдается всплеск интереса к нетрадиционным религиям, в большинстве своем имеющим деструктивный характер. В условиях меняющейся цивилизации и функционирования огромного множества источников нетрадиционные религии воплощаются в новых формах радикализма. Псевдорелигии превращаются, прежде всего, в мощный инструмент манипуляции. Но даже в рамках традиционных авраамических религий могут возникать деструктивные образования, действующие разрушительно в социальном, гуманитарном и духовном отношении. Как правило, их появление инспирируется отдельными личностями, преследующими корыстные интересы и чуждыми истинной вере. Так, в 2000-е годы была разоблачена полуподпольная секта, которая была создана проходимцем, утверждающим, что он «Иисус Христос, сошедший в мир второй раз». Исследователь А. В. Касимова, проводя анализ фактов проявления религиозного экстремизма, отмечает: «Таким образом, индивида, вставшего на путь экстремизма с использованием религиозных чувств, будет отличать радикализованная картина мира в ее религиозном и личностном аспектах. В сознании такого человека зиждется идея о том, что служить Всевышнему вполне возможно и с помощью экстремистского инструментария (насилия). Нормальная религиозная убежденность трансформируется в экстремистскую целемотивацию» [Вызовы религиозного экстремизма, 2017: 48].

На формирование религиозного сознания в массовой коммуникации оказывают влияние многие факторы, в том числе технологический. Так, интернет-ресурсы предлагают потребителю огромное количество альтернативных источников информации, в том числе о религии. Нередко интерес к нетрадиционным религиям провоцируется СМИ, которые вольно или невольно оказываются инструментом вовлечения аудитории в различные религиозные движения, в том числе экстремистские.

Во многих научных источниках обращается внимание на то, что религиозное общество может быть питательной средой для насилия, или же «экстремисты прикрываются религиозными лозунгами, преследуя земные, прагматичные и греховные цели» [Проект документа «Православное осмысление причин экстремизма и терроризма», 2022].

Религиозный экстремизм рассматривается как полное неприятие идей другой религиозной конфессии, нетерпимое отношение к иноверцам, пропаганда «истинности» единственного вероучения, стремление к искоренению и устранению представителей

иной веры вплоть до физического истребления (что получает теологическое обоснование и оправдание) [Варламов, Гучий, Кистанова, Кружай, 2021: 83]. Такой же концепции придерживаются авторы статей, которые, проводя морфологический анализ религиозного экстремизма, видят его проявления в разрушении традиционных ценностей и агрессивной пропаганде идей, противоречащих устоявшимся религиозным взглядам [Мирсаидова, 2018: Балагушкин, 1999; Бидова, 2020]. Действительно, в мире, полном многочисленных смыслов, знаков, ценностей, человек оказывается перед их выбором, и нередко им усваиваются те, которые негативно влияют на его личность. В глобальном мире по этой причине разрушаются традиционные формы культуры. Е. В. Хлыщева отмечает: «Стремление сохранить исконную идентичность в новой среде создает адаптационные сложности. Особенно остро это проявляется по отношению к проблеме идентичности представителей малых групп, этнических, религиозных меньшинств. Происходит разрыв в преемственности... Отсутствие механизма преемственности идентичности сопровождается ощущением внутреннего дискомфорта и даже тревоги, приводящих к замкнутости и усилению изоляционистских тенденций» [Хлыщева, 2018: 63].

История вопроса. В статьях, анализирующих проблемы влияния псевдорелигий на личность и общество, подчеркивается деструктивное начало в их идеологических посылах, а также корыстный интерес адептов нетрадиционных религиозных движений, нередко монетизирующих силу своего влияния на паству [Вызовы религиозного экстремизма, 2017]. Анализ же деятельности самих организаций показывает, что их руководителями предлагаются модели поведения, не предусматривающие самостоятельность в выборе действия и лишаящие сторонников тех, кто подвержен идеям такой религии, свободы выражения мысли. В основе отношений между руководителями и членами организации лежит тотальное подавление последних [Вызовы религиозного экстремизма, 2017].

Интерес для данного исследования представляют научные статьи, рассматривающие экстремизм как медиакатегорию [Бидова, 2016]. Экстремизм как феномен массмедиа ассоциируется у исследователей с мифологемой «врага власти, коварного и многоликого, бесформенного ровно настолько, насколько это необходимо медиакратии, чтобы навешивать ярлыки, создавать нужное восприятие событий. Нет сомнений в том, что пугающий облик экстремиста может с легкостью трансформироваться, включая в себя нужные черты или освобождаясь от каких-либо характеристик. Подобный фантом не единственный в масштабах современной медиакратии, но он очень наглядно демонстрирует специфику ее ресурсной базы» [Сальников, 2007: 57]. В работах юриста Е. В. Сальникова поднимается вопрос об экстремистском материале как феномене социального текста и обращается внимание на то, что «экстремистские материалы представляют собой часть массовой культуры. Они не элитарны, но, напротив, обращены к неограниченному кругу лиц, предназначены для перманентного потребления массой»

[Сальников, 2017: 200]. В научном дискурсе обсуждается проблема поиска критериев и правомерности отнесения медиатекстов к экстремистским материалам [Мельник, Мисонжников, 2018]. Выявляются языковые и семиотические особенности текстов различных жанров церковно-религиозного дискурса. В исследованиях отмечается, что «священные тексты мировых религий (такие как Библия, Коран, Авеста и др.), возникшие в глубокой древности и в течение многих веков служившие (и продолжающие служить в наше время) семиотической базой духовной культуры этносов, принадлежащих к той или иной мировой религии, не могут быть объектом правового регулирования, в отличие от современных проповеднических и иных текстов религиозного дискурса, в которых с определенными коммуникативными целями интерпретируются те или иные фрагменты священного текста» [Мишланов, Салимовский, 2015: 84]. Медиаэксперты приходят к выводу о недостаточности не только законодательной, но и лингвистической базы для оценки коммуникативной деструктивных сект («Саентология», «Свидетели Иеговы», «Богородническая церковь»). Под углом зрения лингвопрагматики и лингвоконфликтологии в ряде работ рассматриваются особенности современного церковно-религиозного дискурса, анализу подвергаются тексты религиозной публицистики, проповеди, в которых изъясняется религиозная доктрина, особенно прозелитические тексты, направленные на обращение иноверцев и вовлечение в секту новых членов. В текстах выявляются черты и принципы, имеющие значение для процесса судебно-экспертного исследования. В последние годы даются оценки и сатанинским культам.

Анализу подвергаются мультимедийные (поликодовые тексты), в которых используются приемы искажения канонических текстов, адаптированных под цели и задачи нетрадиционной религиозной организации, исследуются различные формы и жанры экстремистских материалов на религиозную тему (листовки, статьи в СМИ и блогосфере, мемы, посты и постеры, комментарии в блогах и социальных сетях и т. д.), а также стилизованные под библейские тесты.

В ряде социологических и психологических исследований предпринимается попытка идентифицировать экстремизм через его отдельные проявления, но такой подход оказывается ограниченным, хотя тема и не теряет своей актуальности. Особое значение обретает оценка экстремистских действий в аспекте корреляция власти и общества. В связи с этим Е. В. Сальников подчеркивает: «В сравнительном соотношении опасности экстремизма для общества на порядок выше опасностей экстремизма для самой власти, а потому рассмотрение данного феномен исключительно в рамках контрпозиции «власть – политические противники» является не только ошибочным, но и способно породить катастрофические последствия» [Сальников, 2017: 197].

Открываются новые возможности для объяснения мира в религиозном контексте. На сегодняшний день нет серьезных работ, воссоздающих функции личности в общей концептуализации мира, в котором религия имеет большое значение.

Стоит обратить внимание на методические материалы и учебники, содержащие фактологическую базу исследований, с наглядными примерами проявления религиозного экстремизма [Караханов, 2016].

Основные научные работы посвящены выявлению и профилактике терроризма и экстремизма в СМИ [Абдуллаев, 2017; Аминов, 2015; Петров, 2018; Рязанов, 2015; Томова, 2016]. Роль средств массовой информации в профилактике терроризма сводится к обеспечению своевременной и достоверной информации о террористических угрозах и о действиях государственной власти и правоохранительных органов по обеспечению безопасности социума [Аминов, 2015, Варламов, 2021, Петров, 2018; Роль средств массовой информации, 2018 и др.].

Фиксируются апелляции к журналистам и властным информационным структурам с требованием обеспечить освещение террористической деятельности исключительно с негативных позиций, «независимо от того, чем ее пытаются прикрыть и замаскировать» [Роль средств массовой информации, 2018].

В научном дискурсе намечаются подходы к объяснению природы и причин возникновения медийного экстремизма [Бидова, 2016]. Своеобразную «потребность» современного российского общества в нетрадиционных религиозных движениях ряд авторов объясняют многочисленными причинами, главное – широкие предложения ресурса современных нетрадиционных религиозных движений в России.

Объясняется природа религиозного экстремизма недостатками «национально-религиозного воспитания, неудовлетворенностью базовыми потребностями, эмоционально-волевыми деформациями, вызванными стрессовыми ситуациями, а также негативно-социальными интересами и социально-культурной средой» [Варламов, 2021: 84].

Вместе с тем отмечаются не просто недостатки в работе СМИ, но и то, что противодействие федеральной и региональной прессы не является удовлетворительной. Немало случаев, когда журналистские выступления вызывают дисфункциональные эффекты, а иногда прямо служат пропаганде экстремистских идей. В аналитических выступлениях указывается на низкое качество публикаций на религиозные темы, а также на отсутствие стратегии в освещении указанной тематики. Между тем указываются и условия, которые «могут поднять качество журналистских выступлений и сделать участие СМИ в противостоянии религиозно-политическому экстремизму более результативным», и это – «повышение политологической, религиоведческой, терминологической, профессиональной грамотности журналистов» [Абдуллаев, 2017: 11].

Методика исследования. В данном исследовании применялись методы дискурс-анализа медиатекстов и судебных психолингвистических экспертиз. Базовыми для анализа стали видеоролики на YouTube схиигумена Сергия, духовника Среднеуральского женского монастыря. Публичные материалы священника признаны как судом, так и Русской православной церковью экстремистскими.

Полученные в ходе анализа результаты исследования. Негативизация догматов традиционной религии, их отторжение может происходить по сугубо внутренним причинам, а может быть инспирировано искусственным образом и воздействовать извне. Так, именно сектантство стало одним из результативных методов подрывной антигосударственной и антиобщественной политики. Но ситуация осложняется тем, что, как правило, бывает очень трудно идентифицировать истинную суть явления, и тем более установить, в чьих интересах действуют адепты какого-либо нового религиозного направления, тем более что все их действия получают, как правило, с их стороны соответствующее идеологическое обоснование, иногда и не лишённое определенной привлекательности. Это провозглашение якобы истинных библейских ценностей, идей патриотизма и человеколюбия. Но на деле они оказываются квазиценностями. История знает немало псевдорелигиозных христианских организаций, которые постепенно вырождаются и трансформируются в паракристианские религиозные конфессии, зачастую агрессивно настроенные по отношению к ортодоксальной церкви. Приверженность фундаменталистским и крайне радикальным идеям становится оборотной стороной вероучения и приводит к религиозному экстремизму, который нередко становится основой и оправданием террористической деятельности.

Примечательно, что религиозный экстремизм может вырваться и в недрах традиционной церкви, поскольку обычно велико доверие к церковнослужителям и к содержанию их проповедей. В этом есть, само собой разумеется, объективная необходимость. Но под личиной клирика, якобы искренне радеющего об интересах страны и ее граждан, могут скрываться авантюристы, двурушники и даже уголовники. Опасно то, что они фактически узурпируют право нести людям слово истины и вместо формирования картины мира, основанной на гуманитарных ценностях, внушают искаженные и провокативные идеи, потворствуют распространению лжи, чем наносят значительный ущерб государству и обществу.

Так, в Интернете опубликованы проповеди Николая Романова – «схиигумена Сергия, духовника Среднеуральского женского монастыря в честь иконы Божией Матери „Спорительница хлебов“». Как этот человек, «раскаявшийся» убийца и грабитель, был рукоположен в сан – история темная, поскольку, по канонам православной церкви, тот, кто преднамеренно загубил чужую душу, в принципе не может быть священником. Однако правдами и неправдами бывший уголовник Романов, не имеющий никакого духовного образования, все-таки получил право именоваться священником и стал этим очень активно пользоваться в корыстных целях.

Профессор религиоведения православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, сектовед А. Л. Дворкин говорил о Романове: «Его рукоположение было абсолютно не каноничным, и это надо было объявить и признать его священство недействительным. С другой стороны, его ролики на YouTube за последние два года

становились более и более экстремистскими, разжигающими религиозную рознь, ненависть на национальной почве, восхваляющие массовые убийства людей Гитлером, и, конечно, призывающие к отказу от лечения коронавируса и соответствующей вакцинации (что ставит под угрозу жизни людей). Я понимаю, что экстремизм определяет суд, поэтому выражаю только свое мнение. Хотя, насколько я могу видеть, люди, которые делали гораздо менее жесткие и терпимые заявления, привлекались к ответственности. А тут человек прилюдно обращается к российским офицерам и призывает их привести войска в боевую готовность, т. е. фактически призывает к восстанию против действующей власти, которую прокликает и называет „сатанинской“ и „жидомасонской“. Но екатеринбургские правоохранители почему-то все ему спускали с рук, и он все больше уверялся в собственной безнаказанности... Вокруг него сформировалась секта, которая становится все более и более тоталитарной. Есть гуру, которому поклоняются. Его власть абсолютна, а авторитет незыблем. Все члены секты обязаны ему абсолютным повиновением. От сектантского повиновения монашеское послушание отличается тем, что оно всегда осмысленное. Если старец призывает ученика к нарушению канонов, к греху, к ереси, то на этом послушание ученика кончается» [Нечаева, 2020].

Николай Романов грубо нарушает все возможные евангельские Христовы заповеди. Мы уже говорили о том, что он отбывал длительный срок в заключении за умышленное убийство в сугубо корыстных целях – причем совершенное особо жестоким и циничным образом, – а это смертный грех, который влечет за собой потерю спасения. Кроме того, он создал себе абсолютного кумира, в роли которого выступает Сталин. Аполлогетика «схиигумена Сергия» по отношению к «вождю» – это чистое идолопоклонство, она безудержна, внеисторична и превращается, по сути своей, в яростную пропаганду авторитаризма и деспотии, восхваление жесточайших карательных функций административных органов. И все это сопровождается антисемитской риторикой. Проповеди «отца», а их без труда можно найти в Интернете, крайне ядовиты, преисполнены злобы, ненависти к тем людям, которые ему неуютны, их поношением и поруганием. Но проявление гнева, осуждения и оскорбление кого-либо – всё это, согласно канонам веры евангельской, также является грехом. Этот «священник» подчинил своей воле насельников монастыря и даже удаленных скитов, фактически создал религиозную «империю» со строжайшей иерархией. Люди ему беспрекословно подчиняются, его фотографии держат «на теле, ближе к животу», ссылаясь на его слова о том, что «спастись возможно только с ним». Нельзя не согласиться с мнением о том, что «вообще-то говоря, это язычество, оккультизм. Когда он говорит, что спастись возможно только с ним, он крадет у Христа способность к спасению» [Ясеницкая, Сидоров 2020].

В июле 2020 г. церковно-епархиальный суд, наконец, рассмотрел поведение «схиигумена Сергия». Члены суда постановили: «первое – признать схиигумена Сергия, Романова Николая Васильевича, виновным в нарушении священнической присяги,

монашеских обетов... Второе – низвергнуть схиигумена Сергия, Романова Николая Васильевича, из священного сана... Правящий архиерей запретил его в служении» [Яковлева, 2020].

Справедливость, таким образом, восторжествовала, но сам факт того, что произошло, позволяет сделать отнюдь не утешительные выводы. Очевидно, что положения хиротонии раньше грубо нарушили, потому что были обойдены важнейшие препятствующие ей положения. Так, причастность к убийству названа первой из всех тяжких грехов среди канонических препятствий. Более того, препятствовать хиротонии может даже «недостаток совершенной кротости» и «недостаток доброй репутации», священник должен быть «не сварлив, не корыстолюбив, но тих, миролюбив, не сребролюбив». В поведении «схиигумена Сергия», судя по множеству опубликованных свидетельств, мы видим, наоборот, проявления гордыни, высокомерия и дерзости, его «репутация» чудовищна, он агрессивен, злобен и настроен враждебно к людям, которые с ним в чем-то несогласны. Он открыто встал на путь раскола и сектантства. «Схиигумена Сергия» также обвиняют и в уголовных преступлениях, но они требуют серьезных доказательств и говорить о них пока преждевременно. Однако теперь уже ясно, что своими экстремистскими «проповедями», поведением, фактически подрывной политической деятельностью и истовостью, несомненно, порочной, в области национальной идеологии этот, по сути, незаконно рукоположенный «священник» нанес огромный общественный, духовный и даже государственный ущерб, масштабы которого были бы значительно скромнее, если бы «схиигумен Сергей» в свое время не был бы допущен к Богослужению.

Конечно, Русской православной церкви и гражданскому обществу следует проявлять лояльность к чужому мнению, к относительно самостоятельной позиции клириков, проявлять терпимость даже к появлению нетрадиционных религий, которых особенно много возникло в 90-е годы прошлого столетия. В тот исторический период для подобной толерантности были, видимо, определенные основания, что отразилось в следующей констатации: «Церковно-догматическая критика новых религий всецело доминирует в православной среде, но удивительно, что в пагубности „сатанинских сект“ спешат нас убедить зарубежные „доброжелатели“. Они вряд ли способны понять опасность обострения межконфессиональной вражды в современной России, для которой достижение общественного согласия давно стало неотложной задачей» [Балагушкин, 1999: 8]. Но дело может доходить и до появления действительно „сатанинских сект“, которые явно демонстрируют признаки религиозного экстремизма.

В конце XX в. вышли из подполья и стали открыто внедрять в сознание людей вредоносные и пагубные идеи адепты религий, которые имели опасный сектантский характер. Создавались новые секты, в том числе и неденоминационные. Ситуацией нестабильности воспользовались также многие зарубежные религиозные эмиссары, открыто

и активно занимающиеся пропагандой культов, которые представляли собой серьезную общественную угрозу. Некоторые религиозные организации, деятельность которых имела признаки сектантства, получили официальную регистрацию. На путь раскола встали организации, именующие себя «Церковь Христа», «Церковь Завета», «Часовня на Голгофе», «Дерево жизни», «Сайентологическая церковь».

Перспективы дальнейшей исследовательской работы. Тема религиозного экстремизма не просто играет в обществе первостепенную политическую, социальную и духовную роль, но она выходит на уровень экзистенциального значения, становится жизненно важной, поскольку проявления религиозного экстремизма могут создавать серьезную угрозу самому существованию человека, религия часто становится главной ценностью индивида, определяет его жизненные приоритеты, поступки, принятие решений. Религия затрагивает глубокие нравственные, этические, культурные стороны человеческого существования и формирует поведенческие паттерны индивида. Экстремистские проявления в области религии опасны для общества и губительны для самого субъекта, приверженного агрессии, крайним взглядам и демонстрирующего неприятие другой веры, этнокультурных традиций и гуманитарных ценностей.

Религиозный экстремизм в той или иной степени часто коррелирует с такими социальными проявлениями, как шовинизм, ксенофобия, сепаратизм, фанатизм и даже терроризм. Адепты религиозного экстремизма стремятся реализовать свою идеологию через сектантское движение, создают сети таких же приверженцев радикальных взглядов, но нередко маскируются, до поры до времени не выражают открыто своей позиции, создают видимость сторонников существования в правовом дискурсе. Опасность таких полуподпольных организаций состоит и в том, что они, расширяясь путем поначалу не очень заметной пролиферации, в определенный момент могут выступить легально и нанести социуму особенно чувствительный удар.

Религиозный экстремизм представляет собой очень сложное системное явление и в данном качестве пока четко не оценен и не идентифицирован. Отдельные, появляющиеся от случая к случаю публикации не могут воссоздать исчерпывающую картину этого опасного явления. Требуется последовательное и конструктивное его исследование, которое носило бы научный междисциплинарный характер и смогло бы дать конкретные рекомендации по искоренению этого антигуманного и угрожающего неисчислимыми бедами явления.

Выводы. Проведенное исследование показало: религиоведческая экспертиза в условиях активизации религиозно мотивированного экстремизма является одним из наиболее востребованных видов экспертиз по делам о преступлениях экстремистской направленности. Очевидна необходимость комплексного и системного изучения проявлений религиозного экстремизма, привлечения в качестве экспертов психологов, философов, политологов и лингвистов. Интерес, который проявляется в последние

десятилетия к нетрадиционным религиям, носит зачастую деструктивный характер, люди могут заблуждаться и, не получив ответа на многие сущностно важные вопросы, принимать ошибочные решения, попадать в сети тех, кто продуманно и корыстно встает на путь экстремизма, выступает с самыми радикальными идеологиями. Поэтому необходимо вести среди людей, прежде всего молодых, просветительскую работу, для проведения которой необходимо привлекать квалифицированных специалистов. Оправданным было бы введение школьного курса сектоведения хотя бы в рамках обществоведческих дисциплин.

В настоящее время в научном дискурсе ставится и обсуждается проблема выработки критериев идентификации текстов, имеющих экстремистскую направленность, предпринимается поиск решения методологических задач, в частности, по правомерности отнесения медиатекстов, в том числе и на религиозную тематику, к экстремистским материалам. Особую роль в противостоянии религиозному экстремизму должны играть служители основных конфессий, именно они в состоянии вести антисектантскую разъяснительную работу. Что касается Русской православной церкви, то здесь накоплен большой опыт использования святоотеческой традиционной методологии. Это высокая миссия людей, выступающих с действительно гуманистических позиций.

Список источников

Абдуллаев М. Х. Освещение религиозно-политического экстремизма в российской прессе в период с 2000 по 2015 гг. (на примере общефедеральных и региональных газет республики Дагестан): дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.10. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова], 2017. 214 с.

Аминов Д. И., Мусаев А. Н. К вопросу о противодействии религиозному экстремизму и терроризму // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 12. С. 39–42.

Балагушкин Е. Г. Нетрадиционные религии в современной России: морфологический анализ. Ч. 1. Москва: Институт философии РАН, 1999. 244 с.

Бидова Б. Б. Проблема светскости государства и религиозный экстремизм в средствах массовой информации // Молодой ученый. 2016. № 1 (105). С. 786–789. URL: <https://moluch.ru/archive/105/24903/> (дата обращения: 01.06.2023).

Варламов И. Г., Гучий А. В., Кистанова М. А., Кружай В. В. Религиозный экстремизм: исследование общественного мнения, методов борьбы и современного состояния экстремистских ячеек в мире // Молодой ученый. 2021. № 52 (394). С. 83–87. URL: <https://moluch.ru/archive/394/87222/> (дата обращения: 03.06.2023).

Вызовы религиозного экстремизма в глобализирующемся мире: коллективная / науч. ред. Р. Ф. Патеев, В. Т. Сакаев. Казань: Фолиант, 2017. 232 с.

Громова Н. С. Свобода слова и вербальный экстремизм в России: лингво-правовой аспект : монография.

Екатеринбург : Уральский институт коммерции и права, 2015. 202 с.

Караханов С. С. Краткий курс лекций по Противодействию религиозно-политическому экстремизму: учебное пособие. Махачкала: ДГУНХ, 2016. 113 с.

Климов О. С. Религия в зеркале психоанализа // Психолог. 2017. № 3. С. 105–129. DOI: 10.25136/2409-8701.2017.3.23224. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=23224 (дата обращения 30.05.2023).

Мельник Г. С., Мисонжников Б. Я. Социолингвистические маркёры экстремистского текста // Гуманитарный вектор. Сер. Филология. Востоковедение. 2015. № 4 (44). С. 106–113.

Мирсаидова Н. Религиозный экстремизм // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/religiousnyy-ekstremizm> (дата обращения 30.05.2023).

Мишланов В. А., Салимовский В. А. Современный церковно-религиозный дискурс в аспекте проблем судебной лингвистики // Вестник Пермского университета. 2015. Вып. 2 (30). С. 84–96.

Нечаева Е. «Его власть абсолютна, а авторитет незыблем»: Сектовед Александр Дворкин о деятельности схиигумена Сергия // Коммерсантъ-Урал-Online. 2020. 19.06. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4388401> (дата обращения 30.05.2023).

Петров Б. Д. Профилактика религиозного

экстремизма: теория и практика. 1-е изд. Саратов: Саратовский источник, 2018. 85 с.

Плотников В. В. Феномен экстремизма в современной социальной системе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. Вып. 11. С. 142–145.

Проект документа «Православное осмысление причин экстремизма и терроризма» / 2022. 18 марта [Электронный ресурс]. Режим доступа. – <http://www.patriarchia.ru/db/text/5908502> (дата обращения 30.05.2023).

Роль средств массовой информации в профилактике терроризма. 2018. <https://donskoy.mos.ru/pictures/ПОЛЬ%20СМИ%20в%20проф%20илактике%20терроризма.pdf> (дата обращения 30.05.2023)

Рязанов Д. В. Противодействие экстремизму в средствах массовой информации (на примере Саратовской области) // Информационная безопасность регионов. 2015. № 3(20). С.43-46.

Сальников Е. В. Федеральный список экстремистских материалов как порождение культуры “FAN-FICTION” // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2017; 23(1):193-207. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2017-23-1-193-207>.

Сальников Е. В. Экстремизм: фантом медиакратии // Вестник Московского университета. 2007. Серия 12. № 6. С. 52-57. Политические науки (дата обращения: 30.05.2023).

Томова А. А., Сардарян А. А., Кропачева С. А. Выявление и профилактика терроризма и экстремизма в средствах массовой информации // Молодой ученый. 2016. № 24 (128). С. 429-432. URL: <https://moluch.ru/archive/128/35448/> (дата обращения: 31.05.2023).

Хлыщева Е. В. Фронтир идентичностей: проблема культурных границ // Журнал фронтальных исследований. 2018. № 2. С. 60-68.

Яблоков И. Н. Религиозное сознание: специфика, уровни, репрезентации // Вопросы философии. 2018. № 2. С.44-45. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1876&Itemid=52 (дата обращения: 31.05.2023).

Ясеницкая А., Сидоров Д. Почти святой. Как уральский схиигумен Сергей побеждает чипирование и изгоняет айфон // Медиазона. 2020. 2 июля. URL: <https://zona.media/article/2020/07/02/godemperor> (дата обращения: 31.05.2023).

References

Abdullayev, M. K. (2017). Osveshcheniye religiozno-politicheskogo ekstremizma v rossiyskoy presse v period s 2000 po 2015 gg. (na primere obshchefederal'nykh i regional'nykh gazet respublik Dagestan) [Coverage of religious and political extremism in the Russian press in the period from 2000 to 2015. (on the example of federal and regional newspapers of the Republic of Dagestan)]: [dissertatsiya ... kand. filol. nauk: 10.01.10. Moskovskiy gosudarstvennyy universitet imeni M.V. Lomonosova: [dissertation ... cand. philol. Sciences: 10.01.10: Moscow State University named after M.V. Lomonosov]: 214. (In Russ.)

Aminov, D. I. (2015) K voprosu o protivodeystvii religioznomu ekstremizmu i terrorizmu / D. I. Aminov, A. N. Musayev [To the question of counteraction to religious extremism and terrorism]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 12: 39–42. (In Russ.)

Balagushkin, Y.E. G. (1999) *Netraditsionnyye religii v sovremennoy Rossii: morfologicheskyy analiz*. Ch. 1. [Non-traditional religions in modern Russia: a morphological analysis. Part 1]. Moscow, Institut filosofii RAN: 244 p. (In Russ.)

Bidova, B.B. (2016). Problema svetskosti gosudarstva i religioznoy ekstremizm v sredstvakh massovoy informatsii [The problem of state secularism and religious extremism in the media]. *Molodoy uchenyy* [Young scientist]. 1 (105): 786-789. URL: <https://moluch.ru/archive/105/24903/>, date of access: 01.06.2023. (In Russ.)

Gromova, N. S. (2015). Svoboda slova i verbal'nyy ekstremizm v Rossii: lingvo-pravovoy aspekt : monografiya. [Freedom of speech and verbal extremism in Russia: linguo-legal aspect: monograph]. Yekaterinburg : Ural'skiy institut kommertsii i prava: 202. (In Russ.)

Yablokov, I. N. (2018). Religioznoye soznaniye: spetsifika, уровни, reprezentatsii. [Religious consciousness: specifics, levels, representations] *Voprosy filosofii*. [Questions of Philosophy], 2. 46-55. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1876&Itemid=52, date of access: 31.05.2023. (In Russ.)

Yasenitskaya, A., Sidorov D. (2020). Pochti svyatoy. Kak ural'skiy skhiigumen Sergiy pobezhdayet chipirovaniye i izgonyayet ayfon [Almost a saint. How the Ural shiigumen Sergiy defeats chipping and banishes the iPhone]. *Mediazona*. [Mediazona.]. 2 iyulya. URL: <https://zona.media/article/2020/07/02/godemperor>, date of access: 31.05.2023. (In Russ.)

Yakovleva Y. E. (2020). Skhiigumen Sergiy lishen sana. *Rossiyskaya gazeta*. [Russian newspaper] 3 iyulya. URL: <https://rg.ru/2020/07/03/shiigumen-sergij-lishen-sana.html> date of access: 31.05.2023. (In Russ.)

Karakhanov, S. S. (2016) Kratkiy kurs lektsiy po protivodeystviyu religiozno-politicheskomu ekstremizmu: uchebnoye posobiye [A short course of lectures on countering religious and political extremism: a textbook]. Makhachkala: DGUNKH: 113. (In Russ.)

Khlyshcheva, YE. V. (2018). Frontir identichnostey: problema kul'turnykh granits [The frontier of identities: the problem of cultural boundaries]. *Zhurnal frontirnykh issledovaniy*. [Journal of Frontier Research], 2: 60-68. (In Russ.)

Klimkov, O. S. (2017). Religiya v zerkale psikoanaliza [Religion in the mirror of psychoanalysis]. *Psikholog* [Psychologist.] 3: 105–129. DOI: 10.25136/2409-8701.2017.3.23224. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=23224, date of access: 30.05.2023. (In Russ.)

Mel'nik, G. S., Misonzhnikov B. Ya. (2015). Sotsiolingvisticheskiye markëry ekstremistskogo teksta [Sociolinguistic markers of extremist text]. *Gumanitarnyy vektor. Ser. Filologiya. Vostokovedeniye*. 4 (44):106-113. (In Russ.)

Mirsaidova, N. (2016) Religioznyy ekstremizm [Religious extremism] *Aktual'nyye problemy gumanitarnykh i yestestvennykh nauk* [Actual problems of the humanities and natural sciences] [Elektronnyy resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/religioznyy-ekstremizm>, date of access: 30.05.2023. (In Russ.)

Mishlanov V. A., Salimovskiy V. A. (2015). Sovremennyy cerkovno-religioznyy diskurs v aspekte problem sudebnoy lingvistiki [Modern Church-religious Discourse in the aspect of problems of forensic linguistics] *Vestnik Permskogo universiteta* [Perm University Bulletin], 2 (30): 84-96. (In Russ.)

Nechayeva, Y. E. (2020). «Ego vlast' absolutna, a avtoritet nezhybleM»: Sektoved Aleksandr Dvorkin o deyatel'nosti skhigumena Sergiya [His power is absolute, and his authority is unshakable]: Sektologist Alexander Dvorkin on the activities of shiigumen Sergius]. *Kommersant"-Ural-Online* [Kommersant-Ural-Online] 19.06. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4388401>, date of access: 30.05.2023. (In Russ.)

Petrov, B. D. (2018). Profilaktika religioznogo ekstremizma: teoriya i praktika [Prevention of religious extremism: theory and practice]1-e izd. Saratov: Saratovskiy istochnik: 85. (In Russ.)

Plotnikov, V. V. (2015). Fenomen ekstremizma v sovremennoy sotsial'noy sisteme [The phenomenon of extremism in the modern social system] *Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki* [Humanities, socio-economic and social sciences], 11:142–145. (In Russ.)

Proyekt dokumenta «Pravoslavnoye osmysleniye prichin ekstremizma i terrorizma» [Draft document "Orthodox understanding of the causes of extremism and terrorism"] 2022. 18 marta [Elektronnyy resurs], URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5908502.html>, date of the application 30.05.2023. (In Russ.)

Rol' sredstv massovoy informatsii v profilaktike terrorizma (2018) [The role of the media in the prevention of terrorism]. date of the application 30.05.2023. URL:

<https://donskoy.mos.ru/pictures/ROL'%20SMI%20v%20profilaktike%20terrorizma.pdf>, date of access: 29.05.2023. (In Russ.)

Ryazanov, D. V. (2015). Protivodeystviye ekstremizmu v sredstvakh massovoy informatsii (na primere Saratovskoy oblasti) [Countering extremism in the media (on the example of the Saratov region)] *Informatsionnaya bezopasnost' regionov*. [Information security of regions], 3(20):43-46. (In Russ.)

Sal'nikov Y.E. V. (2017) Federal'nyy spisok ekstremistskikh materialov kak porozhdeniye kultury "FAN-FICTION" [Federal list of extremist materials as a product of the "FAN-FICTION" culture] *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya [Moscow University Bulletin. Series 18. Sociology and political science], 23(1):193-207. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2017-23-1-193-207>? date of access: 30.05.2023. (In Russ.)

Sal'nikov Y.E. V. (2007). Ekstremizm: fantom mediakratii [Extremism: a phantom of mediocracy]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Seriya 6: 52-57. (In Russ.)

Tomova A. A., Sardaryan A. A., Kropacheva S. A. (2016) Vyyavleniye i profilaktika terrorizma i ekstremizma v sredstvakh massovoy informatsii [Identification and prevention of terrorism and extremism in the media]. *Molodoy uchenyy* [Young scientist], 24 (128): 429-432. URL: <https://moluch.ru/archive/128/35448/>, date of access: 31.05.2023. (In Russ.)

Varlamov, I. G., Guchiy A. V., Kistanova M. A., Kruzhay V. V (2021). Religioznyy ekstremizm: issledovaniye obshchestvennogo mneniya, metodov bor'by i sovremennogo sostoyaniya ekstremistskikh yacheyek v mire [Religious extremism: a study of public opinion, methods of struggle and the current state of extremist cells in the world] *Molodoy uchenyy* [Young scientist], 52 (394):83-87. [Young scientist]. URL: <https://moluch.ru/archive/394/87222/>, date of access: 03.06.2023. (In Russ.)

Kollektivnaya. Eds/ R.F. Pateev, V.T. Sakaev [Challenges of religious extremism in a globalizing world: collective] / scientific. ed. Kazan: Folio, 2017: 232. Date of access: 03.06.2023. (In Russ.)

© Мисонжников Б.Я, Мельник Г.С., 2023

Мисонжников Борис Яковлевич – доктор филологических наук, профессор кафедры цифровых медиакоммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета. Контактные данные: 199134, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб. 7/9 (Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya emb., 7/9). E-mail: b.misonzhnikov@spbu.ru.

Мельник Галина Сергеевна – доктор политических наук, профессор кафедры цифровых медиакоммуникации Санкт-Петербургского государственного университета. Контактные данные: 199134, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб. 7/9 (Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya emb. 7/9). E-mail: g.melnik@spbu.ru.

Статья поступила в редакцию: 16.06.2023.

Раздел 3. ФИЛОСОФИЯ

УДК 140.8

Маслобоева Ольга ДмитриевнаСанкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия
masloboeva.o@inbox.ru, AuthorID: 108315, ORCID: 0000-0001-7547-3900

МАНКУРТИЗМ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ И ЗАДАЧИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

В статье с историко-философской точки зрения и в контексте современной социальной практики исследуется феномен манкуртизма. Введение данного термина необходимо для исследования тех форм социальной практики, которые несут угрозу национально-культурной идентичности человека, подрывают развитие его самосознания, превращая тем самым данного человека в марионетку в руках нравственно нечистоплотных социальных сил. Такого рода девальвация личностной индивидуальности в современной культуре обусловлена как объективными тенденциями научно-технического прогресса, так и злонамеренными действиями социальных субъектов. Актуальность данной проблемы побуждает творцов художественной литературы на соответствующие размышления. Акцентированно проблему манкуртизма поставил Ч. Айтматов. Концептуальное исследование данной проблемы востребует историко-философского подхода. При этом фундаментальным методологическим принципом выступает возрастной принцип анализа истории, который позволяет понять, как, начиная с «осевого времени», от эпохи к эпохе углублялась рефлексия самосознания человека. Выявление узловых качественных переворотов в этом процессе способствует раскрытию преемственной поступательности от сократовского переворота в философии и культуре в целом через Средневековье, Ренессанс, Новое время к кантовскому перевороту и затем к разработке проекта основоположником философии русского космизма – Николаем Федоровичем Федоровым. Философско-антропологический проект «московского Сократа» аккумулирует потенциал истории мировой и отечественной философской мысли, продуцируя алгоритм актуализации вечности (победа над фатумом смерти) и бесконечности (освоение просторов Вселенной) для формирования космического самосознания. Противоположную роль выполняет технократический проект трансгуманистов, провоцирующий манкуртизм в силу своей односторонне сциентистской установки. Философско-антропологический проект русского космизма дает концептуальное основание космической педагогике, в свете которой имеет смысл анализировать конкретные педагогические инновации.

Ключевые слова: самосознание, манкуртизм, осевое время, история философии, русский космизм, Николай Федорович Федоров, философско-антропологический проект, трансгуманизм, пространство – время, вечность и бесконечность.

Маслобоева О. Д. Манкуртизм современной цивилизации и задачи образовательного процесса // Язык. Коммуникация. Общество: Электронный научный журнал. 2023. № 3 (3). С. 73-87.

Masloboeva Olga DmitrievnaSaint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia
masloboeva.o@inbox.ru, AuthorID: 108315, ORCID: 0000-0001-7547-3900

MANCURTISM OF MODERN CIVILIZATION AND TASKS OF THE EDUCATIONAL PROCESS

The article examines the phenomenon of mankurtism from a historical and philosophical point of view and in the context of modern social practice. The introduction of this term is necessary for the study of those forms of social practice that threaten a person's national and cultural identity, undermine the development of his self-consciousness, thereby turning this person into a puppet in the hands of morally unscrupulous social forces. This kind of devaluation of personal individuality in modern culture is due to both objective trends of scientific and technological progress and malicious actions of social actors. The relevance of this problem encourages the creators of fiction to reflect accordingly. The problem of mankurtism was accentuated by Ch. Aitmatov. The conceptual study of this problem requires a historical and philosophical approach. At the same time, the fundamental methodological principle is the age principle of history analysis, which makes it possible to understand how, starting from the "axial time", the reflection of human self-consciousness deepened from epoch to epoch. The identification of nodal qualitative revolutions in this process contributes to the disclosure of the continuity of the progression from the Socratic revolution in philosophy and culture in general through the Middle Ages, Renaissance, Modern Times to the Kantian revolution and then to the development of the project by the founder of the philosophy of Russian cosmism – Nikolai Fedorovich Fedorov. The philosophical and anthropological project "Moscow Socrates" accumulates the potential of the history of world and domestic philosophical thought, producing an algorithm for the actualization of eternity (victory over the fate of death) and infinity (exploration of the expanses of the Universe) for the formation of cosmic self-consciousness. The opposite role is played by the technocratic project of transhumanists, which provokes mankurtism due to its one-sided scientism. The philosophical and anthropological project of Russian cosmism provides a conceptual basis for space pedagogy, in the light of which it makes sense to analyze specific pedagogical innovations.

Keywords: self-consciousness, mankurtism, axial time, history of philosophy, Russian cosmism, Nikolai Fedorovich Fedorov, philosophical and anthropological project, transhumanism, space – time, eternity and infinity.

Masloboeva O. D. Mancurtism of modern civilization and tasks of the educational process. Language. Communication. Society: Digital scientific journal. 2023. 3 (3): 73-87.

*... И обнажится истина Зла,
и все увидят и убедятся,
что Зло на земле терпит крах,
как бы оно ни выдавалось за правду...*

Чингиз Айтматов. Препоручение Богу...

Постановка проблемы. Роль самосознания как мировоззренческого стержня личностной индивидуальности без всяких теорий была схвачена социальной практикой, в процессе которой данное понимание стало с очевидной наглядностью использоваться, в первую очередь, со стороны Зла. Это ярко проявилось в варварской практике диких агрессивных азиатских племен, научившихся лишать человека памяти, включая то, что закладывается на этапе детства как первичная самоидентификация человека. Этому феномену посвящен роман Чингиза Айтматова «И дольше века длится день» и поставленный по легенде, изложенной в романе, фильм «Манкурт» (Туркменфильм, 1990 г.).

Манкуртом становился раб, подвергнувшийся жестокой пытке: ему одевали шири (плотную выйную часть только что освежеванной верблюжьей шкуры) на гладко выбритую голову и оставляли под палящим солнцем на несколько дней без еды и воды, закованным деревянной шейной колодкой и с распятыми скованными руками и ногами. Кто выживал, начисто лишался не просто памяти о своем прошлом, но своего самосознания в принципе. Вот как Ч. Айтматов акцентирует не превзойденную по степени злодейства суть этой варварской практики: «Куда легче снять пленному голову или причинить любой другой вред для устрашения духа, нежели отбить человеку память, разрушить в нем разум, вырвать корни того, что пребывает с человеком до последнего вздоха, оставаясь его единственным обретением, уходящим вместе с ним и недоступным для других. Но кочевые жуаньжуаны, вынесшие из своей кромешной истории самый жестокий вид варварства, посягнули и на эту сокровенную суть человека. Они нашли способ отнимать у рабов их живую память, нанося тем самым человеческой натуре самое тяжкое из всех мыслимых и немыслимых злодеяний» [Айтматов, 2023: 122].

Понятие «манкурт» приобрело переносный смысл, обозначая возрастающую актуальность проблемы самосознания социального субъекта, который в случае пренебрежения по отношению к данной проблеме или ее элементарного непонимания рискует по собственной воле превратиться в манкурта. Подобная ситуация, пограничная для человека между его бытием и небытием, обозначена на уровне здравого смысла в нашей культуре в известной сентенции об «Иване, не помнящем своего родства».

В переносном смысле слово «манкурт» стало употребляться для обозначения человека, потерявшего связь со своими историческими, национальными корнями, забывшего о своём родстве. При этом *манкуртизм в современном его воплощении представляет собой формы социальной практики, нацеленные на подрыв самосознания человека посредством девальвации национально-культурной идентичности человека, заключающейся в отождествлении себя с конкретным социальным «организмом в пространстве»* (категория Ап. Григорьева). Результатом процесса социализации человека выступает отождествление себя с локальной социальной общностью, которая сформировалась в конкретном хронотопе, а именно в определенном историческом времени и в определенной экологической нише. Такого рода общность характеризуется своеобразными способами организации жизни, закрепленными в результате исторически наработанной практики как система традиций и жизненных парадигм, объективируемых в системе артефактов качественно особой культуры.

Национально-культурная идентичность человека базируется, прежде всего, на исторической памяти, включая семейную память, и на экологической памяти, выражаясь при этом в чувстве патриотизма, т. е. в любви к родной природе и родной культуре, укореняющей человека в вечном фундаменте жизни. Естественное ощущение органически иррациональной связи с вечностью выступает достаточным условием формирования

самосознания социального субъекта. Однако необходимым условием при этом выступает рефлексивное осознание себя в потоке жизни, в ее пространственно-временной имманентной динамике.

Результаты и обсуждение. Профессиональная философия обосновала проблему самосознания человека в ее эволюции как ось человеческой истории. В общепризнанной концепции «осевого времени», разработанной К. Ясперсом и раскрывающей смысл истории человечества, утверждается, что вектор, определяющий судьбу всех народов, был заложен в так называемое «осевое время», когда не зависимо друг от друга, на Востоке и на Западе, в культуре Древней Индии, Древнего Китая и Древней Греции сознание стало осознавать «сознание, мышление делало своим объектом мышление... В эту эпоху были разработаны основные категории, которыми мы мыслим по сей день ... Впервые появились философы» [Ясперс, 1994: 33-34]. С тех пор развитость самосознания человека, адекватность его содержания достигнутому уровню сложности социальной практики определяет все взлеты расцвета культуры и все кризисные ситуации в ее истории. Непреходящая актуальность содержания «осевого времени» подчеркивается К. Ясперсом: «Тем, что совершилось тогда, что было создано и продумано, человечество живет вплоть *до сего* дня. В каждом своем порыве люди, вспоминая, обращаются к осевому времени, воспламеняются идеями той эпохи. С тех пор принято считать, что воспоминание и возрождение осевого времени – Ренессанс – ведет к духовному подъему. ... В начале осевое время ограничено в пространственном отношении, но *исторически* оно *становится всеохватывающим*. Народы, не воспринявшие идей осевого периода, остаются на уровне "природного" существования, их жизнь неисторична...» [Ясперс, 1994: 38].

Добровольный манкуртизм возможен, как это ни парадоксально на первый взгляд, по причине атрибутивности свободы человека, которую в «осевое время» концептуализировал Эпикур. Ему удалось преодолеть фатализм демокритовского атомизма посредством введения внутреннего (по весу) различия между атомами, что логически обосновывало наличие непредсказуемой случайности в их движении, и это стало онтологическим обоснованием наличия у человека атрибута свободы. В соответствии с этикой Эпикура мудро распорядиться данным атрибутом человек призван в первую очередь в выборе удовольствий, которым посвящает свою жизнь [Маслобоева, 2006: 93-98]. В современную эпоху, когда дух потребительства столь всевластен, обратиться к этике Эпикура как «практической философии» (по классификации наук Аристотеля) означает найти якорь спасения, чтобы подобно барону Мюнхгаузену вытащить самого себя из трясины потребительства.

Однако это только первый логико-рациональный шаг – разобраться с тем, какого рода удовольствиям в соотношении с классификацией в этике Эпикура я отдаю предпочтение и насколько я преодолеваю узкий и пошлый горизонт жизни, навязываемый

духом потребительства, присущим современной цивилизации. Наполнить свою жизнь подлинно человеческим смыслом возможно только в контексте ощущения своей связи с вечностью и бесконечностью, которая в сущности своей иррациональна.

Актуализация связи с вечностью начинается с осознания связи прошлого и будущего в настоящем. В истории культуры такое понимание осваивалось в эпоху Средневековья, которая в координатах рефлексии связи человека с Богом вырабатывала феномен самосознания как стержень формирующейся личностной индивидуальности. Этому способствовало то, что Аврелий Августин из Библейского контекста перевел в философский дискурс категорию «внутренний человек» для обозначения феномена самосознания и концептуализировал его посредством связи времен: настоящее в прошлом, настоящее в настоящем и настоящее в будущем. Только такое осознание связывает человека с вечностью, проживаемой в каждом моменте времени. Эта связь иррациональна, как иррациональная сама вечность, связь с которой замешана на иррациональности любви к жизни.

Далее эстафету от Средневековья принимает эпоха Ренессанса, которая рефлексивует и воплощает мировоззренческую самодостаточность личности, обладающей самосознанием. Не случайно деятели культуры именно этой эпохи заслужили коллективный титул «Титаны Возрождения», поскольку каждый из них ярко явил свою личностную индивидуальность в каком-либо элементе культуры: Франческо Петрарка – в поэзии, Николай Коперник, Галилео Галилей, Иоганн Кеплер – в науке, Эразм Роттердамский – в области морали, Никколо Макиавелли – в политике и т.п. Философская рефлексия в лице Николая Кузанского высвечивает в качестве жизненной платформы реализации личностной индивидуальности, обладающей развитым самосознанием, принцип бесконечности Вселенной. Кузанец обосновывает совпадение противоположностей как источник жизненной энергии, обеспечивающий существование бесконечного мироздания. Для мировоззренческой самодостаточности личности это оборачивается пониманием того, что для творчески созидательного разрешения жизненных противоречий необходимо рационально-иррационально учитывать контекст бесконечности. В противном случае эти противоречия будут разрешаться антагонистически разрушительно. Вершиной философской культуры этой эпохи выступает этика «героического энтузиазма» Дж. Бруно, который сам взошел на костер за свою мировоззренческую самодостаточность. Сущность же героического энтузиазма концептуализирована им как «бесконечная любовь к бесконечному».

Связь с бесконечностью и вечностью, переживаемая как связь времен в настоящем, не может быть реализуема без способности человека к созерцательности как естественной формы пребывания человека в потоке жизни. Однако данная способность подвергается существенной коррозии под натиском экспансии научных технологий и соответствующего ускорения темпов социальной жизни. Вот как эту угрозу личностной

индивидуальности человека раскрыл Н. А. Бердяев уже в первой трети XX в. в работе «Человек и машина»: «Техника овладевает временем и радикально меняет отношение ко времени. ...технический актуализм в своем отношении к времени разрушает вечность и делает для человека все более и более трудным отношение к вечности... И человек стоит перед проблемой: сохранится ли для него возможность мгновений созерцания, созерцания вечности, Бога, истины, красоты. Человек, бесспорно, имеет активное призвание в мире и в актуализме есть правда. Но человек есть также существо способное к созерцанию, и в созерцании есть элемент, определяющий его "я". В самом созерцании, т.е. в отношении человека к Богу, есть творчество. ... Человеческая душа не может выдержать той скорости, которой от нее требует современная цивилизация. Это требование имеет тенденцию превратить человека в машину. Процесс этот очень болезненный» [Бердяев, 1933: 27-28].

Сциентизм и технократизм, претендующие на абсолютизацию роли науки и техники в культуре, – это элементы объективного фактора в истории человечества, склоняющие человека к манкуртизму, к утрате им лика человеческого: «... во все времена, старые и новые, человек прикасался к вечности, и это делало его человеком. Новый же человек, который окончательно порвет с вечностью, окончательно прикрепится к новому миру, которым должен овладеть и подчинить себе, перестанет быть человеком, хотя и не сразу это заметит. Происходит дегуманизация человека. Ставится вопрос: быть или не быть человеку, не старому человеку, который должен преодолеваться, а просто человеку. Со времени возникновения человеческого самосознания, открывающегося в Библии и в древней Греции, никогда еще с такой остротой и глубиной не ставилась эта проблема» [Бердяев, 1933: 31].

Человек не мог не породить науку и технический мир. Обладая разумом и волей, он не может просто адаптироваться к окружающей среде, подобно животным, он творит, по определению К. Маркса, «вторую, искусственную природу». Однако наука и техника в сущности своей амбивалентны, и насколько они способны обезличивать человека, провоцируя современный манкуртизм, зависит уже от самого человека, свободная целенаправленная деятельность которого выступает субъективным фактором истории [См.: Маслобоева, 2015]. Бердяев в этой связи утверждает: «Бесспорно, если техника создала капитализм, то она же может способствовать преодолению капитализма и созданию иного, более справедливого социального строя. Она может стать могущественным орудием в решении социального вопроса. Но в этом случае все будет зависеть от того, какой дух победит, какого духа будет человек» [Бердяев, 1933: 33].

Такого рода понимание соотношения научно-технологической и собственно духовной сторон человеческой активности было заложено с детски гениальной непосредственностью уже в осевое время. Сократ был первым, кто интуитивно осознал историческую потребность в становлении науки как относительно самостоятельного элемента

культуры, совершив тем самым переворот в философии и культуре в целом. Выступив таким образом «повивальной бабкой» науки, на основе той же интуиции Сократ предмет своей философии делает добродетели человеческой души как противоядие от возможных негативных последствий развития науки в дальнейшем в силу ее амбивалентности. Эволюция науки от эпохи к эпохе приводит к ее профессионализации в Новое время, благодаря чему подготавливается промышленный переворот и переход от классической науки к современной, сопровождаемой гораздо более изощренной технологической активностью человека.

Рефлексивность философской мысли помогает ей прогностически реагировать на назревающие перемены в социальной практике. Со всей очевидностью накануне промышленной революции эту способность демонстрирует И. Кант как родоначальник философской школы, представители которой нацелены на осмысление изменения места человека в мире в связи с начавшейся индустриализацией. Кант при этом осуществляет очередной ренессанс в человеческой истории, воспроизводя сократовский переворот на качественно новом уровне. Он разворачивает философскую мысль и культуру в целом от теории субстанции (чем по-своему занимались досократики, разрабатывая проблему первоначала) к теории субъекта. Теория субстанции воплощала созерцательный подход к пониманию места человека в мире как своего рода визитную карточку всей классической философии традиционной (доиндустриальной) культуры. Теория субъекта как активного самостоятельного начала вводит в контекст глобализирующегося ответственного отношения человека к миру, ядро которого составляет мораль или, говоря сократовским языком, добродетели человеческой души.

Индустриализация социальной практики в течение XIX в. приводит к научной революции рубежа XIX-XX вв., которая еще более усугубит ответственность социального субъекта за собственные деяния. На эту качественно новую трансформацию места человека в мире прогностически отреагировал «московский Сократ». Такой титул присвоен в истории философской мысли Николаю Федоровичу Федорову — основоположнику философии русского космизма. Ему удалось, стоя на плечах своих предшественников, как энциклопедически образованному человеку, наиболее фундаментально отразфлексировать технологический актуализм как атрибут человека, раскрыв проективную сущность человеческой деятельности.

В принципиально новых исторических условиях, творчески продуктивно снимая кантовскую трансцендентальную концепцию, Н. Ф. Федоров обоснованно утверждает: «За трансцендентальной аналитикой должна следовать не одна трансцендентальная диалектика (как отрицание разрушенной метафизики с ее умозрениями о Боге, природе и духе, т.е. теология, космология и психология), а с безусловной необходимостью должна следовать *имманентная синтетика или проектика*, всеобщая и необходимая» [Федоров, 1995, Т. II: 94]. Атрибутивность проективного алгоритма человеческой

деятельности была в дальнейшем обоснована в психологии во второй половине XX в., прежде всего, школой Д. Н. Узнадзе в теории первичной установки, а затем экстраполирована на теорию целостной установки личности [Узнадзе, 2001].

Однако не сам по себе энциклопедический интеллектуализм, которым обладал Н. Ф. Федоров, а его жизненная укорененность в отечественную культуру, прежде всего, в дух православия как сердечную открытость Богу без всякого схоластически рационального обоснования веры в Него, позволили «московскому Сократу» в полной мере воспринять потенциал мировой и русской историко-философской мысли применительно к своему времени. Он не только осознал проективную сущность человеческой деятельности, но и разработал философско-антропологический проект, который по сути нацелен на преодоление манкуртизма в современной социальной практике [Маслобоева, 2020]. Животворящий принцип соборности, имманентный русской культуре, положен в основание его проекта, названного его учениками и последователями «философией Общего дела»: «Жить нужно не для себя (эгоизм) и не для других (альтруизм), а со всеми и для всех; это и есть объединение живущих (сынов) для воскрешения умерших (Отцов)» [Федоров, 1982:166].

Как же возможно так жить? Посредством развития адекватного самосознания, укорененного в собственной идентичности, что достижимо на основе открытости и сердечной заинтересованности по отношению к другим идентичностям, к иным личностным индивидуальностям. Это востребованная сегодня, как никогда ранее, практика этики «героического энтузиазма» Дж. Бруно в форме безграничной любви к бесконечному разнообразию форм жизни и национально-культурных идентичностей. Как только человек, будучи социальным субъектом, начинает исходить в своей деятельности из позиции собственной исключительности и знать не хочет богатств иных национальных культур, вырастает национализм, который как раковая опухоль необратимо разрастается в нацизм, слепо убежденный, что уничтожение иной национальной культуры и в первую очередь ее языкового фундамента – путь к собственному процветанию. Однако правда жизни, как это уже продемонстрировала социальная практика, заключается в том, что нацизм есть извращение национального самосознания и утрата подлинной идентичности. Если эту болезнь не лечить, это путь национального самоуничтожения. Если не останавливать экспансию какого бы то ни было нацизма, то это чревато самоуничтожением человеческой цивилизации в принципе.

Н. Ф. Федоров писал о смертельной опасности подчинения слепой силе первозданной природы: «Все бедствия, не только физические, но и нравственные, суть естественные последствия подчинения слепой силе, на счет которой мы живем; ибо, повинаясь влечениям слепой, чуждой, неподобной, хотя и в нас самих живущей, силы, станем врагами себе подобных и даже самых близких [Федоров, 1982:163]. Сколь же

усугубляется ситуация, становясь противоестественной вдвойне, когда человек одержим фанатичной слепотой относительно собственной социальной природы.

Воплощение адекватной развитости самосознания в федоровском проекте обосновывается посредством актуализации приобщенности к вечности во времени и бесконечности в пространстве. «Московский Сократ» творчески продуктивно воспринял от Канта его открытие пространства – времени как априорных форм чувственности, т. е. умозрительное понимание релятивности пространства-времени как внутренней структурной динамики человеческой активности. Преодолеть фатум смерти как препятствие на пути приобщения к вечности – целевая заданность федоровского проекта, исходящая из долга – ответственности перед отцами-предками. Эта цель органично включает в себя задачу преодолеть ограниченность земного бытования человека посредством освоения космических пространств.

Сколь бы фантастическим ни представлялся проект Н.Ф. Федорова, однако он уже отчасти воплощен на практике. В своем проекте «московский Сократ» концептуально обоснованно прогнозировал закономерную необходимость выхода человека в космос и то, что эту миссию человечества воплотит богатырский русский характер: «Ширь Русской земли способствует образованию подобных характеров; наш простор служит переходом к простору небесного пространства, этого нового поприща для великого подвига» [Федоров, 1982: 358]. Стоит подчеркнуть, что в подобном обосновании нет никакого национализма: речь идет о миссии – ответственности перед человечеством в целом, которая обусловлена хронотопом русской культуры, а именно ее исторической молодостью и евразийскими просторами. Символом воплощения космической миссии стала открытая гагаринская улыбка, а отнюдь не пресловутые звездные войны. И еще один символический факт: Н. Ф. Федоров является незаконнорожденным сыном графа Павла Ивановича Гагарина. По этой причине 12 апреля 1961 г. во Франции газеты вышли с заголовками «Два Гагарина». В нашей стране в советский период имя Н. Ф. Федорова и его проект замалчивались в силу атеистической идеологии. И это тоже наша история, наш социальный опыт. Основоположник философии русского космизма предупреждал человечество в целом: «Если не будет естественного, реального перехода в иные миры, будут фантастические, экстатические хождения, будут упиваться наркотиками; да и самое обыкновенное пьянство в большинстве случаев можно, по-видимому, отнести к тому же недостатку более широкой, чистой, всепоглощающей деятельности...» [Семёнова, Гачева (ред.), 1993: 72].

Федоровский проект в поле «всепоглощающей деятельности» включает и приобщение к вечности как победу над фатумом смерти. Подобную задачу на основе достижений научных технологий ставит сегодня и трансгуманизм [Прайд, Коротаев (ред.), 2008]. Однако данный проект является односторонне технократическим, что очень наглядно выражено в исходном документе этого течения мысли – Кибернетическом

манифесте, в котором выражается претензия кибернетики на роль философии и морали [Турчин, Джослин]. Целевая модель кибернетического бессмертия обозначается как эволюционная пирамида, вершину которой составляют интегрированные в сверхсущество личности, «большинство же останется в состоянии “человеческого планктона”» (пункт 17), и ему уготована участь «примитивных организмов». Таким образом, манкуртизм является необходимой составляющей технократического проекта трансгуманизма.

Проект «Общего дела» Н. Ф. Федорова, естественно вырастающий из внутренней логики развития мировой и отечественной философской мысли, «протезному» прогрессу противопоставляет «органический прогресс», поскольку решение задачи достижения бессмертия базируется на синергии (в терминологии Федорова, на синтезе) науки, религии, морали и искусства в контексте философской рефлексивности смысла человеческой жизни. В античности как «осевом времени» человеческой истории была заложена синкретичность всех элементов культуры, представляющая собой органическое единство неразвитых еще элементов. Дальнейшая эволюция культуры от эпохи к эпохе способствовала их дифференциации и нарастанию эффективности их функционирования. С начала индустриальной эпохи назрела потребность в синергии, прежде всего, всех основных элементов духовной культуры, чтобы сверхсистемный эффект данной синергии породил тот самый дух человека и общества, о необходимости победы которого писал Н. А. Бердяев и от которого зависит, обуздает ли «нравственный Ахиллес» «технологическую черепаху» [См. Попова, 2014] или погибнет под ее мощнейшими колесами. Философско-антропологический проект русского космизма явился откликом на назревшую историческую потребность. В связи с чем Н. А. Бердяев дал следующую оценку проекту основоположника философии русского космизма: «Н. Федоров один из немногих в истории христианской мысли, почти единственный, который преодолел пассивное понимание апокалипсиса... Эсхатология Н. Федорова отличается и от обычной христианской эсхатологии, и от эсхатологии современной техники, религии машинизма» [Бердяев, 1933: 32-33].

Воспроизводя сократовский переворот «осевого времени» на качественно новом уровне, «первый Гагарин», подобно Сократу, во главу угла ставит мораль, отразив это в самом названии своего проекта – «Супраморализм или Всеобщий синтез», включающий в себя: «Синтез двух разумов (теоретического и практического) и трех предметов знания и дела (Бог, человек и природа, из которых человек является орудием божественного разума и сам становится разумом вселенной), а вместе и синтез науки и искусства в религии, отождествляемой с Пасхой как великим праздником и великим делом [Федоров, 1995, Том I: 338].

Имманентным содержанием философско-антропологического проекта «первого Гагарина» выступает космическая педагогика, самоцель которой в развитии космического самосознания. Стратегия достижения этой цели лежит через осознание духовного

единения со своей семьей, Родиной, человечеством и, наконец, Вселенной. Следует отметить, что, начиная с творчества А. Н. Радищева, доминантной установкой деятелей российской культуры XIX в. было отождествление своей судьбы с судьбой Родины и, как логичная экстраполяция этой установки, отождествление судьбы Родины с судьбой человечества. Как отмечал один из первых теоретиков космической педагогики Константин Николаевич Вентцель, космический уровень самосознания не позволяет допустить, чтобы любовь к родине превращалась «в кичливое национальное самохвальство, в драчливый национализм и пошлый шовинизм» [Вентцель].

Основной инструмент развития самосознания – это приобщение к исторической памяти: семейной, отечественной, общечеловеческой. Поэтому основоположник философии русского космизма в своем проекте уделяет существенное внимание музейному делу, требующему разрешения противоречия между музеем «в смысле почтения» и музеем «в смысле презрения». В связи с чем Н. Ф. Федоров пишет: «Прогресс, правильнее сказать, борьбу, поставляющую столько жертв музею, избавляющему сдаваемое в него от небратской деятельности, можно было бы не считать носящею боль и смертоносною, если бы каждое произведение не имело своего автора-творца и если бы прогресс не был вытеснением живого. Но прогресс есть именно производство мертвых вещей, сопровождаемое вытеснением живых людей; он может быть назван истинным, действительным адом, тогда как музей, если и есть рай, то еще только проективный, так как он есть собрание под видом старых вещей (ветоши) душ отшедших, умерших. Но эти души открываются лишь для имеющих душу. Для музея человек бесконечно выше вещи; ... для фабричной цивилизации и культуры вещь выше человека. Музей есть последний остаток культа предков... Выше ветоши, сохраняемой в музеях, только самый прах, самые останки умерших, как и выше музея – только могила...» [Федоров, 1995, Т. II: 371]. Поэтому и победа над фатумом смерти включает в себя воскрешение ушедших поколений: «Возвращение праху (разрушенным телам) жизни, сознания, души есть высшая ступень, или степень способности, знания и воли, управления и самоуправления. ... только тогда жизнь и получит высшую гарантию, тогда начнется и эстетическая жизнь в смысле творческой и антагонизм между человеческим и Божественным окончится. ... Только чрез регуляцию материи и дух одержит полную победу над плотью, победу общую, а не частную, неполную, бесплодную, какая возможна в настоящее время» [Федоров, 1982: 186].

Глобализация человеческой деятельности, начавшаяся с промышленной революции рубежа XVIII-XIX вв. и усугубляющаяся в ходе научной революции рубежа XIX-XX вв., радикально преодолевает ограниченность активности социального субъекта в пространственно-временных координатах. В этой связи Н. Ф. Федоров ставит диагноз своей эпохе: «Мы переживаем критическое, роковое время: нам надо решать вопрос о свободе!» [Федоров, 1995, Т. II: 78] И впервые в истории культуры им разрабатывается

не концепция свободы, а проект ее реализации в масштабах вечности и бесконечности, что подразумевает самореализацию человека в роли «субстанциального деятеля» [См. Лосский, 1991]: «Конечная цель жизни существ разумных в том, чтобы сделаться начальной причиной самих себя и этим уподобиться первоначальной причине, Божественной Первопричине» [Федоров, 1995, Т. II: 78]. Достижение проективного уровня философской рефлексивности глубочайшего смысла человеческой жизни стало возможным благодаря актуализации накопленного потенциала философской культуры мышления в истории мировой и отечественной мысли. Поэтому если современное общество и государство хочет продвигать манкуртизм в социальной практике, то наиболее эффективная стратегия достижения данной цели заключается в том, чтобы и далее сокращать курс философии в угоду подготовки узко специализированных профессионалов, продолжать пренебрегать преподаванием отечественной философии, которая в принципе несет основную ответственность за развитие самосознания родной культуры.

Усиление курса отечественной истории в настоящий момент – это весьма позитивный и обнадеживающий тренд. Пока не до конца очевидна перспектива воплощения нового курса «Основы российской государственности» в силу его междисциплинарности и стремления различных кафедр пополнить свой почасовой фонд. Мудрость решения относительно введения данного курса с мировоззренческой доминантой и возложения основной ответственности на кафедры философии требует своего компетентного воплощения. Все эти шаги в сфере образования – свидетельство возрастающей роли самосознания социального субъекта и его мировоззренческой зрелости.

Выводы. Угроза манкуртизма в современной исторической ситуации проявляет себя не только в ущемлении социогуманитарного сектора в образовании, в незаметно обволакивающем нас духе потребительства посредством все более изощренных технологий, но в то же время утверждает себя грубо и прямолинейно в объявлении избирательной «культуры отмены» («культуры исключения»); в фейковых новостях, выдающих кривду за правду; в «радужном» подрыве самоидентификации детства; в стремлении манипулировать целыми странами в угоду собственным интересам, исходя из убежденности в собственной исключительности и вседозволенности.

Определяющую роль в том, какой дух возобладает в человеке и обществе в целом: дух манкуртизма или дух творчества, присущий личностной индивидуальности с развитым самосознанием и зрелым мировоззрением, – играют применяемые социальные технологии. Исходящие сегодня от Запада попытки предать историческую память о Второй мировой войне, об истинной роли Советской Армии в победоносном ее завершении, объявление отмены русской культуры, как выясняется, имеют глубокие корни в форме вполне отчетливо артикулируемой установки власть имущих деятелей на Западе. Сегодня в сети цитируются слова первого президента ВОЗ Брока Чисхолма: «"Чтобы прийти к мировому правительству, необходимо изгнать из сознания людей их

индивидуальность, привязанность к семейным традициям, национальный патриотизм и религиозные догмы. Уничтожение понятий истины и лжи, которые являются основой воспитания ребенка, замена веры в опыт старших рациональным мышлением – вот запоздалые цели, ... потребные для изменения человеческого поведения» [ВОЗ].

Некто Медет Есимханов, главный редактор русскоязычной версии Factcheck.kz, изучающий международные отношения и государственную политику, пытается опровергнуть аморальный и явно асоциальный смысл этой цитаты, которая, по его утверждению, именно в такой редакции не существует. Для этого он приводит ряд развернутых цитат из опубликованных лекций Брока Чисхолма. Но получается ровно наоборот: приводимые цитаты только усугубляют степень аморальной и асоциальной извращенности той программы изменения человеческого поведения, которую продвигал этот психиатр, облеченный существенной публичной властью. Приведем только одну цитату из лекций Брока Чисхолма: «Единственный наименьший общий знаменатель всех цивилизаций и единственная психологическая сила, способная производить эти извращения (войны) – это мораль, концепция правильного и неправильного, яд, давно описанный и предупрежденный как “плод древа познания добра и зла”» (из книги Джона Фарли «Брок Чисхолм, Всемирная организация здравоохранения и Холодная война») [ВОЗ]. Брок Чисхолм явно извращает смысл библейского сюжета о грехопадении, а естественно впитываемые с молоком матери нравственные представления о добре и зле, причем в их общечеловеческом содержании, объявляются причиной войн.

С другой стороны, не может не радовать, что среди власть имущих специалистов есть и те, кто осознает значимость развитого самосознания. Так, например, профессиональный экономист первый вице-премьер Андрей Белоусов акцентированно подчеркивает важность для каждой страны, стремящейся обладать суверенностью, наличие собственной самости. Что подразумевается под этой самостью, он проясняет следующим образом: «У нас нет другого варианта для нашей страны, кроме как обрести или воспроизвести эту самость. Говорят, у нас есть огромные ресурсы, у нас есть талантливое население. Это все правда. <...> Но самое главное необходимое условие для нашей самости – это огромная культура. У нас есть собственный культурный код. <...> Вот это наш главный ресурс, нам надо его вытащить. Нам надо, чтобы люди почувствовали, что они являются носителями этого культурного кода. Через механизмы, через патриотизм, через воспитание людей, через опыт отцов и дедов. <...> Если мы эту задачу решим, то задачи экономики вторичны» [Андрей Белоусов].

Возвращаясь к эпиграфу данной статьи, важно в ее заключении выразить солидарную с Н. Ф. Федоровым убежденность: «Истинная нравственность не должна считать зло неистребимым, а благо недоступным» [Федоров, 1982: 434].

Список источников

Айтматов Ч. И дольше века длится день. М.: Издательство АСТ, 2023. 416 с.

Андрей Белоусов: «Ядро устроено не из экономики, оно устроено из смыслов». РБК (rbc.ru). Дата обращения: 02.06.2023. URL: <https://www.rbc.ru/business/13/06/2023/6482d3389a79473805ee8978?ysclid=ljzptnwj658164437>.

Бердяев Н. А. Человек и машина (проблема социологии и метафизики техники) // *Путь*. 1933. № 38. С. 3-37.

Вентцель Константин Николаевич // Википедия (wikipedia.org). Дата обращения: 02.06.2023. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>.

ВОЗ, Даллес, Рокфеллер, мировое правительство и контроль роста населения — разбор теории заговора / Фактчек (factcheck.kz). Дата обращения: 02.06.2023. URL: <https://factcheck.kz/false/voz-dalles-rokfeller-mirovov-pravitelstvo-i-kontrol-rosta-naseleniya-razbor-teorii-zagovora?ysclid=ljzpf01140891889237>.

Лосский Н. О. Мир как органическое целое // *Лосский Н. О. Избранное*. М.: Правда, 1991. С. 337-480.

Маслобоева О. Д. Философия для студентов экономических вузов. СПб.: Питер, 2006. 336 с.

Маслобоева О. Д. Тайна субъективного фактора истории // *Творчество как национальная стихия: опыт России и Украины*. Сборник статей. Под ред. Г. Е. Аляева, О. Д. Маслобоевой. СПб.: Издательство СПбГЭУ, 2015. С. 17-26.

Маслобоева О. Д. Методология проективного мышления в учении Н. Ф. Федорова // *Соловьевские исследования*. 2020. № 3 (67). С. 48 — 61.

Новые технологии и продолжение эволюции человека? Трансгуманистический проект будущего / Отв. ред. В.

Прайд, А. В. Коротяев. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 320 с.

Попова О. В. Феномен «голої жизни» в контексте конструирования смерти человека // *Психология и психотехника*. 2014. № 8 (71). С. 830-837. DOI: 10.7256/2070-8955.2014.3.11429.

Русский космизм: Антология философской мысли / Сост. С. Г. Семенова, А. Г. Гачева. М.: Педагогика-Пресс, 1993. 368 с.

Турчин В., Джослин К. «Кибернетический манифест» / Сайт С. П. Курдюмова "Синергетика" (spkurdyumov.ru). Дата обращения: 02.06.2023. URL: <https://spkurdyumov.ru/philosophy/kiberneticheskij-anifest/?ysclid=ljnxgbxzb963789097>

Узнадзе Д. Н. Психология установки. СПб.: Питер, 2001. 416 с.

Федоров Н. Ф. Философия общего дела // *Федоров Н. Ф. Сочинения*. М.: Мысль, 1992. С. 51-441.

Федоров Н. Ф. Супраморализм, или всеобщий синтез (т. е. всеобщее объединение) // *Федоров Н. Ф. Собрание сочинений: В 4-х тт. Том I*. М.: Прогресс, 1995. С. 388-441.

Федоров Н. Ф. В чем свобода? // *Федоров Н. Ф. Собрание сочинений: В 4-х тт. Том II*. М.: Прогресс, 1995. С. 77-78.

Федоров Н. Ф. К вопросу о двух разумах // *Федоров Н. Ф. Собрание сочинений: В 4-х тт. Том II*. М.: Прогресс, 1995. С. 94.

Федоров Н. Ф. Музей, его смысл и назначение // *Федоров Н. Ф. Собрание сочинений: В 4-х тт. Том II*. М.: Прогресс, 1995. С. 370 - 437.

Ясперс К. Смысл и назначение истории. Пер. с нем. 2-е изд. М.: Республика, 1994. 527 с.

References

Aytmatov, Ch. (2023) I dol'she veka dlitsya den' [And the day lasts longer than a century]. Moscow, AST: 416. (In Russ.)

Andrey Belousov: «Yadro ustroyeno ne iz ekonomiki, ono ustroyeno iz smyslov» [Andrey Belousov: "The core is not made of economics, it is made of meanings"]. RBC (rbc.ru). Date of access 02.06.2023. URL: <https://www.rbc.ru/business/13/06/2023/6482d3389a79473805ee8978?ysclid=ljzptnwj658164437>. (In Russ.)

Berdyayev N. A. (1933) Chelovek i mashina (problema sotsiologii i metafiziki tekhniki) [Man and machine (the problem of sociology and metaphysics of technology)]. *Put'* [Way], (38): 3-37. (In Russ.)

Fedorov, N. F. (1992) Filosofiya obshchego dela [Philosophy of the common cause]. *Fedorov N. F. Sochineniya* [Essays]. Moscow, Mysl': 51- 441. (In Russ.)

Fedorov, N. F. (1995) Supramoralizm, ili vseobshchiy sintez (t. ye. vseobshcheye ob'yedineniye) [Supramoralism, or universal synthesis (i.e. universal unification)]. *Fedorov N. F. Sobraniye sochineniy* [Collected works]: V 4-kh tt. Tom I. Moscow, Progres: 388-441. (In Russ.)

Fedorov, N. F. (1995) V chem svoboda? [What is freedom?] *Fedorov, N. F. Sobraniye sochineniy* [Collected works]: V 4-kh tt. Tom II. Moscow, Progress: 77-78. (In

Russ.)

Fedorov, N. F. (1995) K voprosu o dvukh razumakh [On the question of two minds]. *Fedorov, N. F. Sobraniye sochineniy* [Collected works]: V 4-kh tt. Tom II. Moscow, Progress: 94. (In Russ.)

Fedorov, N. F. (1995) Muzey, yego smysl i naznacheniyе [The museum, its meaning and purpose]. *Fedorov, N. F. Sobraniye sochineniy* [Collected works]: V 4-kh tt. Tom II. Moscow: 370-437. (In Russ.)

Losskiy, N. O. (1991) Mir kak organicheskoye tseloye [The world as an organic whole]. *Losskiy N. O. Izbrannoye* [Favorites]. Moscow, Pravda: 337-480. (In Russ.)

Masloboyeva, O. D. (2006) Filosofiya dlya studentov ekonomicheskikh vuzov [Philosophy for students of economic universities]. Saint Petersburg, Piter: 336. (In Russ.)

Masloboyeva, O.D. (2015) Tayna sub'yektivnogo faktora istorii [The mystery of the subjective factor of history]. *Tvorchestvo kak natsional'naya stikhiya: opyt Rossii i Ukrainy*. Sbornik statey [Creativity as a national element: the experience of Russia and Ukraine.]. Pod red. G. YE. Alyayeva, O. D. Masloboeyevoy. Saint Petersburg, Izdatel'stvo SPBGEU: 17-26. (In Russ.)

Masloboyeva, O. D. (2020) Metodologiya proyektivnogo myshleniya v uchenii N.F. Fedorova [Methodology of

projective thinking in the teaching of N. F. Fedorov]. *Solov'yevskiyе issledovaniya* [Solovyov Studies], 3 (67): 48-61. (In Russ.)

Novyye tekhnologii i prodolzheniye evolyutsii cheloveka? Transgumanisticheskiy proyekt budushchego [New technologies and the continuation of human evolution? Transhumanistic project of the future] (2008) / Otv. red. V. Prayd, A. V. Korotayev. Moscow: 320. (In Russ.)

Popova, O. V. (2014) Fenomen «goloy zhizni» v kontekste konstruirovaniya smerti cheloveka [The phenomenon of "naked life" in the context of the construction of human death]. *Psikhologiya i psikhotehnika* [Psychology and Psychotechnics], 8 (71): 830-837. DOI: 10.7256/2070-8955.2014.3.11429. (In Russ.)

Russkiy kosmizm: Antologiya filosofskoy mysli [Russian Cosmism: An Anthology of Philosophical Thought] (1993). Sost. S. G. Semenova, A. G. Gacheva. Moscow, Pedagogika-Press:368. (In Russ.)

Turchin, V., Dzhoslin, K. «Kiberneticheskiy manifest» / *Sayt S.P. Kurdyumova "Sinergetika"* ["Cybernetic manifesto"

/ S. P. Kurdyumov's website "Synergetics"] (spkurdyumov.ru). Date of access 02.06.2023. URL: <https://spkurdyumov.ru/philosophy/kiberneticheskiy-manifest/?ysclid=ljnxgbxzbv963789097>. (In Russ.)

Uznadze, D. N. (2001) *Psikhologiya ustanovki* [Psychology of installation]. Saint Petersburg, Piter: 416. (In Russ.)

Venttsel', Konstantin Nikolayevich. *Vikipediya* (wikipedia.org). URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Venttsel'>

VOZ, Dalles, Rokfeller, mirovoye pravitel'stvo i kontrol' rosta naseleniya — razbor teorii zagovora [WHO, Dulles, Rockefeller, world government and population growth control — analysis of the conspiracy theory] / *Faktchek* (factcheck.kz). Date of access 02.06.2023. URL: <https://factcheck.kz/false/voz-dalles-rokfeller-mirovoe-pravitel'stvo-i-kontrol-rosta-naseleniya-razbor-teorii-zagovora/?ysclid=ljzfo1140891889237>. (In Russ.)

Yaspers, K. (1994) *Smysl i naznacheniyе istorii* [The meaning and purpose of the story]. Per. s nem. 2-e izd. Moscow, Respublika: 527. (In Russ.)

© Маслобоева О.Д., 2023

Маслобоева Ольга Дмитриевна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Санкт-Петербургского государственного экономического университета. Контактные данные: 191023, Россия, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 30-32 (Russia, St. Petersburg, nab. Griboyedov Canal, 30-32). E-mail: masloboeva.o@inbox.ru.

Статья поступила в редакцию: 19.06.2023.

УДК 378.016

Рябов Анатолий АркадьевичСанкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия
ranspb@yandex.ru, AuthorID: 425282, ORCID: 0000-0002-3141-6514**«ЧТО РАЗУМНО, ТО ДЕЙСТВИТЕЛЬНО, И ЧТО
ДЕЙСТВИТЕЛЬНО, ТО РАЗУМНО»: ИСТОРИЯ, СМЫСЛЫ И
СУДЬБА ОДНОЙ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ ИДЕИ ФИЛОСОФИИ**

Целью данной статьи является концептуальный и историко-философский анализ содержания, интерпретаций и критики парадоксальной идеи Г. Гегеля о разумности действительности - идеи, составляющей суть его системы абсолютного объективного идеализма. В процессе этого анализа было выявлено четыре основных направления в интерпретациях содержания и понимании современных перспектив этой идеи, представленных в трудах ведущих мыслителей XIX - XXI веков. При написании работы широко используются историко-контекстуальная и герменевтическая методология, а также системно-структурный и сравнительно-исторический методы. Основными источниками работы являлись главные произведения Г. Гегеля и оригинальные труды его ведущих оппонентов и единомышленников. Важную роль в подготовке статьи сыграли фундаментальные исследования по истории философии итальянских авторов Дж. Реале и Д. Антисери, английских мыслителей Б. Рассела и Фр. Коплстона, немецкого исследователя К. Лёвита и других. В статье доказывается, что эта главная и дискуссионная идея Г. Гегеля имеет глубокие и ярко выраженные историко-философские корни - «панлогизм» Парменида и Спинозы, «диалектика» Гераклита и детерминизм Демокрита, Кузанского и Спинозы. Однако ее главными философскими источниками являются метафизика Аристотеля и теологическая онтология схоластики, дополненные рационализмом Нового времени и Просвещения с их культом Разума, оказавшим на Гегеля определяющее влияние. Вместе с тем в античности (мисологизм), в ранней средневековой апологетике («Верю, ибо Абсурдно») и в эстетике романтизма Просвещения закладываются основы альтернативного Г. Гегелю иррационализма XIX-XX веков. Его онтологической основой является фундаментальный Абсурд бытия, связанный с экзистенциалистским «бытием к смерти». В XXI веке противостояние двух этих интенций философского сознания достигает своего апогея. Таким образом, в работе проанализированы содержание и основные смыслы идеи Г. Гегеля о становящейся и усиливающейся разумности действительности (нашего мира). В ходе этого анализа выявлены и рассмотрены альтернативные ей подходы и направления, дана оценка ее историко-философской и теологической критики. В заключении сделаны выводы о неоднозначности и дискуссионности современного триумфа Разума в свете возможных негативных перспектив и тенденций будущего развития человечества.

Ключевые слова: разум, смысл, действительность, возможность, необходимость, бытие, сущность, существование, реальность, цель, случайность, становление, абсурд.

“

Рябов А.А. «Что разумно, то действительно, и что действительно, то разумно»: история, смыслы и судьба одной фундаментальной идеи философии // Язык. Коммуникация. Общество: Электронный научный журнал. 2023. № 3 (3). С. 88-106.

Riabov Anatoly ArkadievichSt. Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia
ranspb@yandex.ru, AuthorID: 425282, ORCID: 0000-0002-3141-6514

«WHAT IS REASONABLE IS REAL; AND WHAT REALLY IS REASONABLE»: HISTORY, MEANINGS AND FATE OF ONE FUNDAMENTAL IDEA OF PHILOSOPHY

The purpose of this article is a conceptual and historical-philosophical analysis of the content, interpretations and criticism of G. Hegel's paradoxical idea about the rationality of reality – an idea that constitutes the essence of his system of absolute objective idealism. Four main directions were identified in the interpretation of the content and understanding of the modern perspectives of this idea, presented in the works of the leading thinkers of the nineteenth and twenty-first centuries. Historical-contextual and hermeneutic methodology, as well as system-structural and comparative-historical methods are widely used in the work. The main sources of the work were the main works of G. Hegel and the original works of his leading opponents and like-minded people. An important role in the preparation of the article was played by fundamental research on the history of philosophy by the Italian authors J. Reale and D. Antiseri, the English thinkers B. Russell and Fr. Copleston, German researcher K. Loewit and others. The article proves that this main and debatable idea of G. Hegel has deep historical and philosophical roots – the “panlogism” of Parmenides and Spinoza, the “dialectics” of Heraclitus and the determinism of Democritus, Cusansky and Spinoza. However, its main philosophical sources are the metaphysics of Aristotle and the theological ontology of scholasticism, supplemented by the rationalism of the New Age and the Enlightenment with their cult of Reason, which had a decisive influence on Hegel. At the same time, in antiquity (misologism), in early medieval apologetics (“I believe, because it is absurd”) and in the aesthetics of the romanticism of the Enlightenment, the foundations of an alternative to Hegel's irrationalism of the 19th-20th centuries were laid. Its ontological basis is the fundamental Absurdity of being associated with the existentialist “being towards death”. In the 21st century, the confrontation between these two intentions of philosophical consciousness reaches its climax. Thus, the content and main meanings of G. Hegel's idea about the becoming and increasing reasonableness of reality (our world) are analyzed in the work. Alternative approaches and directions are identified and considered, its historical-philosophical and theological criticism is assessed. In conclusion, conclusions were drawn about the ambiguity and debatability of the modern triumph of Reason in the light of possible negative prospects and trends in the future development of mankind.

Keywords: mind, meaning, reality, possibility, necessity, being, essence, existence, reality, goal, accident, becoming, absurdity.

Riabov A.A. «What is reasonable is real; and what really is reasonable»: history, meanings and fate of one fundamental idea of philosophy. Language. Communication. Society: Digital scientific journal. 2023. 3 (3): 88-106.

*Вы профессор, воля ваша, что-то нескладное придумали.
Оно может и умно, но больно непонятно.
Над вами потешаться будут.*

М. А. Булгаков

Постановка проблемы. Эта фраза Воланда из романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» столь реально, но нелестно, характеризующая философию И. Канта, по мнению многих, в том числе и современных постмодернистских мыслителей, с еще большим основанием может быть отнесена к философии Г. Гегеля. Но, что интересно, «потешаться» над его идеями и выводами будут не только люди, не отягощенные философским знанием, но и некоторые философы-профессионалы, видные представители

новой и новейшей философии. Достаточно в связи с этим вспомнить о радикально негативном отношении как к самому Г. Гегелю, так и к его пониманию мира и истории со стороны С. Кьеркегора и А. Шопенгаура, об издевательских и потешных «уравнениях» и «силлогизмах» разумности действительности у К. Поппера и Б. Рассела, о «смешной диалектической «комедии *Aufhebung*» и т.п. у Ж. Деррида, Ж. Делеза, Ж. Батая и их коллег-постмодернистов [Деррида, 2000: 318-325]. Как уже становится понятным, не последнее место в этом «смеховом» дискурсе занимает и вынесенная в заголовок экстравагантная идея Г. Гегеля о «разумной» действительности мира. А между тем, три года назад, в 2020 году, этой фундаментальной, но одновременно весьма дискуссионной формуле, являющейся по сути квинтэссенцией всей гегелевской системы, «исполнилось» уже 200 лет. В этом же году «все прогрессивное человечество» довольно скромно (видимо, по причине разразившейся пандемии), отметило 250-летие со дня рождения её автора, по мнению абсолютного большинства «разумных» людей, одного из величайших мыслителей мира - Георга Вильгельма Фридриха Гегеля. Поэтому не удивительно, что одна из немногих международных конференций, посвященных этой дате, проходила под неожиданно характерным и категоричным лозунгом: «Гегель – навсегда!» [Муравьев (ред.), 2020]. И хотя обоснование этого лозунга в основном опиралось на мнение М. Хайдеггера (разумеется, весьма глубокое и убедительное), аналогичные выводы и заключения можно с легкостью найти у большинства ведущих мыслителей именно XX и XXI веков, вплоть до последних парадоксальных интуиций С. Жижека. В одной из своих последних книг с примечательным названием «Гегель в подключенном мозге» он писал: «Гипотеза настоящей книги состоит в том, что если XX век был в каком-то смысле не делезианским (см. суждение М. Фуко о Ж. Делёзе – *A.P.*), а марксистским, то XXI век будет гегельянским. Это притязание не может не выглядеть проявлением безумия – разве Гегелю есть место в нашей вселенной квантовой физики и эволюционной биологии, когнитивных наук и цифровизации, глобального капитализма и тоталитаризма? [но] <...> именно в качестве полностью «устаревшей», мысль Гегеля дает нам уникальную оптику для восприятия перспектив и угроз нашего времени» [Жижек, 2020: 6-7].

Актуальность этих дат, этой ключевой его формулы и, соответственно, всей философии Гегеля в нашей стране получает свое подтверждение и сегодня, спустя три года, когда один из ведущих отечественных философских журналов «Логос» посвящает новым перспективам аналитического прочтения Гегеля практически весь свой последний новейший номер [Логос (журн.), 2023].

История вопроса. Известно, что главным онтологическим принципом, лежащим в основе всей системы абсолютного объективного идеализма Г. Гегеля, является фундаментальный, восходящий еще к Пармениду и развитый Б. Спинозой, принцип тождества бытия и мышления (панлогизм). Именно из этого диалектически понятого начала,

в конечном счете, и вытекает *общесистемная* гегелевская идея о тотальной разумности мира. При этом, как справедливо подчеркивал А. Койре, критикуя «романтизацию» Гегеля в книге Ж. Валя (1929): «Нам кажется, что для истории философии <...> Гегель является в первую очередь автором “Науки логики”. Все, что ей предшествует, - даже “Феноменология духа”, получает свое значение лишь в свете “Логики”» [Руткевич, 2021: 84]. Однако в философии XX века, как правило, вместо того чтобы анализировать всю систему его абсолютного идеализма, «с легкой руки» В. Дильтея, опубликовавшего в 1905 году «Историю молодого Гегеля», а также многих видных мыслителей-аналитиков XX века, [Кожев, 2003; Лукач, 1987; Мотрошилова, 1984], главным предметом этого анализа становится исключительно «Феноменология духа». Но, по признанию самого Г. Гегеля (см. письмо к Шеллингу от 01. 05. 1807 г.), она является только введением в его философскую систему, главной ее «тайной и истоком» (Маркс). Впрочем, и в ней основной интерес для этих исследователей представляет, главным образом, знаменитая IV глава - «Истина достоверности самого себя» с её диалектикой «господина и раба», «свободы и несчастного сознания», «идеей смерти», «конца истории» и др. Конечно, уже в этой начальной, программной работе в главе V «Достоверность и истина разума» мы непосредственно встречаемся с «Претворением разумного самосознания в действительность им самим», т.е. с пониманием истории как становящимся настоящим, как «настоящим настоящего, действительной действительностью, действительностью уразумевшейся и, стало быть, разумной» [Погоняйло, 2003]. Однако пока речь здесь идет, главным образом, о социально-историческом и антропологическом понимании разума как сознания и самосознания (см. будущие дилеммы «антропологизма», «онтологизма» и «эссенциализма» в последующих критических интерпретациях философии Гегеля). В своей окончательной, лапидарно-афористической форме принцип-идея о действительности разума и разумности действительности появляется значительно позже, как бы «невзначай», когда уже в целом вся система его философии была создана и завершена, в октябре 1820 года в знаменитом Предисловии к его работе «Философия права» (1821). Это Предисловие, помимо указанного факта, интересно и примечательно само по себе, в том числе своими исчерпывающими, но одновременно весьма спорными и парадоксальными определениями. Речь идет об определениях таких фундаментальных феноменов-понятий, как разум, действительность, сущее и должное, право и нравственность вплоть до романтически-парадоксальных определений самой философии, её специфики, целей и задач. С этого, последнего, по-видимому, и стоит начать.

«<...> С помощью философии, - утверждает Гегель, - мы приходим к пониманию того, что **действительна только идея**. Все дело в том, чтобы в **видимости временного и преходящего** познать **субстанцию**, которая имманентна, и **вечное**, которое присутствует в **настоящем**. <...> **Задача философии**, - продолжает он, - **постичь то, что есть, ибо то, что есть, есть разум**. Что же касается отдельных людей, то уж, конечно,

каждый из них *сын своего времени*; и философия есть также время, *постигнутое в мысли*. <...> Познать разум как розу на кресте современности и возрадоваться ей – это разумное понимание есть примирение с действительностью, которое философия дает тем, кто однажды услышал внутренний голос, требовавший постижения в понятиях и сохранения субъективной свободы не в особенном и случайном, а в том, что есть в себе и для себя» [Гегель, 1990: 54-55].

Далее, но с учетом того, что это относится все-таки к «философии права», следует очень важная, но одновременно весьма дискуссионная методологическая установка Гегеля о том, что, как и когда должна познавать философия и что она при этом делать не должна. Установка, восходящая к знаменитой и чрезвычайно актуальной именно в XX-XXI вв. кантовской проблеме - диалектике «сущего и должного», которая у Г. Гегеля, а в дальнейшем и у К. Маркса (см. «11-й тезис» о Л. Фейербахе) получает новое развитие и толкование.

«Данная работа, - писал Г. Гегель, - поскольку в ней содержится наука о государстве, будет попыткой постичь и изобразить государство как нечто разумное в себе. В качестве философского сочинения она должна быть дальше всего от того, чтобы конструировать государство таким, каким оно должно быть; содержащееся в нем поучение не может быть направленно на то, чтобы поучать государство, каким ему следует быть; его цель лишь показать, как государство, этот нравственный универсум должно быть познано. <...> Что же касается поучения, каким мир должен быть, то к сказанному выше можно добавить, что для этого философия всегда приходит слишком поздно. В качестве мысли о мире она появляется лишь после того, как действительность закончила процесс своего формирования и достигла своего завершения. То, чему нас учит понятие, необходимо показывает и история, - что лишь в пору зрелости действительности идеальное выступает наряду с реальным... Когда философия начинает рисовать своей серой краской по серому, тогда некая форма жизни стала старой, но серым по серому ее омолодить нельзя, можно только понять; сова Минервы начинает свой полет лишь с наступлением сумерек» [Гегель, 1990: 55-56]. Интересно, что один из студентов, не совсем согласившись с отождествлением философии с «совой Минервы», предложил Г. Гегелю свою, альтернативную версию: «Но философия, это также предрассветный крик петуха, возвещающий новую молодость мира». И, вроде бы, Г. Гегель даже одобрил ее [Гулыга, 1986: 326] (везде курсив Гегеля, выделено мной – *A.P.*).

Все эти классические, ныне широко известные, но отнюдь не очевидные положения, в конечном счете приводят Г. Гегеля к его парадоксальной формуле. Но при этом, разумеется, следует иметь в виду тот факт (нарративный контекст), что сама эта формула выводилась в связи с устойчивым недоразумением (как считал Гегель) по поводу отношения философии к действительности (см. вышеприведенные определения) на

примере платоновской республики: «<...> Платон проявил величие своего духа в том, что именно **тот принцип**, вокруг которого вращается отличительная особенность **его идеи**, и есть та ось, вокруг которой вращалось **тогда** предстоящее преобразование мира.

**Что разумно, то действительно;
и что действительно, то разумно.**

Этого убеждения придерживается каждое непосредственное сознание, как и философия; и **из этого убеждения философия** исходит в своем рассмотрении как *духовного*, так и *природного* универсума» [Гегель, 2990: 53-54] (курсив Гегеля, выделено мной - *A.P.*).

Не так давно известный отечественный специалист по немецкой культуре эпохи Просвещения А. В. Гулыга обнаружил и акцентировал любопытные исторические детали, проливающие свет на «мучительное» и противоречивое происхождение и дополнительные смыслы этой формулы. Согласно его информации, «в случайно найденной студенческой записи курса философии права 1817 г. студент-юрист Ваннеман записал за профессором следующие слова: «Что разумно, то неизбежно». <...> В записи курса 1818–1820 гг. <...> гегелевский афоризм выглядит также иначе: <...> «Что разумно, то станет действительным, что действительно, станет разумным». <...> И в том, и в другом курсе Гегель высказывается весьма радикально, говорит о «демократическом принципе», о «вынужденном праве», имея в виду право обездоленных на восстание. Все это исчезло из окончательного текста «Основ философии права», где местами содержится прямая апология прусской монархии» [Гулыга, 1986: 247, 326; Керимов (ред.), 1990: 14-15, 383, 498]. Заслуживает внимание и известная, но более чем спорная версия Г. Гейне, который утверждал, что якобы Гегель в разговоре с ним допускал и более радикальную формулировку: «Все, что разумно, должно быть». Позднее, но еще при жизни Гегеля, его ученик, последователь, издатель и видный юрист Э. Ганс в Дополнении к его лекциям 1828 г. **уже тогда** подчеркивал, что пояснить это положение тем более необходимо, что **«оно допускает искажения и нелепые упреки; оно принадлежит величайшему философу** нынешнего мира и гласит: *что действительно, то разумно, и что разумно, то действительно...* Для оправдания этого положения необходимо иметь в виду следующее: **действительность противоположна явленности, явленность есть случайное, действительное же в явлении есть то, что обладает мыслью**» (выделено мной - *A.P.*). [Гегель, 1990: 379-380]. Удивительно, но при этом, как мы видим, сам же этот «апологет» нарушает оригинальную последовательность положений этой формулы и тем самым существенно искажает подлинный смысл этой интуиции Гегеля. И это, как и все в философии, не тот случай, когда «от перестановки мест слагаемых сумма не меняется».

Иными словами, как видно из приведенных «уточнений», с этой формулой-идеей сразу, начиная с момента ее появления, возникли «проблемы», прежде всего, историко-контекстуальные и, собственно, «герменевтические»: как и что следует понимать, что имелось в виду. Соответственно, не замедлила себя ждать и реакция как реальной, но уже так называемой «неклассической» истории философии, так и реальной философии истории. Более того, естественным образом эта формула, как очевидная «провокация» и «лже-пророчество» (см. К. Поппер и А. Камю), буквально взорвала всю последующую философию XIX-XXI веков, и не только собственно европейскую, но в том числе формирующуюся русскую. Причем эта полемика, критика и негодование были настолько жесткими и непримиримо серьезными, что сам Гегель в конце жизни при переиздании в 1827-1830 годах итоговой «Энциклопедии философских наук» вынужден был вернуться к этому вопросу и в специальном примечании «безуспешно» попытался подробно объяснить, что означает эта формула и как следует ее понимать. Он по-своему раскрыл ее философский и религиозный смысл, но при этом сознательно сделал акцент на разъяснении именно понятия «**действительность**», а не «разумность», «опрометчиво», в духе времени - «Zeitgeist» - посчитав, что уж с этим-то последним феноменом, с этой доминантой эпохи Просвещения и так все ясно и очевидно. Для этого разъяснения здесь он уже использует такие фундаментальные категории онтологии, как «наличное бытие» («Dasein»), «явление», «случайность», «возможность», «должное» и «действительное» и др. «Эти простые положения, - пишет Гегель, - **многим показались странными и подверглись нападкам** даже со стороны тех, кто считает бесспорной свою осведомленность в философии и, уж само собой, разумеется, также в религии. ... **наличное бытие (Dasein) представляет собой частью явление и лишь частью действительность**. В повседневной жизни называют *действительностью* всякую причуду, заблуждение, зло и тому подобное, равно как и всякое существование, как бы оно ни было превратно и преходяще. Но человек, обладающий хотя бы обыденным чувством языка, **не согласится с тем, что случайное существование заслуживает громкого названия действительного; случайное есть существование, обладающее не большей ценностью, чем возможное, которое одинаково могло бы и быть, и не быть**» [Гегель, 1975: 89-90] (выделено мной – *A.P.*).

Но увы, эти «запоздалые» пояснения не помогли. Практически сразу один из самых жестких «первооткрывателей» и родоначальников этой критики Р. Гайм этих объяснений не принял и пренебрежительно, довольно едко и презрительно посоветовал эпигонам и апологетам Г. Гегеля упражняться по поводу этого его различения: «разумно-действительного» как истинного и необходимого и эмпирически «существующего» действительного как случайного и неистинного [Перов, 2006: XXXIX].

В этой связи можно привести и широко известное марксистское толкование этой формулы: «**Ни одно из философских положений, - писал Фр. Энгельс, - не было**

предметом такой признательности со стороны близоруких правительств и такого гнева со стороны не менее близоруких либералов, как знаменитое положение Гегеля: «**Все действительное разумно; все разумное действительно**». Ведь оно, очевидно, было **оправданием всего существующего**, философским оправданием деспотизма, полицейского государства, королевской юстиции, цензуры. <...> Но у Гегеля вовсе не все, что существует, является безоговорочно также и действительным. Атрибут действительности принадлежит у него лишь тому, что в то же время **необходимо**. <...> Но **необходимое** оказывается, в конечном счете, также и **разумным**, [однако] <...> по мере развития, **все, бывшее прежде действительным**, становится недействительным, **утрачивает свою необходимость**, свое право на существование, свою **разумность**. ...По всем правилам гегелевского метода мышления, тезис о разумности всего действительного, превращается в другой тезис: **достойно гибели все то, что существует** (Перефразированные слова Мефистофеля из трагедии Гете «Фауст», часть 1, сцена третья («Кабинет Фауста»)) [Маркс, Энгельс, 1955: 274-275] (выделено все мной - *A.P.*). Разумеется, некоторые положения и интерпретации этого классического комментария, особенно последние, представляются сегодня более, чем спорными.

Поэтому во избежание дальнейших недоразумений и искажений, для большей точности последующего историко-философского анализа этой формулы, целесообразно привести здесь и ее немецкий оригинал, который выглядит следующим образом: «**Was vernünftig ist, das ist wirklich; und was wirklich ist, das ist vernünftig**». В «каноническом переводе» Б. Г. Столпнера и М. И. Левиной это звучит так: «**Что разумно, то действительно; и что действительно, то разумно**» [Хейде, 1995: 47]. Кстати, характерно и очень важно, что здесь же, в редакторском предисловии, А. Л. Доброхотов счел нужным подчеркнуть, что «одну из центральных идей книги передает и ее заглавие, которое мы – не без потерь – перевели как «**Осуществление свободы**». Заглавие обыгрывает гегелевский термин «**Wirklichkeit**» - **действительность**. Но кроме того – **действенность, актуальность, подлинность, насущность, живое присутствие** (выделено мной – *A.P.*). Словом «Осуществление» пришлось передать тот важный смысловой момент, что речь идет о *процессе* – долгом и мучительном – переходе от отвлеченной **возможности** свободы через ответственные усилия личности к **действительной** и **действенной** сути свободы (т.е. к её **действительности** – *A.P.*)» [Хейде, 1995: 6] (все выделено мной – *A.P.*).

В связи с этим как **одну из важных проблем** в понимании и толковании этой формулы нужно отметить проблему **необходимости нового, аутентичного перевода** ее главных понятий и, соответственно, ее общего смысла. Вот, например, что писал (и убедительно демонстрировал свои опыты/выводы) по поводу понимания у нас в стране другого крупнейшего немецкого мыслителя известный современный отечественный философ-переводчик А. В. Перцев: «Знаем ли мы, русские, Ницше? Или мы знаем

преимущественно его ходульные копии-симулякры, сработанные не особенно удачными переводчиками, которые безнадежно застряли где-то между немецким и русским языком? Кто – ближе к немецкому, кто – ближе к русскому...» [Перцев, 2009: 8]. Иными словами, как отмечают и подчеркивают многие специалисты, уже давно назрела потребность в новых, современных **двух-трех язычных текстах** главных произведений Г. Гегеля, сопровождаемых репрезентативным словарем его ключевых понятий, подробными комментариями, сравнительной и убедительной мотивацией перевода. Тем более, что примеры подобных современных текстов и переводов главных работ Фр. Ницше, Фр. Brentano, О. Шпенглера, Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, Л. Витгенштейна и др. уже имеются. Более того, в 1993 году по инициативе Н. Мотрошиловой и Б. Тушлинга было осуществлено 4-х томное издание сочинений И. Канта на немецком и русском языках (см. также превосходные переводы А. Ф. Лосева, А. Койре, А. Кожева, Г. Г. Шпета, И. А. Ильина, Д. И. Чижевского, Н. С. Автономовой, Е. В. Ознобкиной, А. Г. Чернякова, А. В. Михайлова, В. В. Бибикина, А. В. Перцева, А. Г. Погоняйло, В. Ю. Быстрова, А. П. Шурбелёва, Е. В. Борисова, В. П. Руднева – трех язычная публикация трактата Л. Витгенштейна, Г. Б. Ноткина – двух язычный перевод работы М. Хайдеггера о поэзии Гельдерлина и др.).

Однако, как это очень часто бывает со многими знаменитыми философскими и религиозными формулами, с их исходным глубоким «много-смыслием» и с их последующими многочисленными авторскими вариантами перевода, как правило, люди особо не «заморачиваются». Более того, в художественной литературе и в истории философии можно встретить очевидный отход от оригинала на уровне «здравого смысла», что проявляется в намеренном «дополнении» и «сокращении» этих формул вообще и этой, в особенности: **«(все), или (только то), что действительно, то (и) разумно»**, в перемене отдельными авторами оригинальной последовательности этих двух положений, изменении окончаний (**действительно** и **действительность**, **действительное**), в искажении и «расширении» их и общего его смысла и толкования: **«(Все?!) разумное действительно, и (все?!) действительное – разумно»**. Но, как можно заметить, никакого **«Alles was...»** (**«Все, что...»**) в оригинале нет и в помине. И, тем не менее, в плане намеренного или непроизвольного искажения **это одна из наиболее распространенных версий**. Причем ее очень часто можно обнаружить не только в художественной беллетристике, но и в некоторых серьезных учебниках и капитальных трудах по истории философии, например, в фундаментальном исследовании современных итальянских авторов Дж. Реале и Д. Антисери «Западная философия от истоков до наших дней» или в том же комментарии Фр. Энгельса.

Переходя далее к содержательному историко-философскому анализу данной формулы и вытекающей из него её критики, можно и следует выделить несколько, в данном случае, **три ключевых направления** этой историко-философской «реконструкции».

Прежде всего, речь идет об исторически **первом направлении**, связанном с искаженным и зачастую весьма ангажированным пониманием всей философии истории и политической философии Г. Гегеля. Это проявляется в идеологизированных, нарочито упрощенных, а подчас и вульгарных трактовках содержания и смысла самой этой формулы. Данное направление формируется практически сразу, с момента появления последней и связано с критикой кажущейся её авторам **апологии Гегелем этатизма и тоталитаризма**, с критикой и радикальным отрицанием его ключевых идей - «примирения с действительностью», «хитрости разума», «историцизма», «эссенциализма», «конца истории» и т.д. (см. Б. Рассел, Л. Мизес, К. Поппер, А. Камю, Ф. Хайек, Ф. Фукуяма и др.). Кстати, уже упоминавшемуся Р. Гайму принадлежит «заслуга» открыть и начать всю эту длительную историю политико-идеологических обвинений и осуждений Гегеля.

Но, как известно, видный отечественный философ-правовед XIX-XX веков П. И. Новгородцев с большой профессиональной убедительностью опроверг в своей диссертации большинство из этих обвинений и претензий.

Однако эти интерпретации и обвинения с еще большей «обличительной» силой возобновились уже в XX веке, в главных произведениях таких разных мыслителей, как К. Поппер («Открытое общество и его враги», 1945) и А. Камю («Бунтующий человек», 1951). При этом обращает на себя внимание почти карикатурное объяснение К. Поппером философского «алгоритма» и логического «механизма» создания Г. Гегелем своей знаменитой формулы. Говоря о формировании доктрины этического и юридического позитивизма, согласно которой все, что есть - есть благо, Поппер задается вопросом: «Каким образом получается эта доктрина? **Очень просто** – с помощью целого ряда **двусмысленностей**. Платон, чьи формы или идеи, как мы видели, совершенно отличны от «идей в уме», заявлял, что одни только идеи реальны, а преходящие вещи нереальны. Гегель берет из этой теории уравнение *Идеальное = Действительное*, Кант говорил в своей диалектике об «идеях чистого разума», используя термин «идея» в смысле «идей в уме». Отсюда Гегель заимствует положение, согласно которому идеи представляют собой нечто умственное, духовное или рациональное, что может быть выражено уравнением *Идея = Разум*. Соединяя два этих уравнения или, точнее, эти две двусмысленности, Гегель получает *Действительное = Разум*, что позволяет ему заявить, что **все разумное действительно и все действительно разумно**, т.е. что развитие действительности совпадает с развитием разума. И поскольку не может существовать никаких более высоких стандартов, чем самая последняя степень развития разума и идеи, то все, что в настоящее время реально и действительно, существует по необходимости, т.е. должно быть разумным и благим. **Особенно благим, как мы увидим дальше, оказывается реально существующее во времена Гегеля прусское государство**» [Поппер, 1992: 52] (курсив К. Поппера, выделено мной - А.Р.). Интересно, что Б. Рассел, который чуть раньше, в 1941 г., выпускает труд по философии истории Гегеля, в 1945 г. в своей

знаменитой «Истории западной философии» эту ситуацию характеризует несколько иначе - значительно осторожнее и «мягче», хотя общий вывод и смысл явно совпадает и перекликается с приведенным выше. «Гегель утверждает, - писал Б. Рассел, - что **все действительное разумно и все разумное действительно** (?! - выделено мной - А.Р.). Но когда он говорит это, то понимает под «действительностью» не то, что понимал бы эмпирик. Он допускает и даже настаивает, что то, что эмпирику кажется фактами, неразумно и должно быть таковым; только после того, как их непосредственный характер преобразуется рассмотрением их как сторон целого, они должны оцениваться как разумные. Тем не менее, отождествление разумного и действительного неизбежно ведет к некоторому благодушию, неотделимому от убеждения, что «все, что есть, правильно» [Рассел, 2017: 368]. Позднее, в 1963 г., давний оппонент Б. Рассела по их знаменитому диспуту, известный теолог и историк философии Ф. Коплстон, в собственной непредвзятой версии этой формулы выражает ее гораздо более академично и адекватно.

Второе направление интерпретации и критики связано с историко-философским пониманием сложности и неоднозначности всего «спектра» основных философских понятий, так или иначе входящих и составляющих содержание гегелевской формулы. Это направление непосредственно связано с историко-философской реконструкцией содержания этих ключевых понятий и возникшими серьезными трансформациями их смысла в истории философии, а также с соответствующим использованием этих понятий в реальной политической, экономической и эстетической практике.

Как ясно видно из немецкого оригинала, и это сохраняется в русском переводе, исходными и базовыми немецкими понятиями здесь являются **«Vernunft» («Разум»), «vernünftig (разумное) с его альтернативой «Verstand» («Рассудок») и «Wirklichkeit» («Действительность»), «wirklich» (действительное) с ее альтернативой («Реальность», «реальное»)**. И именно вокруг этих понятий, их историко-философских, смысловых и языковых интерпретаций и аналогов, а главное - их взаимосвязи и взаимообусловленности, и разгорелась последующая и современная полемика. Дело в том, что оба эти понятия имеют длительную и весьма сложную историю формирования их содержания и толкований смыслов, как в античности и в средневековой религиозной философии, так и в философии Ренессанса, Нового времени и Просвещения. Но, как известно (об этом писали и А. Уайтхед, и Ж. Деррида), все философские проблемы начинаются и складываются в античности. Причем, выше уже отмечалось, что конкретно-исторически **вся эта проблема** «разумной действительности и действительности разума» начинается со знаменитого **«панлогизма»** Элейской школы, составляющего сущность онтологии **Парменида**. Именно он впервые вводит само понятие «бытия», его разделения на два типа и **отрицания** на этой основе (панлогизма) реальности **Небытия и Движения**. Но панлогизм, или **тождество мышления и бытия**, в философии элейцев лежит в основе только первого истинного типа бытия: это «Бытие согласно

Истине («Логос» - Разуму)), истинное, подлинное, необходимое, общее Бытие. Наряду с ним, как известно, есть и второй, «профанный» - иллюзорный тип - «Бытие согласно Мнению («Докса» - Чувству), ложное, иллюзорное, случайное, единичное Бытие. Одновременно в досократической философии формируется еще один важнейший источник гегелевской философии – диалектика Бытия («Все течет...») и Логоса **Гераклита**, с его тотальным «Палемосом» («война есть отец всего») и знаменитой формулой «в Логосе – все Едино». В это же время, но уже в философии Анаксимандра–Демокрита, утверждается принцип абсолютного детерминизма, в основе которого лежит причинная обусловленность и необходимость бытия, всей существующей действительности: «Все происходит по Необходимости, а Случайность – плод невежества».

Однако высшее последующее развитие содержания категорий бытия (Действительности) и мышления (Разума, Логики), прошедшее школы Сократа и Платона, связано уже, главным образом, с **метафизикой Аристотеля**, в частности с его учением о двух иных (по сравнению с типологией Парменида) проявлениях-типах бытия и о двух его началах: материи (пассивном) и форме (активном), об актуальном (**действительном**) и потенциальном (**возможном**) бытии, о его, пока еще «неразумной», но естественной, тотальной целесообразности («энтелехии») и в целом о четырех взаимосвязанных его (бытия) причинах: **материи, формы, движения и цели**. Именно здесь, в этой метафизике сосредоточены и отсюда рождались все последующие историко-философские интуиции как онтологии вообще, так и проблемы «действительности» в частности, нашедшие отражение, в том числе и в этой гегелевской формуле. Таким образом, говоря об античных истоках её смыслов, необходимо иметь в виду и сосредоточиться на содержании и определениях некоторых ключевых понятий всей древнегреческой философии, таких как: **Ἔν** - Бытие Парменида, **Λόγος** - разумное Слово-Разум и **Πόλεμος** - война Гераклита, **Νοῦς** – упорядочивающий все бытие Ум Анаксагора, **Ἴδεα** – Идея-Сущность бытия Платона и, особенно, **Οὐσία** - Оусия – сущность Аристотеля. **Ἐντελέχεια** – энтелехия - цель, Форма – морфа - ограничение-определение как причина действительности (актуальности), **Ἐνέργεια** – энергейя, акт, действие – реализованное бытие у Аристотеля. **Βεβαιός** – бевайос - «О-предел-енность», (устойчивость, стабильность) бытия - важнейшее понятие онтологии Парменида, Платона, Аристотеля и Гегеля. **Μή ὄν** – мэ он – Небытие, чистая негативность – важнейшее понятие Античности, Средневековья, Г. Гегеля, М. Хайдеггера и Ж.-П. Сартра. **Ἄτοπον** – Атопон – Абсурд, то, что онтологически, а следовательно, и логически невозможно! То есть, абсурд – это «невозможная» действительность. **Πέρας** - предел, согласно Аристотелю, крайняя граница вещи, а также форма, цель, начало. **Συμβεβήκος** – симбебекос, акциденция, случайность – у Аристотеля, то, что «слабо» и не всегда принадлежит бытию вещи, т.к. не входит в ее сущность. Случайность (акциденция) есть наиболее слабое бытие, «нечто близкое к небытию» и непредсказуемое, основой которой является материя как чистая

потенциальность. **Noûs** – упорядочивающий «Все во всем» бытие Ум – Анаксагора как начало **ноосферы** в русском космизме. **Εἰρωνεία** - эйронея - ирония Сократа, притворство («хитрость» Разума у Гегеля) [Реале, 1994: 266-299].

Но одновременно здесь же, в античности, в философии Платона появляется и такое понятие-феномен (у него оно, правда, осуждается), как **Μισόλογος** - мисологизм – «ненависть к разуму» (некий аналог «мизантропии»). И как раз это понятие-феномен с определенными поправками уже как принцип будет положено в основу критики панлогизма Г. Гегеля в философии С. Кьеркегора и Л. Шестова.

В средневековой христианской философии эти античные принципы и понятия радикально трансформируются и дополняются новыми, латинскими «аналогами», связанными с проблемами онтологии, гносеологии и диалектики божественного бытия. Таким образом, в это время были заложены основы новой, иррациональной, основанной на Любви, Вере и Воле историко-культурной парадигмы, новой картины мира. Речь идет о целом ряде **латинских** философских понятий и постулатов, развитых и сформулированных в средневековой философии, начиная с парадоксально-иррациональных евангельских принципов «Творения из ничего», «Воскрешения», «Спасения» и др., и знаменитого «Credo quia absurdum» - «Верю, ибо абсурдно» - К. С. Тертуллиана. Позднее на этой основе в схоластике, в философско-богословских трудах Ф. Аквинского, И. Дунса-Скотта, У. Оккама и др. были сформулированы и разработаны такие новые проблемы и понятия философии, как диалектика «сущности и существования», объективной «реальности» как тождества возможности, действительности и необходимости, проблема-спор об Универсалиях, или реальности Общего и(или) Единичного, и основанные на этом знаменитые рациональные «доказательства бытия Божьего». Все это, разумеется, было воспринято, переосмыслено и развито как самим Г. Гегелем в духе «пантеистического» рационализма (Н. Кузанского и Б. Спинозы), так и его главными оппонентами, но уже в парадигме иррационализма.

Практически все ведущие исследователи и комментаторы гегелевской философии отмечали центральное место категории «**действительность**» в первой части всей системы Г. Гегеля, в его знаменитой «Науке логики», посвященной становлению Абсолютной идеи. И это на самом деле так! Достаточно просто взглянуть на внутреннюю структуру этой первой части и затем на структуру всей его трехчастной - «триадной» - системы абсолютного идеализма, чтобы легко убедиться в этом. «Действительность» здесь – это синтез-тождество сущности и явления. В своем конкретном бытии она является отрицанием, инобытием Абсолютного. Это проявляется сначала, на первой стадии, как **случайность**, или формальная действительность, формальная возможность и формальная необходимость, а затем, на второй, отрицающей стадии - как **относительная необходимость**, или реальная действительность, реальная возможность и реальная необходимость. В результате синтеза двух этих стадий возникает **абсолютная**

необходимость. Но одновременно эта действительность у Г. Гегеля в полном соответствии с его знаменитой формулой есть только место (поле) или, как сказали бы сейчас, «площадка», «платформа» становления, развития и, в конечном счете, «триумфа» **Разума** – это «становящаяся разумной действительность». Поэтому не случайно именно **С. Кьеркегор**, как наиболее тонкий, чуткий и глубокий мыслитель и одновременно самый сильный, едкий и жесткий **оппонент и критик** Г. Гегеля этого периода, сосредоточил весь сарказм и тяжесть своей критики на рассмотрении и альтернативном анализе этих двух его ключевых понятий. Причем на первых порах, как и у большинства других оппонентов Г. Гегеля, **главным объектом его критики** выступало именно понятие «действительность» с ее философскими «составляющими» - альтернативами, такими как возможность, случайность, конечность, единичность, но понимаемыми им уже в «позитивном» ключе. Однако в дальнейшем и в конечном счете, таковым у него выступает именно «ненависть к разуму», или «мисологизм», и, соответственно, этим объектом становится сам **Разум** и уже разумная, слишком разумная действительность. Таким образом, получилось, что этот их «заочный» спор-диалог XIX века, тем более ведущийся одним и тем же оружием – методом диалектики и на поле диалектики, «плавно» перетекает в XX-XXI века, где он возобновляется и радикально ужесточается мыслителями постмодернизма.

Но что же говорит о «действительности» сам С. Кьеркегор? Как уже отмечалось, эта тема становится для него одной из важнейших и впервые появляется уже в его магистерской диссертации «О понятии иронии» (1841). Но начинается все с едкой бескомпромиссной критики: «<...> когда последний раздел логики озаглавливают *«Действительность»*, то тем самым получают возможность создать видимость, будто в логике уже достигнуто самое высокое или, если угодно, самое низкое. Между тем, бросается в глаза недостаток такого подхода: он не идет на пользу ни логике, ни действительности. Действительности – потому что **логика не может допустить случайности**, в то время как последняя принадлежит действительности в самом ее существовании. Логике – потому что, если она помыслила действительность, то она включила в себя нечто такое, чего она не может ассимилировать; **она заранее установила то, что должна лишь предполагать»** [Левит, 2002: 284]. В другом месте он уже откровенно издевается и просто «потешается» над рациональными «потугами» Г. Гегеля понять и объяснить действительность и историю: «Были философы, которые и до Гегеля пытались **объяснить ... историю**. И провидение могло **лишь улыбнуться**, видя их попытки. Однако провидение **не смеялось** в открытую, ибо этим философам были свойственны человечность, честность и искренность. Но Гегель! **Здесь нужен язык Гомера. Как хохотали боги!** Вот противный маленький профессор, который, не мудрствуя лукаво **прозрел необходимость** чего угодно и **всего в целом** и который стал разыгрывать на своей шарманке всю историю:

Слушайте, вы, боги Олимпа!» [Поппер, 1992: 317; Шестов, 1992] (выделено все мной – *А.Р.*).

В своей дальнейшей критике гегелевской объективной необходимости и рациональности действительности С. Кьеркегор в таких работах, как «Страх и трепет» (1843), «Понятие страха» (1844) и «Болезнь к смерти» (1849), противопоставляет ей философию субъективного экзистенциального переживания реальной возможности и случайности (в) действительности в таких экзистенциалах, как страх и отчаяние. При этом, опираясь на философию другого гегелевского оппонента, А. Тренделенбурга, он настаивает на том, что случайность также должна принадлежать (включаться в) действительности, как и необходимость. Более того, отдавая приоритет возможности над действительностью, он утверждает, что страх – это возможность свободы и благодаря всемогуществу возможности страх может надеяться, находить и порождать (строить) случайность в действительности.

В философии XX века это направление развивают М. Хайдеггер и К. Ясперс, Ж.-П. Сартр и Г. Маркузе, Т. Адорно и М. Хоркхаймер, религиозные мыслители Э. Жильсон и Ж. Маритен и др. Они рассматривают эти проблемы в связи со своими исследованиями временности и Вечности, негативности и Ничто, сущности и существования, свободы и необходимости. Другие видные философы и теологи уже в наше время анализируют и обсуждают проблему «разумности действительности» в контексте своих поисков и размышлений о самой возможности и мужестве быть (П. Тиллих), о «внутреннем опыте новой мистической теологии» (Ж. Батай), о симулякрах «различия и повторения» и о сингулярности в «логике смысле» (Ж. Делез), о «письме и различии» на «полях философии» (Ж. Деррида).

Третье направление критики рациональной философии Г. Гегеля и отрицания его «разумности действительности» с позиций мисологизма основано на понимании Абсурда как онтологической альтернативы Разуму.

Реальность **абсурда и алогизм** бытия мира и человека: «Абсурд действительности и действительность абсурда» (от К. Тертуллиана до С. Кьеркегора, от Л. Шестова до А. Камю и современных мыслителей постмодернизма). Параллельно этой философии развивается эстетика абсурда XX-XXI веков: европейский сюрреализм и русские оберуиты.

Таким образом, *третье направление* оказывается гораздо более фундаментальным, непосредственно связанным с упоминавшейся выше проблемой «мисологизма» и, соответственно, более трагичным. Разум или Вера и Воля? Разумность или Абсурд действительности, или все-таки действительность Абсурда в истории и политике, религии и искусстве? Разум как Добро или Зло в мире и в истории, в познании? Вот главные вопросы и проблемы современности, они же дилеммы и альтернативы этой формулы, мимо которых так «опрометчиво» прошел Г. Гегель в своей реакции на современную

ему критику. Это направление в своих конечных интенциях и интуициях прямо и непосредственно приходит к онтологической реальности и, одновременно, абсурдности смерти и к соответствующим этому уже не понятиям, но «экзистенциалам»: «бытию к смерти», страху, ужасу, отчаянию, скуке, заботе, мужеству, надежды и др. В этой связи большой интерес представляют размышления того же С. Кьеркегора о смерти в одноименном трактате 1849г., знаменитые исследования и комментарии А. Кожева об идее смерти в философии Г. Гегеля, осмысление смерти самим Гегелем в его ранней (романтической) философии и реальный абсурд его собственной «преждевременной» смерти в современной ему «разумной действительности». Дело в том, что Г. Гегель умер «неожиданно», прежде всего, для самого себя, но и для окружающих - «нелепо» и явно преждевременно - в 61 год. Как сейчас бы сказали, «ушел в расцвете творческих сил», хотя его Система в целом была уже завершена. **И это было(-а) действительно(-сть), но отнюдь не разумно(-сть).** То есть это, конечно, естественно и даже закономерно, это, в конце концов, необходимо, хотя и случайно: «все люди смертны (правда, как было сказано в том же романе, «внезапно» ...), и Гегель – человек. И значит...». А дальше - фундаментальный абсурд и алогизм бытия в духе С. Кьеркегора, Л. Шестова, Ф. Кафки, А. Камю и др., который усугубляется «закономерной» бессмысленностью эпидемий и пандемий (ныне, весьма вероятно, «вызванных к жизни» человеческим разумом) вообще и разразившейся в этот момент эпидемии холеры и тифа, в частности. Этот абсурд, плохо согласуемый с философией Гегеля, когда для уничтожения живого бытия, прекращения жизни великого мыслителя достаточно какого-то вируса или микробов, произвел и до сих пор производит столь сильное впечатление, что один из интереснейших современных биографов Г. Гегеля вопреки традиции и в нарушение элементарной логики решил начать свой труд не как обычно, с рождения и жизни мыслителя, а именно с его смерти: **«Холера “без явных симптомов” <...> даже в смерти Гегель остался верен скрытым чертам своей природы – двойственности и нерешительности. <...> Как Гегель жил, так он и умер. <...> Давно ли философ сам разбирался в своих трудах с философским смыслом страшных эпидемий? В начале века их стало больше. Жители Берлина могли сравнить кончины Гегеля и Фихте, его прославленного предшественника в Берлинском университете, умершего в 1814 г. от тифа, рядом с которым Гегель, начиная с 1818 г., выражал желание быть погребенным: этикие двое зачумленных, закопанные один возле другого»** [Д’Онт, 2012: 11-13] (выделено мной-А.Р.). Гегель умер, но, как было сказано в начале, «он – навсегда»!? И это действительно, и это разумно?!

Наряду с тремя основными историко-философскими направлениями исследования, критики и отрицания (особенно в первом и третьем) данной идеи в XX и особенно в XXI веках стремительно развивается альтернативное им, «позитивное» - **четвертое направление.** Оно является своеобразным, но очевидным утверждением и развитием

классического историко-философского рационализма и реализма (в смысле решения средневекового «спора об универсалиях»), развитием крайне спорным и отнюдь не однозначным, чреватым куда более мрачными последствиями. Речь идет о триумфе разума (и в современной философии техники, и в реальной практике новых технологий), о так называемой «ноосфере» русского космизма и «вселенной» Г. Кантора и К. Геделя.

Заключение. Таким образом, независимо от того, как относиться к самому Г. Гегелю и к его философии, к непродуктивности и нежелательности, по его мнению, для философии прогнозов, поучений и «конструирования» будущего, нельзя не признать тот очевидный факт-тенденцию тотальной «рационализации» нашей нынешней действительности (хотя, как говорил сам Гегель, если его идеи не согласуются с фактами, тем хуже для фактов). В целом, если оставить «открытой» проблему **Начала**, вся его система и конкретно эта формула угрожающе адекватно описывает становящееся и наступающее грядущее. В нем, в этом реализуемом бытии, речь идет уже не просто о создании человеком некой «параллельной» естественной (виртуальной) реальности – это вчерашний день «человеческого, слишком человеческого» Разума. Нет, речь ныне идет о вызове самому этому «излишне» человеческому, несовершенному Разуму: культура духовная и материальная, наука, **ноосфера** русского космизма и гегельянства, **виртуальная реальность** (виртуалистика), информация, новые техника и технологии, включая технологии GPT4 и OpenAI, ГМО, сингулярность, интернет, цифровизация Памяти, нейронные сети ИИ и т.п. Все это те самые вызовы «общества спектакля», о которых прямо, но уже с тревогой говорят их авторы – Дж. Хинтон, И. Маск и др. Да, пока человек – это животное, «мыслящий тростник, осознающий свое ничтожество» (Б. Паскаль), но это разумное животное. Надолго ли? Ведь живого (души) в нем остается все меньше и меньше. **Все** ли в нем и только ли **разумное** (на это уже частично ответили З. Фрейд и К. Юнг), и станет ли **только** оно **действительным** в своем историческом развитии? Или все-таки, учитывая опять же гегелевскую «**хитрость**» (**иронию**) **разума**, следует иметь в виду **Надежду** на грядущее воплощение-торжество Единого – **Троицу**. Надежду на складывающееся в муках и противоречиях грядущее вселенское **тождество - Единство** всех трёх «ипостасей» гегелевского Абсолютного Духа – **Искусства, Религии и Философии. Красоты, Любви и Истины (Логоса-Разума)**, независимо от их последовательности и безотносительно к тому, **что было в «Начале»**, (действительное или разумное), **ибо «в Начале было Слово (Логос)» - Одно, и оно было - Единое.**

Список источников

Гегель Г. В. Ф. Философия права / пер. с нем., ред. и сост. Д. А. Керимов и В. С. Нерсесянц. М.: Мысль, 1990. 524 с.

Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. Наука логики. М.: Мысль, 1975. 452 с.

Гулыга А. В. Немецкая классическая философия. М.: Мысль, 1986. 336 с.

Деррида Ж. Письмо и различие / пер. с франц. А. Гаранджи, В. Лапицкого и С. Фокина. СПб.: Академический проект, 2000. 432 с.

Жижек Сл. Гегель в подключенном мозге / под ред. В. Мазина и Олелуш. СПб.: Скифия-принт, 2020. 264 с.

Кожев А. Введения в чтение Гегеля. СПб.: Наука, 2003. 792 с.

Круглов А. Н. Кант и кантовская философия в русской художественной литературе. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. 480 с.

Левит К. От Гегеля к Ницше. Революционный перелом в мышлении XIX века. Маркс и Кьеркегор. СПб.: Владимир Даль, 2002. 670 с.

Лукач Д. Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества. М.: Наука, 1987. 616 с.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М., 1961. Т. 21.

Мотрошилова Н. В. Путь Гегеля к «Науке логики». Формирование принципов системности и историзма. М.: Наука, 1984. 352 с.

Наследие Гегеля в истории философии и культуры: к 250-летию со дня рождения философа: сб. науч. статей / отв. ред. А. Н. Муравьев, А. А. Иваненко. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. 286 с.

Д'Онт Жак. Гегель. Биография / пер. с фр. А. Г. Погоняйло. СПб.: Владимир Даль, 2012. 512 с.

Перов Ю. В. Опыт «историзации» гегелевской мысли (О книге Рудольфа Гайма) // Рудольф Гайм. Гегель и его время. СПб.: Наука. 2006. 391 с.

Перцев А. В. Фридрих Ницше у себя дома. Опыт реконструкции жизненного мира. СПб.: Владимир Даль, 2009. 480 с.

Derrida, Zh. (2000) *Pis'mo i razlichije* [Writing and distinction] / per. s frants. A. Garadzhi, V. Lapitskogo i S. Fokina. Saint Petersburg, Akademicheskiiy proyekt: 432. (In Russ.)

D'Ont, Zh. (2012) *Gegel'. Biografiya* [Hegel. Biography] / per. s fr. A.G. Pogonyaylo. Saint Petersburg, Vladimir Dal': 512. (In Russ.)

Gegel', G. V. F. (1990) *Filosofiya prava* [The Philosophy of Law] / per. s nem., red. i sost. D. A. Kerimov i V. S. Nersesyants. Moscow, Mysl': 524. (In Russ.)

Gegel', G. V. F. (1975) *Entsiklopediya filosofskikh nauk. T.1. Nauka logiki* [Encyclopedia of Philosophical Sciences. Vol.1. Science of logic]. Moscow, Mysl': 452. (In Russ.)

Gulyga, A. V. (1986) *Nemetskaya klassicheskaya filosofiya* [German classical philosophy]. Moscow: Mysl', 336. (In Russ.)

Kheyde, L. (1995) *Osushchestvleniye svobody. Vvedeniye v gegelevskuyu filosofiyu prava* [The exercise of freedom. Introduction to Hegelian Philosophy of Law] / per. s niderlandskogo A.K. Ignatenko. Moscow, Gnozis: 256. (In Russ.)

Kozhev, A. (2003) *Vvedeniya v chteniye Gegelya* [Introductions to Reading Hegel] SPb.: Nauka: 792. (In Russ.)

Kruglov, A. N. (2012) *Kant i kantovskaya filosofiya v russkoy khudozhestvennoy literature* [Kant and Kantian Philosophy in Russian Literature]. Moscow, Kanon+: 480. (In Russ.)

Levit, K. (2002) *Ot Gegelya k Nitsshe. Revolyutsionnyy perelom v myshlenii XIX veka. Marks i K'yerkegor* [From Hegel to Nietzsche. A revolutionary turning point in the thinking of the 19th century. Marx and Kierkegaard]. Saint Petersburg, Vladimir Dal': 670. (In Russ.)

Lukach, D. (1987) *Molodoy Gegel' i problemy*

Pogonyaylo A. G. В дополнение к переводу // Кожев А. Введение в чтение Гегеля. Лекции по Феноменологии духа, читавшиеся с 1933 по 1939 г. в Высшей практической школе / пер. с фр. А. Г. Погоняйло. СПб.: Наука, 2003. 792 с.

Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы / пер. с англ., под ред. В.Н. Садовского. М.: Феникс, 1992. 448 с.

Рассел Б. История западной философии: в 2 т. М.: Изд-во АСТ, 2017. Т. II. Кн. 3. 512 с.

Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. I. Античность. СПб.: Петрополис, 1994. 336 с.

Руткевич А. М. Койре о Гегеле // Перекрестки культур: Александр Койре, Александр Кожев, Исая Берлин / отв. ред. О. Л. Грановская, Д. Н. Дроздова, А. М. Руткевич. М.: Политическая энциклопедия, 2021. 558 с.

Хейде Л. Осуществление свободы. Введение в гегелевскую философию права / пер. с нидерландского А. К. Игнатенко. М.: Гнозис, 1995. 256 с.

Шестов Л. Киркегард и экзистенциальная философия (Глас вопиющего в пустыне) / вступ. ст. Ч. Милоша, подготовка текста и примеч. А. В. Ахутина. М.: Прогресс – Гнозис, 1992. 304 с.

References

kapitalisticheskogo obshchestva [Young Hegel and the Problems of Capitalist Society] Moscow, Nauka: 616. (In Russ.)

Motroshilova, N. V. (1984) *Put' Gegelya k Nauke logiki. Formirovaniye printsipov sistemnosti i istorizma*. [Hegel's path to the "Science of Logic". Formation of the principles of consistency and historicism] Moscow, Nauka: 352. (In Russ.)

Naslediye Gegelya v istorii filosofii i kul'tury: K 250-letiyu so dnya rozhdeniya filosofa [Hegel's legacy in the history of philosophy and culture: On the 250th anniversary of the birth of the philosopher]: sb. nauch. statey (2020) / отв. red. A.N. Murav'yev, A.A. Ivanenko. Saint Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta: 286. (In Russ.)

Perov, YU. (2006) V. *Opyt «istorizatsii» gegelevskoy mysli (O knige Rudol'fa Gayma)* [The experience of "historization" of Hegelian thought (On the book of Rudolf Haim)]. Rudol'f Gaym. Gegel' i yego vremya. Saint Petersburg, Nauka: 391. (In Russ.)

Pertsev, A. V. (2009) *Fridrikh Nitshe u sebya doma. Opyt rekonstruktsii zhiznennogo mira* [Friedrich Nietzsche at home. (Experience of reconstruction of the vital world)]. Saint Petersburg: Vladimir Dal': 480. (In Russ.)

Pogonyaylo, A. G. (2003) V dopolneniye k perevodu [In addition to translation]. *Kozhev A. Vvedeniye v chteniye Gegelya. Lektsii po Fenomenologii dukha, chitavshiyesya s 1933 po 1939 g. v Vyshey prakticheskoy shkole* / per. s fr. A. G. Pogonyaylo. Saint Petersburg, Nauka: 792. (In Russ.)

Popper, K. (1992) *Otkrytoye obshchestvo i yego vragi. T. 2. Vremya lzheprorokov: Gegel', Marks i drugiye orakuly* [The open society and its enemies. Vol. 2. The time of false prophets: Hegel, Marx and other oracles] / per. s angl., pod red. V.

N. Sadovskogo. Moscow, Feniks: 448. (In Russ.)
Rassel, B. (2017) *Istoriya zapadnoy filosofii* [History of Western Philosophy]: v 2 t. Moscow: AST, T. II. Kn. 3.: 512. (In Russ.)
Reale, Dzh., Antiseri, D. (1994) *Zapadnaya filosofiya ot istokov do nashikh dney. I. Antichnost'* [Western philosophy from its origins to the present day. I. Antiquity]. Saint Petersburg, Petropolis: 336. (In Russ.)
Rutkevich, A. M. (2021) *Koyre o Gegele* [Koyre on Hegel] *Perekrestki kul'tur: Aleksandr Koyre, Aleksandr Kozhev,*

Isayya Berlin. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya: 558. (In Russ.)
Shestov, L. (1992) *Kirgegard i ekzistentsial'naya filosofiya (Glas vopiyushchego v pustyne)* [Kierkegaard and Existential Philosophy (The Voice of One Crying in the Wilderness)] / vstup. st. CH. Milosha, podgotovka teksta i primech. A. V. Akhutina. Moscow: Progress –Gnozis: 304. (In Russ.)
Zhizhek, Sl. (2020) *Gegel' v podklyuchennom mozge* [Hegel in the Connected Brain] / pod red. V. Mazina i Olelush. Saint Petersburg: Skifiya-print: 264. (In Russ.)

© Рябов А.А., 2023

Рябов Анатолий Аркадьевич – кандидат философских наук, доцент Санкт-Петербургского государственного экономического университета. Контактные данные: 191023, Россия, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 30-32 (Russia, St. Petersburg, nab. Griboyedov Canal, 30-32). E-mail: ranspb@yandex.ru.

Статья поступила в редакцию: 28.06.2023.

УДК 1(5) (091)

Саифназаров Исмаил¹✉, Умаржанов Сохибжон²^{1,2}Ташкентский государственный экономический университет, Ташкент, Узбекистан¹profis48_48@mail.ru, ORCID: 0000-0002-4946-4303²fenomen1993@bk.ru, ORCID: 0000-0001-7799-0426

УЧЕНИЕ ФАХРИДДИНА АЛ-РАЗИ О БЫТИИ

Фахриддин ал-Рази (1149–1210) был одним из самых новаторских и влиятельных мыслителей на первом этапе того, что иногда называют «постклассической» исламской мыслью. Наряду с другими крупными мыслителями исламского Востока XII века, в частности с Абу л-Баракат аль-Багдади и ас-Сухраварди Фахриддин критически отнесся к философии Ибн Сины (Авиценны). Он подготовил объемный корпус, который часто неуволним с точки зрения передачи собственных взвешенных мнений Фахр ад-Дина, но наполнен тонкой философской аргументацией практически каждого аспекта мысли Ибн Сины. Фахриддин также обозначил свои собственные отличительные позиции, например, в отношении проблемы предоставления реальных определений, различия между сущностью и существованием, принципов физики, единства человеческой души и источника этических норм. Этот обильный вклад в философию был лишь частью работы его жизни, которая включает в себя тексты по исламскому праву, богословию, астрологии и один из самых важных в истории комментариев к Корану. Авторы данной статьи акцентируют внимание на осмыслении проблемы бытия в учении Фахриддина Мухаммада ар-Рази, одного из главных участников движения свободомыслящих в исламе. Фахриддин Рази как представитель «интеллектуального салафизма» предлагает альтернативные решения взглядам на существование древнегреческих философов Аристотеля, Демокрита, Гераклита, Эпикура и восточных мыслителей Фараби, Ибн Сины, Абу Сухайл Масихи. В этой статье приводятся аргументы, основанные на работах Рази по онтологии, которые были уникальными для его времени. В частности, в своем исследовании Н. Наимов приводит острые мысли Рази о бытии, существовании, творце мироздания в «Чахордах рисола» (Четырнадцать трактатов). С другой стороны, мы можем видеть обратное в работах Рази по исламскому богословию. При анализе позиции Рази мы сделали выводы с помощью методов научного познания, таких как сравнительный анализ, анализ и синтез, логичность, историчность, его работ и данных различных исследователей. Известно, что Рази является одним из свободомыслящих и передовых мыслителей-философов Средневековья, сыгравшим большую роль в развитии передовой философской мысли народов Ближнего и Среднего Востока, а также одним из мыслителей, оказавших значительное положительное влияние на мировоззрение ряда позднейших мыслителей-философов Средней Азии и мусульманского Востока.

Ключевые слова: Мойл Херавий, бытие, существо, теоретическая философия, практическая философия, необходимо-сущее, возможно-сущее, материя.

Саифназаров И., Умаржанов С. Учение Фахриддина Ал-Рази о бытии // Язык. Коммуникация. Общество: Электронный научный журнал. 2023. № 3 (3). С. 107-117.

Saifnazarov Ismail¹✉, Umarjonov Sokhibjon²^{1,2}Tashkent State University of Economics, Tashkent, Uzbekistan¹profis48_48@mail.ru, ORCID: 0000-0002-4946-4303²fenomen1993@bk.ru, ORCID: 0000-0001-7799-0426

THE TEACHING OF FAKHR AL-DIN AL-RAZI ABOUT UNIVERSE

Fakhr al-Din al-Razi (1149–1210) was one of the most innovative and influential thinkers in the first stage of what is sometimes called “post-classical” Islamic thought. Along with other major thinkers of the Islamic East in the twelfth century, notably Abu l-Barakat al-Baghdadi and al-Suhrawardi, Fakhr al-Din reacted critically to the philosophy of Ibn Sina. He produced a voluminous corpus that is often elusive in terms of conveying Fakhr al-Din’s own considered opinions, but is packed with subtle philosophical argumentation on pretty well every aspect of Ibn Sīnā’s thought. Fakhr al-Din did also stake out distinctive positions of his own, for example with respect to the problem of providing real definitions, the distinction between essence and existence, the principles of physics, the unity of the human soul, and the source of ethical norms. This abundant output in philosophy was only one part of his life’s work, which includes texts on Islamic law, theology, astrology, and one of history’s most important commentaries on the Quran. The authors of this article focus on understanding the problem of being in the teachings of Fakhr al-Din Muhammad al-Razi, one of the main participants in the movement of freethinkers in Islam. Fakhr al-Din al-Razi as a representative of intellectual Salafism offers alternative solutions to the views on the existence of the ancient Greek philosophers Aristotle, Democritus, Heraclitus, Epicurus and the Eastern thinkers Farabi, Ibn Sina, Abu Suhail Masihi. This article provides arguments based on Razi’s work on an ontology that was unique to his time. In particular, in his study, N. Naimov cites Razi’s sharp thoughts about being, existence, and the creator of the universe in Chahordoh risola (Fourteen treatises). On the other hand, we can see the opposite in Razi’s writings on Islamic theology. When analyzing Razi’s position, we drew conclusions using the methods of scientific knowledge, such as comparative analysis, analysis and synthesis, logic, historicity, his works and data from various researchers. It is known that Razi is one of the free-thinking and advanced thinkers-philosophers of the Middle Ages, who played a large role in the development of the advanced philosophical thought of the peoples of the Near and Middle East, as well as one of the thinkers who had a significant positive impact on the worldview of several later thinkers-philosophers of Central Asia and Muslim East.

Keywords: Moyl Xeraviy, universe, creature, theoretical philosophy, practical philosophy, wajib ul-wujud, mumkin ul-wujud, matter.

Saifnazarov I., Umarjonov S. The teaching of Fakhr Al-Din Al-Razi about universe. Language. Communication. Society: Digital scientific journal. 2023. 3 (3): 107-117.

Постановка проблемы. В условиях диалога современных цивилизаций каждый народ уделяет большое внимание своему научному, духовному и культурному наследию. В частности, на современном этапе развития Нового Узбекистана наряду с социальными, экономическими и политическими факторами осуществляются комплексные реформы и в духовно-образовательной сфере. «Если тело общества есть экономика, то его душа и дух есть духовность. Мы опираемся на эти два крепких столпа в построении нового Узбекистана, то есть на сильную экономику, основанную на рыночных принципах, и сильную духовность, основанную на богатом наследии наших предков, национальных и общечеловеческих ценностях» [Мирзиёев, 2021: 267]. Сегодня большое внимание в нашей стране уделяется духовно-просветительской сфере. «Приоритет идей мира и справедливости в жизни общества и их выражение на практике, для достижения намеченных целей, для достижения одинаковой ценности поставленных социально-экономических, политико-правовых, духовно-

воспитательных целей для всех, единство и согласие между гражданами, взаимопонимание и дух уважения подготовят почву для урегулирования». [Саифназаров, Умаржанов, 2022: 416]. Принимается много законов и постановлений, чтобы исследовать и претворить в жизнь наше богатое духовное наследие прошлого. В частности, в Указе Президента Республики Узбекистан Ш. Мирзиёева № ПФ-60 от 28 января 2022 г. «Об углубленном изучении и широкой пропаганде богатого научного наследия наших великих предков» [Указ, 2022: 35] в целях широкой пропаганды богатого научного и духовного наследия наших великих предков поставлены и отмечены такие задачи, как исследование, осуществление народных переводов, создание на их основе научно-популярных брошюр трудов ученых, уехавших из нашей страны. Исходя из этого, мы считаем важной задачей для нас сегодня изучение и исследование философских трудов мыслителей Востока, в частности, Фахриддина Рази, хранящихся в фондах Института востоковедения Академии наук Узбекистана.

Постановка проблемы. В своем творчестве Фахриддин Рази написал множество работ по различным областям науки, таким как философия, речь, логика, теология, этика, история. Поэтому в этой статье мы представляем некоторые социально-философские и общеполитические взгляды Рази, основанные на размышлениях в его оригинальных произведениях, в которых он глубоко и ясно выражал свои мысли. Его философские труды, социально-философские и религиозные воззрения представляет большой интерес в рамках нашей науки. Большое значение сегодня приобретают социально-философские взгляды Фахриддина Рази на мир. Его философские взгляды возникли и сформировались на основе различных философских учений, на основе собственного опыта и знаний. Недостаточно изучено содержание его философских трудов. Поэтому в нашей статье мы решили вести речь о некоторых социально-философских и общеполитических взглядах Рази, основанных на ракурсе его оригинальных произведений, а именно: «Латаиф уль-Гиясийя»² (Более тонкие мысли, посвященные Гияс ад-Дин), «Джомеъ-уль-Улум»³ («Собрание знаний»), «Ар-рисолат-уль-Камолия ф-ил-акаик-уль-Илохия»⁴, («Трактат о теологии и метафизике»), «Шарх-

² امام فخر الدين الرازي لتأليف الغيبت Рукопись Имама Фахриддина Рази «Латаиф уль-Гиясийя» имеет 2 экземпляра в основном собрании Института востоковедения Академии наук Узбекистана. 10873 и 2355 являются рукописными экземплярами в инв. Первый экземпляр рукописи (10873) был скопирован в 1265/1848 гг. Имя копирайтера не сообщается. Переписчик попросил людей, прочитавших это произведение, помолиться за право переписчика. Скопировано на персидском языке, шрифтом насталик. Он состоит из 120 листов. Название этой работы Рази не приводится в «Кашф аз-Зунун». Копия номер 2355/2 была скопирована на персидском языке шрифтом насталик Усманом ибн Мир Мухаммадом Валидом Мир Камалем (عثمان بن ملا محمد ولد ملا كمال) в 1060/1650 гг. Она состоит из 100 листов (55 б-154 б). Эта работа Рази, которая не изучалась исследователями. Выражаем благодарность доценту Ташкентского государственного университета востоковедения, кандидату философских наук Мухаммаджону Кадырову за помощь в подготовке данной работы (10873).

³ محمد ابن عمر فخر الدين الرازي جامع العلوم 3 рукописных списка Джами уль-Улум Мухаммада ибн Умара Фахриддина Рази с инвентарными номерами 10583/7, 415, 5514 хранятся в основном собрании Института востоковедения Академии наук Узбекистана. Скопировано на арабском языке шрифтом насталик. Эта работа написана по просьбе Харезмшоха Такаша. В работе приводятся сведения о 60 науках и их классификации на мусульманском Востоке XII-XIII вв.: <http://scam.beruni.uz/scam/items-search/tome>

⁴ حمد بن عمر بن الحسيني بن علي الرازي رساله الكماليه في حقايق الالهيه Произведение Мухаммада ибн Умара Фахриддина Рази «Рисалат

уль-Ишарат в-ат-Танбехот»⁵ (Комментарии к книге Ибн Сины «Наставления и распоряжения»), «Чахордах рисола», («Четырнадцать трактатов»). Также в наших предыдущих исследованиях мы предоставили данные о кратком обзоре произведений Фахриддина Рази, которые хранятся в коллекции Института востоковедения Академии наук Узбекистана [Умарджанов, 2022].

Результаты исследования. Примерами в философии для Рази служат древнегреческие мыслители-философы Аристотель, Гераклит, Демокрит, Эпикур и его последователи, великие ученые Средней Азии и мусульманского Востока Аль-Кинди, Абу Насир аль-Фараби, Абу Али Ибн Сина, Абу Сухайл Масихи и ряд других ученых. Поэтому, упоминая имена этих мыслителей-философов в ряде работ, признавая их заслуги в развитии философских взглядов, Рази писал: «Они (т. е. Аристотель, Демокрит, Гераклит, Эпикур, Аль-Араби, Ибн Сина, Абу Сухайл Масихи) были уникальными философами и великими мыслителями, обогатившими философскую науку своими великими знаниями. Хотя наши современники-философы достигли вершины познания, но по сравнению с ними это как капля в море [Херавий: 228].

Рази можно считать последователем Аристотеля, Абу Насра Фараби и Ибн Сины в сфере философии? Но он был не только последователем, но и толкователем и подражателем учений названных выше философов, а также творчески и критически подошел к их философскому и естественнонаучному наследию. Рази признает философов, которых он считает своими учителями, следующим образом: «Аристотель, написавший множество трудов в различных областях знания, в том числе и в философии, был величайшим среди философов. Кроме Фараби и Ибн Сины, ни один другой философ так глубоко не изучал его труды и не мог так интерпретировать их. Философы относились к его трудам и к нему самому с большим уважением. Я также очень интересовался его философскими работами и посвятил часть своей жизни изучению его философских трудов. В результате этого я смог написать некоторые из

аль-камалия фи хакайк аль-илахийя» хранится в основной коллекции Института востоковедения Академии наук Узбекистана. Копия рукописи № 2536 в Шахджаханабаде (شاه جهان آباد), Индия, 1076/1665, скопирована на персидском языке шрифтом насталик. Он состоит из 87 страниц. Рукопись № 2687 того же произведения переписана Мисрил Мактум в таджикском переводе шрифтом насталик. Для полной информации: Ayman Shihadeh, *The Teleological ethics of Fahr al-Din al-Razi*. Brill Leiden-Boston, 2006. 280 p. Tariq Jaffer, *Razi Master of Qur'anic Interpretation and Theological Reasoning*. Oxford University Press, 2015. 244 p. Frank Giffel. Herausgegeben von Ulrich Rudolph, *Philosophie in der Islamischen welt*, 11. und 12. Jahrhundert: Zentrale und Östliche gebiete. Schwabe verlag, 2021. S. 471-501.

⁵ فخر الدين الرازي شرح الاشارات وتنبهات Произведение Фахриддина Рази «Шарх ал-Ишарат ва-л-танбихат» хранится в основном Института востоковедения Академии наук Узбекистан под инвентарными номерами 4957/1, 4957/2 и 4957/3 основного фонда. Написано около 580/1184. Эта работа представляет собой знаменитый критический комментарий Рази к «Аль-Ишарат ва-л-Танбихат» Ибн Сины. Неизвестно, кем и когда была скопирована рукопись. Скопировано на арабском языке шрифтом насталик. Для полной информации: Shihadeh A. (2016). *Razi's (d. 1210) Commentary on Avicenna's Pointers: The Confluence of Exegesis and Aporetics in The Oxford Handbook of Islamic Philosophy*, eds. K. El-Rouayheb and S. Schmidtke Oxford: Oxford University Press, 296-325. Shihadeh A. (2014). "Fakhr al-Din al-Razi's Response to Sharaf al-Din al-Mas'udi's Critical Commentary on Avicenna's Isharat". *The Muslim world*, volume 104, 1-60. Rapoport AM. "The life and afterlife of the rational soul: Chapter VIII-X of Ibn Sina's Pointers and Reminders and their commentaries". A dissertation presented to the faculty of the Graduate school of Yale university in Cand. for the degree of doctor of philosophy, 2018. p 500. Gutas D. *Avicenna and the Aristotelian Tradition*. Brill, Leiden. Boston, 2014. P 617.

своих философских работ, в том числе «Нихаят-уль-укул»⁶, («Трактат о пределах сознания») «Трактат о малой книге логики» («Аль-Мулаххас»), Трактат об основных частях книги Ибн Сины «Наставления» («Шархи Ишарат ва Абу Али») [Ал-Рази, 1340: 144]. Из этого отрывка видно, что, хотя Рази провел часть своей жизни, изучая научное наследие Аристотеля, и написал ряд собственных произведений под влиянием его работ, он также был философом, который развил некоторые философски значимые материалистические идеи своих предшественников, в том числе Аристотеля, Фараби и Ибн Сины. Об этом свидетельствуют следующие его слова о древнегреческом философе Аристотеле:

Гирем, ки ба хидмати ту, эй садр,
Дар хурди таахуде набудем.
Бар даргахат, эй ба хакки салимон,
Охир кам худ-худе набудем.
Алқисса, ту форигию мо низ,
Мухтоджи тарадуде набудем [Ал-Рази 1331: 144].

Перевод:

Хотя мы не видели тебя, глава мудрецов,
Но мы все присоединились к твоей работе.
Клянёмся честью друзей, что
Мы искали в тебе путь к истине.
А мы продолжим твою работу творчески,
И нет нужды вас беспокоить.

Как видно из двух строк этого стихотворения, Рази осознавал необходимость творческого подхода к наследию своих предков, афганский ученый Моил Херави, помимо углубления в его суть, писал: «Фахриддин Рази был великим философом, который глубже других знал философию своего времени» [Херавий, 3]. Почти во всех своих произведениях, особенно имеющих чисто философский характер, Рази поставил перед собой цель ответить на ряд важных, актуальных проблем философии и выразить свои взгляды на них. При этом он пытался не только теоретически осмыслить проблемные вопросы философии, но и пытался связать эти теоретические рассуждения с жизнью. И можно сказать, что в чем-то он добился реализации этих идей.

Рази считал философию одной из древнейших наук. Он показывает, что

⁶ محمد ابن عمر فخرالدين الرازي نهاية العقول Произведение «Нихаят ал-укул» Мухаммада ибн Умара Фахриддина Рази является экземпляром № 10129 основного собрания Института востоковедения Академии наук Узбекистан. Он состоит из 200 листов, скопированных письмом насх арабским шрифтом в 680/1281 году Али ибн Мухаммадом ибн Али Аннасафи (علي بن محمد علي النسفي). Эта работа по науке о Калам, которая еще не была опубликована, оказала большое влияние на историю исламского богословия. Он представляет собой решающий короткий этап между ранней мыслью Ашари ар-Рази и его более поздней философской теологией. Для полной информации: M. Saghir Hasan Masumi, "Imam Razi's Ilm al-akhlaq". Kitab Bhavat.: New Delhi, 1992. P. 333. Ayman Shihadeh, The Teleological ethics of Fahr al-Din al-Razi. Brill Leiden-Boston, 2006. 280 p.

философия важна в изучении вселенной, потому что она изучает всю существующую реальную жизнь. Вот почему Рази, следуя прогрессивным материалистическим идеям своих предшественников, считает, что философия является лучшим инструментом для размышления о философии и доказательства объективности бытия, существования («экзистенции»), верного пути достижения истины [Ал-Рази, 1340: 144]. Поскольку, говорит мыслитель, предметом философии является бытие, существование, а объективной реальностью является его понимание, поэтому наука делится на части. По его взглядам предметы и предметы реальной жизни делятся на две группы. К первой группе относятся объекты, не зависящие от деятельности и усмотрения человека. Ко второй группе относятся вещи и предметы, связанные с человеческими действиями и разумом. Исходя из этого, наука о бытии делится на две части. Первая часть данной науки – теоретическая философия, цель которой – постижение истины, и практическая философия, цель которой – достижение благополучия. Рази пишет: «Наши философы, подходя к вопросу о практической и теоретической философии, объясняли его так: теоретическая философия означает, что через нее человек постигает мир. Через практическую философию человек постигает материальные блага. По этой причине они делили философию на практическую и теоретическую философию, а понимание (знание) делили на вне его и внутри него, и потому объясняли бытие частью всего мира» [Ал-Рази 1331: 417].

Рази не сомневается в реальном существовании бытия, его осознании через органы чувств и сознание. «Мы ясно видим и понимаем, что внешний мир существует и что он состоит из различных тел посредством органов чувств и сознания», – комментирует он. (на персидском «Ин олами хоридж, ки аз мавжудод ва хар гуна кисм иборат аст, мо мушохида мекунем ва уро бо хис ва акл дармеёбем») [Ал-Рази, 1340: 32].

Согласно учению Рази, бытие есть общее понятие, означающее все существование, а существа делятся на необходимое-существование и возможно-существование благодаря сознанию. То, что делится на две части, является общим для этих частей, поэтому бытие является общим (понятием) для всех существ [Ал-Рази, 1335: 27].

Так, Рази, не сомневаясь в реальном существовании сущего, полагал, подобно Абу Наср аль-Фараби и Ибн Сине, что сущее делится на необходимое-бытие (ваджиб уль-вуджуд) и возможное-бытие (мумкин уль-вуджуд) [Кадыров, 2009: 101].

Чтобы обосновать свое мнение, он пишет: «Знай, нет сомнения в том, что есть бытие, существование. Следовательно, если существует необходимое существование, существует и возможное существование. Таким образом, стало ясно, что всякое бытие, существование делится на два — одно из них необходимое-бытие, другое возможное-бытие» [Ал-Рази, 1340: 33-34].

Подобно Абу Наср Фараби, Ибн Сине и Омару Хайяму, Рази также соглашается с

мнениями о том, что необходимое существование есть начало всего сущего – первопричина, то есть Аллах, и другие объекты существования, вытекающие из него, возможны [Хайруллаев, 1995: 63]. Однако его мнение о необходимом существе (Боге) не осталось неизменным. Позже Рази не утверждает существование Бога как необходимого существа, то есть сомневается в существовании творца: «Возможно, есть творец вселенной» («Оламро офаридагоре хаёт») [Ал-Рази, 1340: 57].

Рази, как и Эпикур, выступает против абстрактного признания существования Бога как владыки вселенной. Рази говорит: «Творец вселенной не существует в этой форме, потому что даже если бы он существовал, он был бы подобен другим сотворенным вещам» («Сансо олам нест. Агар мавжуд бувад, мисли мавжудод бувад, агар мавжуд набувад, бояд ки маъдум бувад») [Ал-Рази, 1340: 57].

Такая постановка вопроса Рази имела важное прогрессивное значение в истории философской и общественной мысли народов Ближнего и Среднего Востока. Потому что такие мысли явно противоречили догматам ислама, мусульманской идеологии, согласно которой Бог не только сотворил вселенную, но и ежедневно руководит делами земли. Из-за столь резких заявлений и отрицания реального существования Бога как творца большинство реакционных сил, например, суфии, выступили против него и обвинили его в безбожьи [Наимов, 1975: 57-58]. Они приводят несколько аргументов в поддержку своего мнения о том, что Бог действительно существует. Например, по словам кирамидов говорится: «Бог — это реальная личность, существующая во времени и пространстве. Он расположен над небом и имеет все части тела, включая хобот» [Ал-Рази, 1340: 58].

Критикуя это утверждение, Рази показывает, что «их учения и лозунги есть не что иное, как колдовство и нечестность, хамство и божественность, заговор и хитрость, лицемерие и обман» [Ал-Рази, 1340: 125].

Вышеуказанные сведения содержатся в таких произведениях Рази, как «Чахордах рисола», «Джомеъ'-уль-улум», «Шарх-уль-ишарат ват-Танбехот», «Ар-рисолат-уль-камолия фил-акойк- ул-илохия». Эту информацию привел в своей кандидатской диссертации Наимов [Болтаев, 1965], изучавший его философско-логические воззрения. В ходе нашего исследования мы изучили работу Ясина Сейлана [Yasin, 1980] о Фахриддине Рази.

Примечательно, что Ясин Сейлан анализирует такие произведения Рази, как «Рисала филь-Таухид» и «Аль-Мабахис аль-Машрикия», и в своем исследовании приводит рассуждения Рази о существовании Бога следующим образом: «Ар-Рази использует различные аргументы, чтобы доказать существование Бога. В «Рисала фил-Таухид» он обсуждает два основных подхода к Богу: один активный, а другой пассивный. Активный подход включает в себя:

1. Ортодоксальный подход.

2. Шиитский подход.
3. Подход божественной эманации (Духовное озарение, Ишрак).
4. Ментальный подход.
5. Подход тех, кто верит в звезды.

В качестве пассивного подхода он выражает свои мысли с суфийским подходом к понятию Бога.

В труде «Аль-Мабахис аль-Машрикийя» он разделил искателей божественных знаний на шесть групп. В качестве пассивного подхода он выражает свои мысли с суфийским подходом к понятию Бога.

В труде «Аль-Мабахис аль-Машрикийя» он разделил искателей божественных знаний на шесть групп:

1. Философы.
2. Богословы.
3. Сторонники божественных аргументов.
4. Натуралисты.
5. Эмпирики.
6. Мистики» [Yasin, 1980: 109].

Также в наших предыдущих исследованиях мы приводили сведения о размышлениях о философии бытия в рукописном труде Фахриддина Рази «Латаиф уль-Гиясийя», хранящемся в Институте востоковедения АН РУз, который мы исследуем [Умаржанов, Сафаров, 2021: 19]. В ходе изучения произведения мы выяснили, что его внутренняя структура состоит из трех больших статей. Они называются следующим образом:

1. О достоинстве знания.
2. О доказательствах существования творца бытия и мироздания.
3. О качествах человеческого состояния.

Именно во второй статье «О доказательствах существования и творце вселенной» были раскрыты онтологические воззрения Рази [Умаржанов, 2020].

Вопрос о существовании Бога, являющийся одной из основных тем науки о слове (калом), — вопрос, вызвавший множество споров среди богословов. Потому что Рази является лицом, который развивал философские науки и был лидером философов. Этот великий богослов пытался объяснить существование Аллаха интеллектуальными и повествовательными свидетельствами, представленными в Священном Коране [Gölcük, 1992: 157].

Анализируя произведения Рази «Мулаххас» и «Аль-Маталибу л-Алия», турецкий исследователь Харун Кучул цитирует взгляды Рази, основанные на интеллектуальных и повествовательных доказательствах того, что Бог существует и является создателем вселенной, следующим образом:

«Когда мы анализируем работы Рази, мы видим, что он опирается на 4 доказательства существования Бога. Это:

1. Аргументы, представленные в соответствии с возникновением объектов.
2. Аргументы представлены в зависимости от вероятности объектов.
3. Аргументы, приведенные в соответствии с происхождением земли.
4. Рассуждения по вероятности земли» [Ал-Рази, 1992: 109-110; Narun, 2008: 22].

В «Аль-Маталибу ль-Алия» Рази приводит 6 доказательств существования Аллаха:

1. Возможности человека.
2. Наличие человеческих качеств.
3. Человеческий предел.
4. Предел человеческих качеств.
5. Сочетание возможности и предела в человеке.
6. Сочетание пределов и возможностей человеческих качеств [Ал-Рази, 1992: 22].

Эти два вида информации вызывают некоторую путаницу в онтологических воззрениях Рази. На наш взгляд, по мере развития религиозно-философских знаний Рази могли меняться его взгляды на существование и теологию.

Под концепцией возможного бытие Рази выделяет вещи и объекты внешнего мира, которые реальны в объективном существовании и становятся известными нам через психические и эмоциональные ощущения. «Вещи, которые существуют во внешнем мире и могут быть поняты с помощью ума и чувств, считаются возможно-существами» [Ал-Рази, 1340: 19].

Как видно, что Рази под категорией потенциального бытия относится к материальным объектам, которые мы воспринимаем через наши органы чувств и ум, которые вызывают у нас различные чувства и состояния (настроения). Вот почему он не был субъективным идеалистом и скептиком в вопросе о бытии, материи, иначе говоря, в вопросе о внешнем мире [Наимов, 1975: 58-59]. Согласно его учению, бытие, материальность есть естественное состояние существования, материальность, которая непрерывно переходит из одной формы существования в другую, из одного качественного состояния в другое качественное состояние. «Тело человека — говорит он, — превращается (переходит) в душу, душа превращается в сердце, сердце превращается в цветок, цветок превращается в частицы, частицы превращаются в ничто, ничто превращается в бытие» [Ал-Рази, 1340: 26].

Согласно учению Рази, ничто не становится ничем, но оставляет определенный след и не возникает из ничего, а всегда имеет определенную причину. Разрушение отдельной вещи означает только то, что она стала чем-то другим, а возникновение

отдельной вещи означает, что она возникла из чего-то другого.

Природа подразумевает, что она неразрушима, что не существует абсолютного распада и абсолютного возникновения, что «что-то распадается, а что-то возникает на его месте», «следовательно, распад и возникновение не связаны с всякими сверхъестественными силами, но «образуется» по природе тех вещей» [Ал-Рази, 1340: 44].

Выводы. В то время когда обострилась борьба сторонников Газзали против свободомыслящих мыслителей, идеи Рази о бытие, о неразрушимости внешних материальных миров приобрели большое значение для укрепления позиций передовой философии.

Все это, конечно, составляет рациональный центр его учения. А он, в свою очередь, сыграл огромную положительную роль в развитии науки, несмотря на то, что это противоречила основным догмам Ислама. Именно поэтому Рази легко можно считать одним из свободомыслящих и передовых мыслителей-философов Средневековья, сыгравшим большую роль в развитии прогрессивной философской мысли народов Ближнего и Среднего Востока, а также одним из мыслителей, оказавших значительное положительное влияние на мировоззрение ряда позднейших мыслителей-философов Средней Азии и мусульманского Востока.

Список источников

Ал-Рази Фахриддин. Чахордах рисола. Тегеран, 1340. Хиджри. 185 с. (На персидском языке)

Ал-Рази Фахриддин. Жомеъ ул-улум. Ташкент, 1331. Хиджри, 490 с. (На персидском языке)

Ал-Рази Фахриддин. Ар-рисолат-ул-камолія. Тегеран, 1335. Хиджри, 215 с. (На персидском языке)

Ал-Рази Фахриддин. Мулаххас, Веугут, 1992. (На арабском языке)

Болтаев М. Н. Вопросы гносеологии и логики в произведениях Ибн-Сины и его школы. Душанбе, 1965. 295 с.

Кадыров М. Философское мышление Средней Азии, Ближнего и Среднего Востока (Средневековья). Ташкент: ТДШИ, 2009. 191 с. (На узбекском языке)

Мирзиёев Ш. М. Новая стратегия Узбекистана. Ташкент: Узбекистан, 2021. 459 с. (На узбекском языке).

Наимов Н. Философские и логические воззрения Фахриддин Рози; Дис. ... канд. филос. наук. Ташкент, 1975. 203 с.

Саифназаров И., Умаржанов С. Государственно-религиозные отношения в новом Узбекистане // Innovative, educational, natural and social sciences. 2022, 2 (special issue 23). 414-424 p. URL: <https://doi.org/10.24412/2181-1784-2022-23-414-424> (Дата обращения 02.05.2023) (На узбекском языке)

Указ № ПФ-60 от 28 января 2022 года Президента Республики Узбекистан Ш. Мирзиёева «О Стратегии развития Нового Узбекистана на 2022-2026 годы». URL: www.Lex.uz

Умаржанов С. Философско-герменевтический анализ произведения Фахриддина Мухаммада ар-Рази (1149-1209) «Латойф уль-Гиясият». 2020. Дисс. магистра. 121 с. (На узбекском языке).

Умаржанов С. С., Сафаров М. К. Рукопись Фахриддина Рази «Латойф уль-Гиясият» о проблеме разума и веры, и ее религиозно-философский герменевтический анализ // Oriental renaissance: Innovative, educational, natural and social sciences, 2021, 1(5), 1058-1068. (На узбекском языке)

Умарджанов С. Краткий обзор произведений Мухаммада ибн Умара Фахриддина Рази. Уроки Имама Бухари, 2022. 1, 24-25. (На узбекском языке)

Хайруллаев М. М. Научно-философские и социальные взгляды Абу Али ибн Сины. Таблички из истории общественно-философской мысли в Узбекистане. Ташкент: Узбекистан, 1995. 135 с. (На узбекском языке).

Херавий Мойл. Шархи хол, зиндаги ва мунозароти Фахриддин Рази. Тегеран, 1340. Хиджри, 320 стр. (На персидском языке)

Yacin Ceylan. Theological and Tafsir in the major works of Fakhr al-Din al-Razi; Thesis presented for the degree of Ph.D. in the Faculty of Arts, University of Edinburg. 1980. 264 p.

Gölcük Şerafettin. Kelam Tarihi, Esra Yayınları, Konya 1992. (На турецком языке)

Harun Küçük. Fahriddin er-Razi ve uluhiyyat anlayışı. Konyo 2008. Yüksek lisans tesi. (На турецком языке)

References

Al-Razi, Fakhr al-Din (1340). *Chahordoh risola* (Fourteen treatises) Tehran, AH: 185. (In Persian)

Al-Razi, Fakhr al-Din (1331). *Jome ul-ulum*. Tashkent, AH: 490. (In Persian)

Al-Razi, Fakhr al-Din (1335). *Ar-risolat-ul-kamoliya*. Tehran, AH: 215. (In Persian)

Al-Razi, Fakhr al-Din (1992). "Mulahas", Beirut. (In Arabic)

Boltaev, M. N. (1965) *Issues of epistemology and logic in the works of Ibn Sina and his school*. Dushanbe: 295. (In Russ.)

Ceylan, Yacin (1980). *Theological and Tafsir in the major works of Fakhr al-Din al-Razi*; Thesis presented for the degree of Ph.D. in the Faculty of Arts, University of Edinburg: 264.

Decree No. PF-60 dated January 28, 2022 of the President of the Republic of Uzbekistan Sh. Mirziyoyev on "Development Strategy of New Uzbekistan for 2022-2026". URL: www.Lex.uz

Gölcük, Şerafettin (1992). *Kelam Tarihi*, Esra Yayınları, Konya. (In Turkish)

Heraviy, Moyl (1340). *Sharkhi hol, zindagi va munozaroti Fakhriddin Razi*. Tehran, AH: 320 (In Persian)

Kadyrov, M. (2009). *Philosophical thinking of Central Asia, the Near and Middle East (Middle Ages)*. Tashkent, TSIOS: 191. (In Uzbek)

Khairullaev, M. M. (1995) *Scientific-philosophical and social views of Abu Ali Ibn Sina*. Plates from the history of

socio-philosophical thoughts in Uzbekistan. Tashkent, Uzbekistan: 135. (in Uzbek)

Küçük, Harun. (2008) *Fahriddin er-Razi ve uluhiyyat anlayışı*. Konyo. Yüksek lisans tesı (master's thesis). (In Turkish)

Mirziyoev Sh. M. (2021) *New Uzbekistan strategy*. Tashkent, Uzbekistan: 459. (In Uzbek)

Naimov, N. (1975) *Philosophical and logical views of Fakhr al-Din Razi*; Diss. cand. Phil. Sciences. Tashkent: 203. (In Russ.)

Saifnazarov, I., Umarjanov, S. (2022). *State and religion relations in New Uzbekistan*. *Innovative, educational, natural and social sciences*, 2 (special issue 23): 414-424. URL: <https://doi.org/10.24412/2181-1784-2022-23-414-4245> (date of access 02.05.2023). (In Uzbek)

Umarjanov, S. (2022). *Brief review of the works of Muhammad ibn Umar Fakhriddin Razi*. *Lessons from Imam Bukhari*, 1: 24-25. (In Uzbek)

Umarjanov, S. S., Safarov, M. K. (2021). *Fakhr al-Din al-Razi's "Latoif ul-Ghiyasiyat" manuscript of the issue of reason and faith and its religious-philosophical hermeneutic analysis*. *Oriental renaissance: Innovative, educational, natural and social sciences*, 1(5): 1058-1068. (In Uzbek)

Umarjanov, S. (2020). *Philosophical and hermeneutic analysis of Fakhr al-Din Muhammad al-Razi's (1149-1209) work "Latoif ul-Ghiyasiyat"*. *Dissertation written for obtaining the academic degree of Master*: 121. (In Uzbek)

© Саифназаров И., Умаржанов С., 2023

Саифназаров Исмаил – профессор кафедры «Социально-гуманитарные науки» Ташкентского государственного экономического университета. Контактные данные: 100003 Узбекистан, Ташкент, ул. Ислама Каримова, 49 (100003 Toshkent, O'zbekiston, shon Ko'chasi, 49-uy. E-mail: profis48_48@mail.ru.

Умаржанов Сохибжон – докторант кафедры «Социально-гуманитарных науки» Ташкентского государственного экономического университета. Контактные данные: 100003 Узбекистан, Ташкент, ул. Ислама Каримова, 49 (100003 Toshkent, O'zbekiston, shon Ko'chasi, 49-uy. E-mail: fenomen1993@bk.ru.

Статья поступила в редакцию: 27.06.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Электронный научный журнал «Язык. Коммуникация. Общество» Санкт-Петербургского государственного экономического университета приглашает к сотрудничеству авторов научных работ – преподавателей вузов, исследователей, молодых ученых в области лингвистики, медиакоммуникаций и журналистики, философии.

Присланные авторами статьи проходят обязательное двойное слепое рецензирование. Материалы аспирантов принимаются при наличии рекомендации научного руководителя.

Для публикации материалов в ЭНЖ «Язык. Коммуникация. Общество» авторам необходимо направить на электронный адрес журнала оформленные по требованиям тексты научных статей.

Правила оформления и образец статьи размещены на официальном сайте СПбГЭУ в разделе Электронный научный журнал «Язык. Коммуникация. Общество». Прямая ссылка на раздел: <https://unecon.ru/nauka/izdaniya/>

Редакция оставляет за собой право не рассматривать рукописи, оформленные не в соответствии с указанными требованиями.

Журнал выходит 4 раза в год. Сроки приема статей: № 1 – до 01 января, № 2 – до 1 апреля, № 3 – до 1 июня, № 4 – до 1 ноября. Сроки приема статей могут быть сокращены при досрочном достижении предельного объема номера журнала!

Контактная информация:

Почтовый адрес: 191023, г. Санкт-Петербург,
Москательный пер., д. 4.

E-mail: ics_journal@unecon.ru

Научное издание

Электронный научный журнал
«ЯЗЫК. КОММУНИКАЦИЯ. ОБЩЕСТВО»

2023. Выпуск 3

Усл. печ. л. 8,9.

191023, Санкт-Петербург,
наб. канала Грибоедова, д. 30-32, лит. А.